

КУРТ БОМБЕРГ

Annotation

Ожидая наказание за содеянное преступление ветеран Вьетнама профессор колледжа Юджин Дебс Хартке неожиданно понимает, что он убил столько же людей, сколько раз занимался сексом. Эта ироничная параллель вкупе с критикой правительства, больших денег, средств массовой информации, наркотиков, расизма в очередной раз демонстрирует чисто воннегутовский стиль изложения.

© creator <http://fantlab.ru>

- [Курт Воннегут](#)
 - [Предисловие издателя](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [49](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Курт Воннегут
Фокус-покус

Предисловие издателя

В распоряжении автора не было стандартной писчей бумаги. он писал в библиотеке, где хранилось тысяч восемь разных книг, абсолютно никому, кроме него, не нужных. Большинство из них так никто и не прочел, и вряд ли это им грозило в будущем, поэтому он мог бы с чистой совестью использовать вместо писчей бумаги вырванные из книг титульные листы. Но он этого не сделал. Почему – нам не известно. Так или иначе, он писал эту книгу карандашом на всем, что попадалось под руку, – от темной оберточной бумаги до конторских бланков с чистой обратной стороной. Поэтому здесь, вопреки обыкновению, появились сплошные линии, указывающие, где кончается один клочок и начинается другой. Если абзац совсем маленький, значит, и клочок был маленький.

Можно подумать, что автор, роясь в мусоре в поисках годных для писания листков, надеялся, что это поможет ему представиться существом безобидным или вовсе невменяемым – ведь он ждал суда. Но не менее вероятно и то, что он бросился писать, даже и не помышляя о том, что пишет книгу на чем попало, исписывая любой клочок, оказавшийся под рукой. Возможно, ему показалось, что очень удобно писать на одном клочке, потом на другом – как будто перед ним бутылки и пузырьки, которые надо наполнить. И когда очередная бутылка была наполнена, независимо от размера, он, должно быть, чувствовал удовлетворение: все, что стоило писать про то или про это, было написано.

Все странички он пронумеровал, так что можно не сомневаться ни в том, что они составляли цельную рукопись, ни в том, что он все же надеялся: эту книгу кто-нибудь прочтет, несмотря на растрепанный и жалкий вид. Собственно, он сам упоминает об этом то там, то тут – и чем ближе к концу, тем увереннее он говорит, что пишет книгу.

Здесь изображены несколько надгробий. Собственноручно автор нарисовал лишь одно из них. Остальные – копии, сведенные, очевидно, при помощи прозрачной бумаги, наложенной поверх оригинала, прижатого к оконному стеклу, освещенному солнцем. На пустой поверхности надгробного камня он потом писал разные слова, а на одном – всего лишь вопросительный знак. Воспроизвести их на странице книги сложно, поэтому надписи набраны типографским шрифтом.

Автор лично несет ответственность за то, что некоторые слова почему-то написаны с заглавной буквы, хотя дотошный редактор предпочел бы это

исправить. Кроме того, Юджин Дебс Хартке решил, по непонятным для нас причинам, что все числительные надо изображать цифрами, кроме тех случаев, когда с них начинается фраза, например, «2» вместо «два». Может быть, ему казалось, что если цифры разбавлять буквами, они потеряют свою силу,

Поразмыслив, я решил отнестись ко всем его пристрастиям и чудачествам с уважением. Помню, другой автор как-то сказал мне, что есть одно, самое священное слово в громадном запасе редакторских значков и закорючек. Вот оно: «ОСТ.», то есть «оставить, как есть».

К. В.

Эта книга – чистый вымысел, и посвящается вам,

Меня зовут Юджин Дебс Хартке, родился я в 1940-м. По требованию дедушки с материнской стороны, Бенджамена Уиллса, Социалиста и Атеиста, простого дворника в Институте Батлера, что в Индианаполисе, штат Индиана, меня назвали в честь Юджина Дебса из Терр Отт, тоже в Индиане. Дебс был Социалист и Пацифист, и Профсоюзный Деятель, несколько раз выставлявший свою кандидатуру на выборах президента Соединенных Штатов Америки, и голосов он получил больше, чем любой другой кандидат, выдвинутый третьей партией, за всю историю нашей страны.

Дебс умер в 1926-м, когда мне было –14 лет.

Теперь у нас 2001 год.

Если бы исполнились надежды и чаяния большинства людей, к нам снова пришел бы Иисус Христос, а американский флаг развевался бы на Венере и на Марсе.

Да что-то не повезло...

Но Конец Мира все же настанет, и многие заранее радуются от всей души. Ждать осталось совсем недолго, но все же в 2000 году конца мира не было. Я полагаю, что Всевышний просто не очень-то увлекается Нумерологией.

Дедушка Бенджамен Уиллс умер в 1948, когда мне уже было +8 лет, и он успел убедиться, что я выучил наизусть слова, изреченные Дебсом:

«Пока существует угнетенный класс, я в его рядах.

Пока существует преступность, я к ней причастен.
Пока хоть одна живая душа томится в тюрьме, я не свободен».

Но я, названный в честь Дебса, вовсе не унаследовал его чувствительное сердце. С того времени, как мне исполнился 21, и до 35 я был профессиональным военным, кадровым офицером Армии Соединенных Штатов. За эти 14 лет я бы ничтоже сумняшеся уколошил и Самого Сына Божия, и любого другого сына любого другого отца и матери, да и вообще все и вся, по приказу вышестоящего офицера.

Внезапный, унижительный и позорный конец Вьетнамской войны застал меня в чине подполковника, и у меня были 1000-чи и 1000-чи подчиненных.

Во время этой войны, в которой главным был вопрос о запасах вооружения, существовала совершенно микроскопическая вероятность того, что именно я дал сигнал той газовой атаке или напалмовому штурму с воздуха, который встретил возвратившегося к нам Иисуса Христа.

Я вовсе не собирался стать профессиональным солдатом, хотя из меня вышел хороший солдат, если можно поставить эти два слова рядом. Мысль послать меня в Уэст-Пойнт, неожиданная, как конец Вьетнамской войны, явилась откуда ни возьмись, когда я доучивался последний год в школе. Я

давно и твердо решил, что пойду в Мичиганский Университет, буду изучать Английский, Историю и Политологию и работать в студенческой ежедневной газете, чтобы набить руку в журналистике.

Но тут мой родитель, инженер-химик, принимавший участие в производстве пластика с периодом полураспада в 50 000 лет, и напигованный дурацкими идеями, что твоя рождественская индейка, заявил, что я поступаю в Уэст-Пойнт. Сам он никогда в армии не служил. Во время 2 мировой войны его сочли слишком ценным «мыслителем» в области химии, чтобы позволить натянуть на него солдатскую форму и превратить его за 13 недель в придурка, одержимого манией убийства и самоубийства.

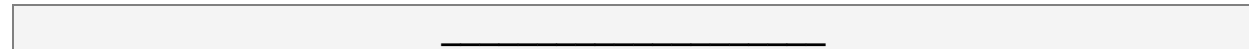
Меня уже приняли в Мичиганский Университет, когда мне на голову точно с неба свалилась идея поступить в Военную Академию Соединенных Штатов. Это предложение застигло моего отца в тяжелое для него время, когда он попал в полосу неудач, и ему было необходимо хоть чем-то похвалиться, чтобы вернуть себе уважение наших простоватых соседей. Для них приглашение в Уэст-Пойнт было великим везеньем – все равно что приглашение в профессиональную бейсбольную команду.

Он мне так и сказал, а я всегда повторял это зеленым новичкам из пехотного пополнения, как только они сходили на землю Вьетнама с корабля или с самолета:

– Перед вами открываются грандиознейшие возможности.

А вот если бы наш мир был устроен получше, знаете, кем я хотел бы стать? Джазовым пианистом. Я говорю о джазе. Никакого рок-н-ролла. Я говорю о той музыке, в которой ни одна нотка не повторяется – ее подарили миру американские чернокожие. Мне пришлось играть на рояле в чисто белом джазбанде, в моей школе для белых в Мидленд Сити, Огайо. Мы называли себя «Продавцы душ».

Хорошо ли мы играли? Приходилось играть популярную музыку для белых, иначе нас бы вообще никуда не приглашали. Но мы частенько срывались с привязи и играли настоящий джаз. Похоже, что никто никакой разницы не замечал. Но мы-то знали. Мы были от себя в восторге. Мы сами в себе души не чаяли.

Не стоило отцу заставлять меня учиться в Уэст-Пойнте.

Мало того, что он поганил окружающую среду своими сверхстойчивыми пластиками. Подумайте, что он со мной сделал! Какой он был простофиля! А моя мамочка подпевала ему во всем, что бы он ни придумал, а значит, и у нее тоже были не все дома.

Их обоих убило в дурацкой катастрофе, в лавке сувениров на канадской стороне Ниагарского водопада, который местные индейцы раньше называли «Гремящей Бородой», – на них обвалился потолок.

В этой книге нет слов, входящих в непечатные выражения, кроме «черт» и «Бог», – так что не бойтесь, невинное дитя не найдет здесь ни 1-го ругательства. Время от времени я, говоря о вьетнамской войне, буду выражаться так:

– Это было тогда, когда экскременты влетели в вентилятор.

Пожалуй, единственный принцип, который мне внушил Дедушка Уиллс, принцип, который я чтил всю свою сознательную жизнь, заключался в том, что сквернословие и богохульство дают право людям, не желающим получать неприятную информацию, затыкать уши и закрывать глаза, когда вы к ним обращаетесь.

Самые наблюдательные солдаты из моих подчиненных во Вьетнаме поражаются, что я никогда не ругаюсь – второго такого они в Армии не встречали. Иногда они меня спрашивали: может, это из религиозных

соображений?

А я отвечал, что к религии это не имеет ни малейшего отношения. Признаться, я почти законченный атеист, как мамин папаша, хотя этого я им не говорил. Стоит ли спорить с человеком, лишая его надежды хоть на какую-нибудь Жизнь за гробом?

– Я не сквернословлю, – говорил я обычно, – потому что и твоя жизнь, и жизнь тех, кто рядом с тобой, может целиком зависеть от того, понял ли ты, что я тебе говорю. О’кей? О’кей?

Я вышел в отставку в 1975, когда экскременты влетели в вентилятор, однако не пропустил возможности сделать сына по пути домой – во время короткой остановки на Филиппинах. Я сам об этом не догадывался. Я был в полной уверенности, что девушка, работавшая военным корреспондентом, пользовалась надежным противозачаточным средством.

Опять просчитался!

Повсюду понатыканы капканы и ловушки на дураков.

Но самая колоссальная мышеловка, какую мне подстроила Судьба, – это была прехорошенькая и обаятельная девушка по имени Маргарет Паттон, которая позволила мне ухаживать за ней и согласилась выйти за меня замуж – вскоре после окончания Уэст-Пойнта, – а потом родила мне 2-их детишек, ни разу не заикнувшись о том, что в ее семье с материнской стороны имеется сильнейшее предрасположение к сумасшествию.

Так что сначала ее мать, которая жила с нами, сошла с ума, а потом и сама она потеряла рассудок. Более того, наши дети могут с полным основанием опасаться, что и они тоже в пожилом возрасте спятят.

Наши дети – а теперь все они взрослые люди – никогда в жизни не простят нам того, что мы имели потомство.

Да, влипли мы все, ничего не скажешь.

Я понимаю, что, сравнивая мою первую и единственную жену с таким бесчеловечным устройством, как ловушка для дураков, я рискую показаться столь же бездушным адским изобретением. Но множество женщин с удовольствием и без всяких осложнений общались со мной, и меня тоже интересовали их человеческие, а не чисто механические свойства. Я почти каждый раз был так же увлечен их душами, их умом, историями их жизни, как и их любовным пылом.

Но когда я вернулся домой с войны во Вьетнаме и задолго до того, как Маргарет и ее мать проявили со всей очевидностью для меня, и наших детей, и наших соседей явные и яркие симптомы своего наследственного безумия, эта дружная команда в игре в «дочки-матери» стала ко мне относиться как к докучному, но необходимому предмету бытовой техники – вроде пылесоса.

На меня неожиданно валились не только неприятности, были и удачи, можно сказать, «манна небесная», но все же их было явно недостаточно, чтобы жизнь показалась похожей на райские кущи, куда там... Но сразу же после моего возвращения с войны, когда я не имел ни малейшего представления о том, куда податься и что делать всю оставшуюся жизнь, я неожиданно встретил своего прежнего командира, который стал Президентом Таркингтоновского колледжа, в Сципионе, штат Нью-Йорк. Мне тогда было всего 35, и жена была еще в своем уме, а теща только слегка тронулась. Он предложил мне место учителя, и я согласился.

Я мог принять его предложение с чистой совестью, хотя у меня не было никаких ученых степеней, кроме диплома об окончании Уэст-Пойнта, – дело в том, что все ученики в Таркингтоне были так или иначе неспособны к учению, или вообще олигофрены и тупицы, и прочее в этом роде. Мой старый командир заверил меня, что я могу по любому предмету

без труда дать им сто очков вперед.

Но он хотел, чтобы я преподавал в основном Физику, а у меня как раз были отличные отметки по физике в Уэст-Пойнте.

А самая-то главная удача для меня, самая полная поварешка манны небесной, заключалась в том, что в Таркингтоне был нужен человек, способный играть на Лютцевых колоколах. Это был набор колоколов, который помещался в башне над библиотекой, где я сейчас пишу.

Я спросил своего старшего командира, как надо звонить – за веревки дергать?

Он ответил, что раньше приходилось и за веревки дергать, но потом туда провели электричество и теперь надо играть на клавиатуре, и все.

– А что за клавиатура? – спросил я.

– Как у рояля, – сказал он.

На колоколах мне играть не приходилось. Мало кому выпадает такая звонкая возможность. Но на рояле-то я играл! И я ему сказал:

– Пожмите руку вашему новому звонарю.

Нет сомнений: самые счастливые минуты моей жизни наступали дважды в день – утром и вечером, когда я играл на Лютцевых колоколах.

Я приехал в Таркингтон 25 лет назад, и с тех пор живу в этой чудесной долине. Это мой дом.

Здесь я учительствовал. И совсем недолго был Начальником тюрьмы –

это когда Таркингтоновский колледж официально был объявлен Таркингтоновским Государственным Исправительным Заведением – в июне 1999, 20 месяцев назад.

Теперь я сам стал здешним заключенным, но живу довольно свободно. Меня пока еще ни в чем не обвинили. Я жду суда, который состоится, видимо, в Рочестере, по подозрению в организации массового побега из Нью-Йоркского Государственного Сверхнадежного Исправительного заведения для взрослых в Афинах – на том берегу озера.

Оказалось, что у меня еще и туберкулез, и моя бедная помешанная жена Маргарет с матерью по указанию суда были помещены в сумасшедший дом в Батавии, штат Нью-Йорк. Вот на это у меня никогда духу не хватало.

Я теперь попал в положение униженного и оскорбленного, так что деятель, в честь которого меня назвали, будь он в живых, мог бы, наконец, обратить на меня внимание.

В те далекие времена, когда царил оптимизм, и до всех поголовно еще не дошло, что люди убивают свою планету при помощи побочных продуктов своей изобретательности и что мы уже шагнули за порог нового Всемирного Оледенения, существовало общее название для крытого фургона, запряженного лошадьми, которые тащили переселенцев и их пожитки по прериям будущих Соединенных Штатов Америки, а потом через Скалистые горы к самому Тихому океану, – это было слово «Конестога»: первые такие фургоны сколотили в долине Конестога, в Пенсильвании.

Заодно они снабжали колонистов и сигарами, не считая всего прочего, так что до сих пор, в 2001 году, их частенько зовут «стоги» – от «Конестога», только покороче.

А тогда, в 1830, самые прочные фургоны, пользовавшиеся особой популярностью, делали как раз в Компании «Мохига-Фургон», здесь, в Сципионе, штат Нью-Йорк, у самой узенькой части, вроде талии, озера Мохига, самого глубокого, холодного и дальнезападного в цепи длинных и узких озер, которые так и зовут «фингерлейкс», – Пальцы-озера. Так что наиболее образованные курильщики сигар вполне могли бы называть свои слезоточивые бомбы не «стоги», а, например, «моги» или «хигги».

Основателем Компании «Мохига-Фургон» был Аарон Таркингтон, талантливый изобретатель и удачливый промышленник, несмотря на то, что он не мог ни читать, ни писать. Сейчас в нем сразу опознали бы ни в чем не повинную жертву наследственного генетического недостатка, именуемого дислексия. Он сам о себе говорил, что ему, как императору Карлу Великому, «недосуг учиться читать да писать». Однако он все же выкраивал по два часа в день, несмотря на занятость, и жена каждый вечер читала ему вслух. Память у него была феноменальная, и в своих еженедельных лекциях для рабочих предприятия он то и дело цитировал по памяти длинные фразы из Шекспира, из Гомера и из Библии, да и вообще

откуда угодно.

Он стал отцом 4 детей – сына и 3 дочерей, и все они, как 1, могли и читать, и писать. Но они все же оставались носителями гена дислексии, который преградит дорогу нескольким их потомкам к традиционному процессу обучения. Двое из детей Аарона Таркингтона, кстати, оказались настолько далеки от дислексии, что даже сами написали по книге – я их прочел только сейчас, и очень сомневаюсь, что их кто-нибудь когда-нибудь прочтет, кроме меня. Единственный сын Аарона, Элиас, написал технический отчет о строительстве канала Онондага, соединяющего северный конец озера Мохига с каналом озера Эри, к югу от Рочестера. А самая меньшая из дочерей, Фелисия, написала роман «Карпатия» – про взбалмошную и высокородную юную особу из Долины Мохига, которая влюбилась в метиса, полуиндейца, служившего на этом самом канале смотрителем шлюза.

Теперь этот канал засыпан и заасфальтирован, превращен в Шоссе 53 – оно раздваивается как раз в верховьях озера, где раньше были шлюзы. Одна ветка уходит на юг, к Сципиону, через сельскохозяйственные угодья. Другая ведет к юго-западу, через Ирокезский Национальный Лесной Заповедник, под вечно сумрачной сенью первозданного леса, к лысой вершине холма, увенчанного крепостными стенами Нью-Йоркского Государственного Сверхнадежного исправительного заведения для взрослых, что в Афинах – это деревушка на том берегу озера, напротив Сципиона.

Читайте внимательно. Это – история. Я стараюсь объяснить вам, как эта долина, цветущий и укромный уголок, превратилась в то, что она представляет собой теперь.

Все 3 дочери Аарона Таркингтона вышли замуж за сыновей

процветающих предприимчивых дельцов в Кливленде, Нью-Йорк, и Уилмингтоне, Делавар, – в полной невинности и неведении поставив под угрозу наследственной дислексии весь нарождающийся правящий класс банкиров и промышленников – в мое время их почти совсем вытеснили Немцы, Корейцы, Итальянцы, Англичане и – само собой! – Японцы.

Сын Аарона, Элиас, остался в Сципионе и унаследовал всю его недвижимость, добавив к ней еще пивоварню и ковровую фабрику на паровом ходу, первую в нашем штате. В Сципионе нет источников гидроэнергии, поэтому до введения паровых машин его промышленность процветала не из-за дешевых источников энергии и местного сырья, а только за счет изобретательности и высокого мастерства ремесленников.

Элиас Таркингтон так и не женился. В возрасте 54 лет он получил серьезное ранение в сражении при Геттисберге, где присутствовал в качестве гражданского наблюдателя – при цилиндре, кроме всего прочего. Он туда отправился посмотреть, как себя покажут 2 его изобретения – походные кухни и пневматическое противооткатное устройство для тяжелой артиллерии. Кстати сказать, походные кухни, с небольшими изменениями, были взяты на вооружение цирком Барнума и Бейли, а затем – германской армией, в I Мировую войну.

Элиас Таркингтон был высокий, худощавый мужчина, с бакенбардами и бритым подбородком, в неизменном цилиндре. При Геттисберге ему прострелили правую сторону груди, но он выжил.

А стрелял в него 1 из немногих солдат-конфедератов, добравшихся до расположения войск северян во время Атаки Пикетта. И этот самый Джонни Реб с восторгом принял смерть от рук врагов, будучи в полной уверенности, что подстрелил Авраама Линкольна. На полуистлевшем клочке газеты, который я нашел здесь – в бывшей библиотеке колледжа, а ныне тюремной библиотеке, – его последние слова звучат так: «Ступайте домой, Синегрухие. Старому Черту каюк!»

За 3 года во Вьетнаме я, само собой, слышал последние слова умирающих американских пехотинцев несчетное число раз. Но ни 1 из них не воображал, что ему удалось сделать хоть что-то стоящее в общем предприятии, называемом Великое Самопожертвование.

Один парнишка, ему было всего восемнадцать, умирая у меня на руках, твердил: «Гнусная шутка, гнусная шутка».

Элиас Таркингтон, тяжело раненный двойник Авраама Линкольна, вернулся в 1-м из собственных фургонов домой, в Сципион, в свое имение с видом на город и на озеро.

Образования он не получил, он был скорее механиком, чем ученым, и поэтому потратил последние 3 года своей жизни на осуществление идеи, которая противоречила Законам Ньютона и была неосуществима, – он строил вечный двигатель, перпетуум-мобиле. Он соорудил не меньше 27 устройств и имел глупость ожидать, что они будут крутиться и вертеться до Судного Дня – стоит только разок крутануть или подтолкнуть где надо.

Я отыскал 19 издевательских свидетельств его упорства на чердаке бывшего особняка их создателя – в мое время это была резиденция Президента Колледжа, и я уже год как работал в Таркингтоне. Я снес их вниз, стащил в 20 век. Вместе с несколькими учениками я их почистил, заменил некоторые части, рассыпавшиеся за прошедшие 100 лет. По крайней мере они оказались драгоценными в буквальном смысле слова – на аметистах и гранатах, с рычагами и ножками из экзотических пород деревьев, катающиеся шары были слоновой кости, а желобки и противовесы – из чистого серебра. Как будто умирающий Элиас старался победить законы природы при помощи магических драгоценных материалов.

Как мы с учениками ни старались, самая лучшая из этих игрушек работала всего 51 секунду. Вечность, ничего не скажешь.

Эти реставрированные раритеты, как я понял сам и объяснил ученикам, свидетельствовали не только о том, как быстро любое устройство на Земле останавливается без постоянного притока энергии. Они напомнили нам заодно и о мастерах, некогда работавших в городишке внизу. В наши дни там не найдешь ни одного человека, способного сотворить такие хитроумные и красивые вещи.

Да, мы еще выбрали 10 приборов, самых забавных на наш взгляд, и

создали в библиотеке внизу постоянную экспозицию, а над ними повесили надпись, которую можно применить сейчас ко всей нашей пропащей планете:

ПУСТОПОРОЖНЕЕ ХИТРОУМИЕ НЕВЕЖЕСТВА

Перечитывая старые газеты, письма и дневники тех времен, я понял, что люди, которые сооружали для Элиаса Таркингтона эти механизмы, прекрасно знали, что работать они не будут, неважно, по какой именно причине. Но с какой любовью они обрабатывали каждый камешек, каждый шарик! Как вам понравится такое определение чистого искусства: «Создать шедевр для переливания из пустого в порожнее»?

Элиас Таркингтон изобрел еще один «вечный двигатель» и описал его в своем Последнем слове и завещании под названием «Свободный Институт Мохига». После его смерти этому новому учебному заведению отходило его поместье в 3 000 гектар над городом Сципион, плюс половина акций в компаниях – фургоностроительной, пивоваренной, ковроткацкой. Другой половиной уже давно распоряжались его сестры – издалека. На своем смертном ложе он предрек, что в 1 прекрасный день Сципион станет великой столицей и благодаря несметным богатствам преобразит маленький колледж Таркингтона в университет, который еще посрамит и Гарвард, и Оксфорд, и Гейдельберг.

Предполагалось, что в колледже будут бесплатно обучаться лица обоего пола, любого возраста, расы или вероисповедания, проживающие в радиусе 40 миль от Сципиона. Лица, живущие за пределами этого круга, будут вносить скромную плату. Вначале предполагался лишь один штатный служащий – Президент. Преподавателей нанимали прямо тут, в Сципионе. Они должны были освобождаться от основной работы на несколько часов в неделю и учить тому, что сами умеют. К примеру, главный инженер

фургонной компании, по имени Андре Лютц, был уроженцем Льежа, что в Бельгии, и работал там подмастерьем у литейщика колоколов. Он должен был преподавать Химию. Его жена, француженка, преподавала Французский и Рисование Акварелью. Пивовар из местной пивоварни, Герман Шульц, уроженец Лейпцига, учил Ботанике, Немецкому и Игре на флейте. Священник епископальной церкви, доктор Алан Клюз, окончивший Гарвардский университет, учил Латыни, Греческому, Ивриту и Закону Божьему. Врач, пользовавший умирающего, Дэлтон Полк, должен был учить Биологии и Шекспироведению, и так далее.

И все вышло по слову его.

В 1869 новый колледж принял первый набор, 9 учеников, все из местных. Четверо были нормального возраста для колледжа. Один был ветераном армии северян, потерявшим ногу под Шайло. Еще один – бывший раб, чернокожий, 40 лет от роду. Была там и незамужняя девица, 82 лет.

Первым Президентом был школьный учитель 26 лет, из Афин – в 2 километрах по озеру от Сципиона. Тюрьмы на том берегу еще не было, там добывали сланец в шахте, стояла лесопильня и несколько бедных ферм. Президента звали Джон Пэк. Он был двоюродным братом Таркингтона. Однако в его ветви рода дислексия отсутствовала. В наше время живут его многочисленные потомки, и 1 из них, представьте себе, даже пишет речи для Вице-Президента Соединенных Штатов.

Молодой Джон Пэк с женой, 2-мя детьми и тещей прибыл в Сципион на гребной распашной лодке, на веслах сидел он сам с женой, дети устроились на корме, а багаж и теща – в другой лодке, которую они тащили на буксире.

Они поселились на третьем этаже бывшего особняка Элиаса Таркингтона. Комнаты на первых 2 этажах предназначались для классов, библиотеки (библиотека уже была, Таркингтоны собрали 280 книг), залы для занятий и столовой. Многие сокровища былых времен были отнесены на чердак, чтобы освободить место для новых дел и мероприятий. Угодили туда и незадачливые вечные двигатели. Там они и пылились, зарастая паутиной, до 1978 года, когда я их обнаружил, понял, что это такое, и снова

снес по лестнице с чердака – вниз.

За неделю до того, как должен был начаться первый курс – Латынь, которую преподавал епископальный священник Алан Ключ, возле особняка остановились 3 фургона с тяжелым грузом, принадлежавшим Андре Лютцу, бельгийцу. Он состоял из 32 специально подобранных колоколов. Лютц отлил их в сверхурочное время и на собственные деньги в литейном цеху фургонной компании. На отлив пошли стволы винтовок, пушечные ядра и штыки, собранные на поле битвы в Геттисберге, принадлежавшие как армии северян, так и конфедератам. Это были первые – и, без сомнения, последние колокола, отлитые в Сципионе.

Мне кажется, в Сципионе уже ничего никогда не отольют. Здесь больше никогда не будут заниматься индустриальными ремеслами.

Андре Лютц преподнес всю эту кучу колоколов колледжу, хотя вешать их было решительно негде. Он сказал, что поступает так в глубокой уверенности, что в 1 прекрасный день здесь будет всемирно известный университет, и там будет и колокольная, и все что угодно. Он умирал от эмфиземы, вызванной вдыханием паров расплавленных металлов с 10-летнего возраста. У него не было времени ждать, пока будет готово место для самого великого чуда, которое он смог сотворить за свою короткую жизнь, – этим чудом и были все эти колокола, колокола, колокола.

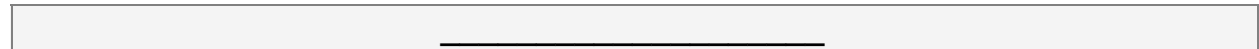
Этот подарок сюрпризом не назовешь. На отливку ушло 18 месяцев. Литейщики, за работой которых он следил, разделяли его волшебную мечту о бессмертии, создавая вещи столь прекрасные и бесполезные, как эти колокола, колокола, колокола.

Так что все колокола, кроме 1-го из средней октавы, обильно смазали жиром, чтобы ржавчина не брала, и оттащили на хранение в большой сарай в 200 метрах от особняка, расставив в 4 ряда. 1 колокол, которому было

дозволено петь, подвесили в куполе особняка, а веревку спустили до самого первого этажа. Он должен был служить вместо звонка, а в случае пожара – бить тревогу.

Остальные колокола, как выяснилось, проспали в сарае 30 лет, до 1899, когда их повесили в полном составе, включая и тот, что висел в куполе, на вершине башни великолепной библиотеки, подаренной колледжу семейством Мелленкамп из Кливленда.

Мелленкампы были одновременно и Таркингтонами, так как основатель их состояния женился на дочке неграмотного Аарона Таркингтона. Из них одиннадцать человек в свое время оказались жертвами дислексии, и всех отправили в колледж в Сципионе – ни в одно другое высшее учебное заведение их не принимали.

Первым из Мелленкампов закончил колледж Генри, поступивший сюда в 1875, 19-ти лет, когда колледжу было всего 6 лет. В это время его и переименовали в Таркингтоновский колледж. Я тут нашел ветхий протокол собрания Попечительского Совета, на котором произошло это переименование. Трое из 6 Попечителей были женаты на дочерях Аарона Таркингтона, и 1 из них был дедом Генри Мелленкампа. В Совет Попечителей входили еще 3: мэр Сципиона, адвокат, занимавшийся делами дочерей Таркингтона в наших местах, и местный Конгрессмен, тоже верный и преданный слуга трех сестер, так как они участвовали при посредстве колледжа в самых главных индустриальных производствах его избирательного округа.

Из протокола, который рассыпался у меня в руках, пока я его читал, я узнал, что дедушка юного Генри Мелленкампа предложил переименовать заведение, заявив, что «Бесплатное учебное заведение Мохига» что-то чересчур напоминает «богоугодное заведение» или богадельню. Мне думается, что ему было бы в высшей степени наплевать на то, что название заведения наводит на мысль о богадельне, если бы он, на свое несчастье, не был вынужден держать в этом заведении внука.

В том же самом году, 1985, начались работы и на другом берегу озера, на холме над Афинами – там строили лагерь для малолетних преступников из городских трущоб. Считалось, что свежий воздух и чудеса Природы настолько преобразят их души и тела, что они как-то сами собой перевоспитаются в добропорядочных граждан.

Когда я поступил на работу в Таркингтон, там было всего 300 студентов – постоянное число за последние 50 лет. А вот деревенский исправительно-трудовой лагерь на том берегу озера превратился в суровую крепость из железа и камня на голой вершине холма – в Государственное Исправительное Заведение Строгого Режима для взрослых штата Нью-Йорк. В этой тюрьме в Афинах содержалось под надежной охраной 5 000 самых отпетых преступников со всего штата.

Два года назад в Таркингтоне по-прежнему было 300 студентов, а население тюрьмы, в жуткой тесноте и перенаселенности, достигло 10 000. И вот, в 1 зимнюю морозную ночь, там произошел самый массовый в истории Америки побег из тюрьмы. До тех пор ни одной душе не удавалось сбежать из Афинской тюрьмы.

Вдруг, в одночасье, каждый мог уйти, куда угодно, и мог взять оружие в тюремном арсенале, если хотел. Озеро, разделявшее тюрьму и маленький колледж, замерзло, и перейти через него было не трудней, чем через асфальтированную стоянку для машин возле столичного супермаркета.

Что-то будет?

Да, и к тому времени, как колокола Андре Лютца наконец смогли все вместе вызванивать любые мелодии, Таркингтоновский колледж обзавелся не только новой библиотекой, но и роскошными дортуарами, научным корпусом и корпусом искусств, часовней, театром, банкетным залом, административным зданием, 2-мя новыми учебными корпусами, спортивными сооружениями, вызывавшими зависть у других институтов, с которыми стали проводить соревнования по легкой атлетике и фехтованию

и плаванию и бейсболу: Хобарт, Рочестерский и Корнеллский университеты и Юнион, Амхерст и Бакнелл.

Все эти сооружения носили имена тех богатых семейств, которые были благодарны не меньше, чем Мелленкампы, за то, что колледж смог сделать для их потомков, которых обычные колледжи признали непригодными к обучению. Большинство из них не были связаны родством с Мелленкампами или другими семьями, несущими таркингтоновский ген дислексии. Да и подростки, которых посылали в Таркингтон, не обязательно страдали дислексией. У них была куча других странностей, в том числе и неспособность записать пером на бумаге свои совершенно здравые мысли, или такое чудовищное заикание, что они слова из себя не могли выдавить на уроке, или малая эпилепсия, *petit mal*, при которой они начисто вырубались из действительности на несколько секунд или минут, и это могло случиться в любом месте, в любое время. И прочее в том же духе.

Просто Мелленкампы первые потребовали, чтобы маленький колледж попытался исправить явно безнадежный случай наследственной врожденной богатейской ни-к-чему-не-способности – речь идет о юном Генри. А Генри не только получил в Таркингтоне диплом с отличием. Он продолжил образование в Оксфорде, куда прихватил с собой приятеля, который читал ему вслух и записывал мысли, приходившие в голову Генри, – сам он мог их только высказать. Генри стал 1-м из самых блестящих ораторов золотого века американского ораторского искусства – самоуверенным, нахальным краснобаем, и 36 лет кряду был сенатором Соединенных Штатов от штата Огайо.

Этот самый Генри Мелленкамп написал слова 1-й из самых популярных баллад конца века – «Мэри, Мэри, отзовись!..»

Музыку этой баллады сочинил друг Генри, Пол Дрессер, брат романиста Теодора Драйзера. Это был 1-ственный в своем роде случай, когда Дрессер написал музыку на чужие слова, а не на свои собственные. А потом Генри этот мотивчик присвоил и написал – точнее, продиктовал – новые слова, сентиментальные и восхваляющие жизнь студентов в нашей благословенной долине.

Так «Мэри, Мэри, отзовись!» сподобилась положения гимна нашего колледжа, каковым и пробыла до тех пор, пока он не превратился в тюрьму, 2 года назад.

История!

Целая цепь случайностей сделала Таркингтон таким, каким мы его видим. Кто осмелится предсказывать, каким он будет в 2021, всего через 20 лет? Вселенной движут 2 главных принципа: Время и Удача.

У меня есть любимый похабный анекдот, и кончается он так: «Держись за шляпу. Мы можем приземлиться за много миль отсюда».

Случись так, что Генри Мелленкамп не появился бы на свет с дислексией, Таркингтоновский колледж даже и звался бы по-другому. Он продолжал бы называться «Бесплатным учебным заведением Долины Мохига» и мирно скончался бы вместе с фургонной фабрикой, пивоварней и фабрикой ковров, когда шоссейные и железные дороги, соединяющие Восток и Запад, пролегли далеко на севере и на юге от Сципиона – чтобы не приходилось строить мост через озеро, прокладывать дороги в сумрачных дебрях девственного леса, который теперь простирается на восток и юг отсюда и называется Ирокезский Национальный Лесной Заповедник.

Если бы Генри Мелленкамп не вышел из чрева матери дислексиком, и если бы его мать не была дочкой Таркингтона и не знала о маленьком

колледже на озере Мохига, эта библиотека никогда не была бы построена и укомплектована 800 000 томов в переплетах. Когда я здесь преподавал, здесь было на 70 000 больше книг, чем в Свартморе! Из небольших колледжей наш уступал только Оберлину, где насчитывалось 1 000 000 томов в твердых переплетах.

Итак, что это за строение, где я сейчас сижу, по милости Времени и Удачи? Не что иное, друзья и сограждане, как самая громадная тюремная библиотека в истории преступлений и наказаний!

Здесь очень одиноко. Эй, кто-нибудь! Отзовись!

Я бы мог сказать те же самые слова и тогда, когда это была еще библиотека колледжа, укомплектованная 800 000 томов:

– Здесь очень одиноко. Эй, кто-нибудь! Отзовись!

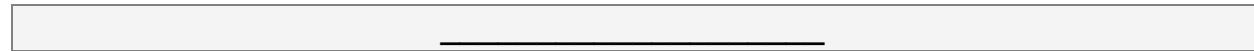
Я только что проверил сведения о Гарвардском Университете. В настоящее время он владеет 13 000 000 переплетенных томов. Есть что почитать!

И почти все книги, за малым исключением, написаны для правящего класса или о нем.

Если бы Генри Мелленкамп не явился на свет из чрева матери с дислексией, на свете бы не было башни, где можно было бы развесить Лютцевы колокола.

Этим колоколам было бы не суждено будить звоном эту долину,

вообще не суждено звучать. Может, их бы расплавили и перелили обратно в оружие во время 1 мировой войны.

Если бы Генри Мелленкамп не вышел на свет из чрева матери дислексиком, на этом холме над Сципионом не светило бы ни одно окошко в ту морозную зимнюю ночь, 2 года назад, когда озеро заковало льдом и оно стало глаже асфальтовой площадки, а 10 000 заключенных в Афинской тюрьме внезапно вырвались на свободу.

Так нет: весь холм мерцал и подмигивал целой галактикой приветливых огоньков.

Совершенно независимо от того, появился Генри Мелленкамп на свет из чрева своей матери с дислексией или без нее, я родился в Уилмингтоне, штат Делавар, за 18 месяцев до того, как наша страна вступила во 2 мировую войну. Я с тех пор не бывал в Уилмингтоне. Но мое свидетельство о рождении хранится там. Я был единственным отпрыском домохозяйки и, как я уже говорил, инженера-химика. Отец тогда работал у И. Ай. Дюпон де Немур и Компания – производящей, помимо всего прочего, и сильные взрывчатые вещества.

Когда мне было 2 года, мы переехали в Мидленд Сити, Огайо, где компания, выпускавшая стиральные машины, называемая Корпорацией Робо-Магика, как раз приступила к созданию механизмов для бомбометания и вращающихся турелей для пулеметов на бомбардировщиках Б-17. Пластиковая промышленность тогда еще делала первые шаги, и отца послали в РобоМагику, чтобы прикинуть, какие из дюпоновских синтетических материалов могут пригодиться в системах вооружения взамен более тяжелого металла.

К концу войны компания окончательно распрощалась со стиральными машинами и сменила название на Барритрон Лимитед, и выпускала части для оружия, самолетов и наземных средств сообщения на основе пластика, разработанных компанией. Мой отец стал Вице-Президентом Компании, ответственным за Исследования и Разработки.

Когда мне было лет 17, Дюпон купил Барритрон, чтобы завладеть некоторыми его патентами. Помнится, один из пластиков, в создании которого участвовал мой отец, обладал способностью рассеивать сигналы радара, так что самолет, одетый в такую оболочку, выглядит на экране вражеского радара как стая гусей.

Этот материал, из которого впоследствии стали делать практически неразрушимые роликовые доски, лыжи, мотоциклетные защитные шлемы и крылья, и прочее в этом роде, послужил основной причиной ужесточения

режима секретности на Барритроне, когда я был еще мальчишкой. Простого забора, забранного поверху колючей проволокой, показалось недостаточно, чтобы уберечь от Коммунистов секрет производства. Снаружи возвели еще один забор, и полосу между ними круглосуточно охраняли мрачные патрульные в высоких сапогах, с поджарыми голодными доберманами.

Когда Дюпон завладел Барритроном, вместе с двойным забором, доберманами, моим папашей и прочим, я кончал школу и твердо решил идти в Мичиганский Университет учиться на журналиста, чтобы служить верой и правдой Джону Гражданину, который имел право все знать. Двое из моего джаз-секстета, который мы назвали «Продавцы душ», кларнет и бас-гитара, тоже собирались в Мичиган.

Мы намеревались держаться вместе и продолжать музыкальные выступления в Энн-Арбор. Как знать? Мы могли бы добиться такой популярности, что нас приглашали бы в турне по всему миру, и мы бы дико разбогатели и выступали бы в роли суперзвезд на маршах мира и благотворительных марафонах, но тут началась война во Вьетнаме.

В Уэст-Пойнте студенты к музыке не допускаются. Музыканты, играющие в танцевальном джазе и в военном оркестре, – кадровые солдаты регулярной армии, представители обслуживающего персонала, рабочего класса.

Им было приказано играть музыку точно по нотам, нотку за ноткой, и ничего не брать в голову.

Кстати, студенческой газеты в Уэст-Пойнте тоже не было. Никого не касалось, что студенты думают. Никому это было не интересно.

Со мной все было в порядке, а у отца жизнь не ладилась. Представители Дюпона его оценивали, присматривались, как присматривались ко всем служащим Барритрона, решая, оставить их или уволить. Да вдобавок он спутался с замужней женщиной, а муж застал их и задал ему взбучку.

Мои родители очень болезненно переживали эти передраги, так что я с ними никогда об этом не заговаривал. Но сплетни разошлись по всему городу, и у отца был фонарь под глазом. Спортом он отродясь не занимался, и пришлось ему выдумывать, будто он свалился с лестницы, что у нас в подвале. Мама к тому времени весила 90 килограмм, и непрестанно пилила его за то, что он продал все свои барритроновские акции на 2 года раньше, чем следовало. Попридержи он их до тех пор, как Барритрон перешел к Дюпону, он бы имел 1 000 000 в то время, когда быть миллионером еще кое-что значило. Если бы я оказался неспособным к обучению, он мог бы позволить себе послать меня в Таркингтон.

В отличие от меня, он был из тех мужчин, которые должны дойти до ручки, прежде чем совершить прелюбодеяние. Мои враги в старших классах нашей школы рассказывали, что Папа повторил старый трюк – выскочил из окна и прыгал, как Братец Кролик, по всему заднему двору со спущенными штанами, и собака его кусала, и в бельеовой веревке он запутался, ну и так далее. Возможно, они несколько преувеличивали. Я так и не спросил у отца, как было дело.

Меня самого сильно беспокоило положение нашей семьи в обществе. Наш семейный имидж еще больше пострадал, когда мама сломала нос –

всего через 2 дня после того, как отцу подбили глаз. Для посторонних это выглядело однозначно: видимо, она спросила отца, откуда у него фонарь под глазом, и он ей врезал. Не думаю, что он хоть раз тронул бы ее пальцем, при любых обстоятельствах.

Впрочем, было вовсе не так уж маловероятно, что он ей-таки врезал. На его месте любой слабак ей бы врезал. Но правда навсегда ускользнула от историков, когда обвалившийся потолок на канадской стороне Ниагарского водопада убил обоих участников инцидента, и было это лет 20 спустя, как я уже говорил. Они даже не узнали, что на них свалилось, – а это самая легкая смерть, куда уж легче.

Во Вьетнаме или на любом поле сражения, думаю, об этом и спорить не приходилось. Помню, как один мальчишка наступил на противопехотную мину. Может, это была даже наша собственная мина. Его лучший друг, с которым они вместе проходили боевую подготовку, спросил, что он может для него сделать, и юнец ему ответил: «Выруби меня, как лампочку, Сэм».

Умиравший мальчишка был белый. Его ровесник, который хотел помочь, был черный, точнее, чуть смугловатый. А черты лица у него были точь-в-точь как у белого...

Женщина, с которой я занимался любовью несколько лет назад, спросила меня, живы ли мои родители. Ей хотелось побольше узнать обо мне после того, как мы разделись.

Я ей сказал, что мои родители умерли не своей смертью на чужбине. И я сказал правду: Канада – чужая сторона.

А потом я услышал, как плету что-то несусветное про сафари в Танганьике – я едва представляю, где это и что это за место. Я сказал той женщине – и она мне поверила, – что моих родителей вместе с проводником застрелили браконьеры, охотившиеся на слонов ради слоновой кости, – приняли их за охрану заповедника. Я сказал, что браконьеры положили тела на верхушки муравейников, так что очень скоро от них остались начисто обглоданные скелеты. И опознать их можно было только по зубам – по пломбам и прочей дантистской работе.

Раньше мне ничего не стоило плести подобные фантастические

небылицы, это меня даже как-то подстегивало. Теперь уже не то. И я думаю, не выработал ли я эту нездоровую привычку в очень раннем детстве, по той причине, что родители у меня были вовсе не подарочек, особенно мама, которая свободно могла бы выступать в цирке в роли Толстухи. И я стал рассказывать про своих родителей так, чтобы они нравились людям, которые о них ничего не знали, чтобы эти люди и ко мне относились лучше.

И в последний год во Вьетнаме, когда я работал в Информбюро, я с неподдельной, естественной легкостью уверял прессу и прибывших новобранцев, что мы одерживаем победу за победой и что наши родные там, дома, должны гордиться нами и радоваться нашим подвигам и добру, которое мы несем.

Я же научился лгать, не переводя дыхания, еще в школе.

А вот еще кое-что, чему я научился еще в школе и что очень пригодилось во Вьетнаме: алкоголь и марихуана, в умеренных дозах, плюс оглушительная, по преимуществу низкопробная поп-музыка – отличное средство против стресса и скуки. Вот уж и вправду манна небесная – мой врожденный дар умеренности, когда дело доходило до приема разных психотропных веществ. За последние 2 года, что я провел в школе, мои родители, кажется, даже не подозревали, что я большую часть времени нахожусь под мухой. Жаловались они только на музыку, когда я врубал проигрыватель или когда мы с «Продавцами душ» репетировали у нас в подвале – Ма и Па заявляли, что это дикарская музыка и от нее оглохнуть можно.

Во Вьетнаме музыка была всегда оглушительная. И практически все мы до единого были наполовину в отрубке, в том числе и капелланы. Несколько самых ужасных несчастных случаев, по поводу которых мне приходилось давать разъяснения прессе в последний мой год во Вьетнаме, произошли из-за людей, которые довели себя до полного идиотизма или зверской ярости, наглотавшись лишку химических препаратов, которые были бы в умеренной дозе просто полезны. Все подобные случаи я объяснял, разумеется, тем, что человеку свойственно ошибаться. Журналисты меня поняли. Ну, кто на этой Земле не совершил 1–2 ошибки?

Убийство австрийского эрцгерцога послужило причиной 1 Мировой войны, а может быть, и 2 мировой войны. И точно так же фонарь под глазом моего отца привел меня в то бедственное положение, в каком я сейчас нахожусь. Он лихорадочно искал возможность вернуть себе уважение окружающих, он был готов на что угодно, чтобы новый владелец Барритрона, Дюпон, обратил на него благосклонное внимание. Теперь Дюпон, разумеется, поглощен И. Г. Фарбениндустри, немецкой фирмой – той самой, что производила, расфасовывала, снабжала этикетками и рассылала по разным адресам газ циклон, который применяли для уничтожения мирного населения всех возрастов, включая грудных детей, во время Мировой Бойни.

Ну и планетка.

Так что отец, глядя на меня заплывшим глазом, похожим на трещину в лилово-желтом омлете, спросил меня, получу ли я высший балл по какому-нибудь предмету. Он не признавался, но ему было дозарезу нужно хоть чем-то похвалиться у себя на работе. Он дошел до такой крайности, что готов был добиваться от козла молока – учитывая, что я спортом в старших классах не занимался, в студенческом самоуправлении не участвовал, общественной работой не интересовался. Я добился среднего балла, достаточного для поступления в Мичиганский Университет, иногда я попадал и в списки лучших, но, конечно, до Национальных Почестей мне было далеко.

Это было жалостно и омерзительно! Я был в бешенстве, ясно – ведь он старался и на меня свалить часть ответственности за имидж нашего семейства, когда сам был кругом виноват.

– Я всегда жалел, что ты не играешь в футбол, – сказал он, как будто отличный гол сразу все поставил бы на место.

– Теперь уже поздно, – сказал я.

– Ты все 4 года пробездельничал, только и знал, что свою дикарскую музыку, – сказал он.

Сейчас, каких-нибудь 43 года спустя, мне приходит в голову, что я мог бы ему ответить, что я по крайней мере получше распорядился своей сексуальной жизнью, чем он. От девчонок отбою не было и у меня, и у остальных «Продавцов душ» – как раз благодаря нашей дикарской музыке. И некоторые вполне взрослые женщины, а не просто девчонки, видели в нас роскошных, раскованных парней, там, на эстраде, где мы кривлялись, подражая черным, курили марихуану, обожали самих себя, наяривая свою дикую музыку, и хохотали Бог знает над чем.

Похоже, что моим любовным похождениям настал конец. Даже если мне и удастся выйти из тюрьмы, как-то не хочется награждать какую-нибудь доверчивую женщину туберкулезом. Она будет до смерти бояться СПИДа, а я ей вместо этого устрою ТБЦ. Мило, не правда ли?

Так что придется мне утешаться воспоминаниями. Чтобы подкрепить свою память, я начал составлять список всех женщин, включая и мою жену и случайных проституток, с которыми я «дошел до конца», как мы говорили в старших классах. Вспомнить хоть одну свою победу в возрасте до 20 лет я с уверенностью не могу – путаются события и фантазии. Все одинаково похоже на сон. Так что я начал с Шэрли Керн, с которой я занимался любовью, когда мне минуло 20. Шэрли – это мой стартовый номер.

Сколько имен окажется в списке? Пока еще рано подводить итоги, но подумайте, не стоит ли поместить это число, каким бы оно ни оказалось, на моем надгробии – это была бы славная и загадочная эпитафия, а?

Я искренне сожалею, если сломал жизнь кому-нибудь из этих женщин,

которые верили, когда я говорил, что люблю их. Мне остается только уповать на то, что Шэрли Керн и все остальные живут хорошо.

Если это утешит тех, чья жизнь не сложилась, скажу, что моя собственная жизнь была сломана на Выставке Технического Творчества.

Отец спросил меня, нет ли все-таки какой-то внешкольной работы, в которой я мог бы себя проявить? А до окончания школы оставалось всего 8 недель! Так что я ему сказал, чтобы посмеяться – ведь он прекрасно знал, что наука меня интересует куда меньше, чем его самого, – что есть у меня последняя возможность прославиться – Выставка Технического Творчества нашего Округа. Я учился на «хорошо» по физике и химии, но нужны они мне были не больше, чем гвоздь в одном месте.

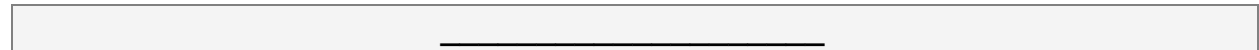
Но отец вскочил со стула, охваченный болезненным возбуждением.

– Пошли в подвал, – сказал он. – Нас ждет работа.

– Какая еще работа? – сказал я. Время было за полночь.

И он мне ответил:

– Ты примешь участие в Выставке Технического Творчества и займешь первое место.

Так я и сделал. Точнее, в Выставке принял участие и занял первое место мой отец – он только потребовал, чтобы я подписал свидетельство, что вся работа проделана мной собственноручно, и запомнил бы наизусть все его объяснения по этому поводу. Это относилось к кристаллам, к тому, как и почему они росли.

Соперники у него были слабенькие. Куда было подросткам из семей, где почти никто из родителей не имел высшего образования, тягаться с 43-летним инженером-химиком, двадцать лет проработавшим на производстве? Тогда главным занятием населения по-прежнему оставалось сельское хозяйство – кукуруза, свиньи, крупный рогатый скот. Единственным сложным индустриальным объектом был Барритрон, и только горстка таких знатоков, как мой отец, разбиралась в химических процессах и аппаратуре. Подавляющее большинство рабочих компании спокойно исполняло свои обязанности, – делали, что велят, совершенно не интересуясь теми чудесами, которые выходили из-под их рук, словно по волшебству оказываясь на погрузочных платформах упакованными,

снабженными этикетками и адресованными во все концы света.

Вспомнилось мне, как погибшие американские солдаты – по большей части тинэйджеры – дожидались погрузки, упакованные, снабженные этикетками и адресованные в разные места, на погрузочных платформах во Вьетнаме. Много ли вы найдете людей, которые интересовались процессом производства этого странного конечного продукта? Кому до этого было дело?

Маленькой горстке людей.

Теперь мне кажется, что нас с отцом не заклеямили как мошенников и не выбросили мой экспонат с Выставки Технического Творчества, в результате чего я сижу здесь и жду суда, вместо того чтобы быть знаменитым корреспондентом «Нью-Йорк Таймс», принадлежащей корейцам, лишь по одной причине: нас пожалели. По-моему, все окружающие решили, что наша маленькая семья уже достаточно настрадалась. По правде сказать, в нашем округе никому никакого дела не было до науки.

Остальные экспонаты отличались такой серостью и убожеством, что лучшие из них, вместе со своими честными авторами, выглядели бы просто глупо на Выставке Достижений Штата, в Кливленде. Наша игрушка имела товарный вид, будьте уверены. Может быть, наш экспонат имел одно бесспорное преимущество с точки зрения экспертов, когда они прикидывали, с чем победителю округа придется столкнуться в Кливленде: наш экспонат был исключительно непонятен и отменно неинтересен среднему американцу.

Я сохранял философское спокойствие, благодаря марихуане и алкоголю, пока общество решало, предать ли меня анафеме, как мошенника, или увенчать, как гения. Возможно, и отец тоже чем-то

накачался. Бывает, что нипочем не разберешь. Я служил под командованием 2-х генералов во Вьетнаме, которые ежедневно принимали по кварта виски, но догадаться об этом было мудрено. Вид у них был всегда серьезный, даже торжественный.

Так вот мы с отцом и отправились в Кливленд. Он был в отличном настроении. Я-то знал, что нам несдобровать. А он дал мне единственное ценное указание: развернуть плечи пошире, когда буду давать объяснения у своего экспоната, да не попадаться судьям на глаза с сигаретой в зубах. Он имел в виду обычные сигареты. Он не знал, что я курю *другую марку*.

Я не оправдываюсь – ну, баловался наркотиками в самые тяжелые времена, в старших классах. Уинстон Черчилль тоже бывал в полном отрубе, накачавшись коньяком и накурившись кубинских сигар, – в самые тяжелые времена 2 мировой войны.

А Гитлер, само собой, благодаря передовой германской науке и технологии, был среди первых представителей человечества, чей мозг превратился в паутину при помощи амфетамина. Говорят, он буквально жевал ковры. Ням-ням.

Мать с нами в Кливленд не поехала. Она стеснялась выходить из дому – такая она была громадная, толстая. Мне приходилось после школы бегать вместо нее за покупками. И дома тоже приходилось заниматься хозяйством – ей было слишком трудно передвигаться. Моя привычка к домашнему

хозяйству очень пригодилась – сначала в Уэст-Пойнте, а потом – когда моя теща и жена потеряли рассудок. Для меня это было на самом деле отдыхом, я мог расслабиться, потому что видел – я делаю что-то бесспорно нужное, доброе, и все мои беды забывались, пока я возился по хозяйству. А как у моей матери разгорались глаза, когда она видела, что я ей приготовил!

Жизнь моей матери – пример неподдельного успеха, 1-ственный в этой книге. Она вступила в ряды Борцов с Избыточным Весом, когда ей было 60 – как мне теперь. А когда на нее свалился потолок в лавке у Ниагарского водопада, она весила всего 52 килограмма!

Эта библиотека набита историями поддельных триумфов, что заставляет меня сильно сомневаться в ее полезности. Когда люди читают о великих победах, это сбивает их с толку – насколько я имел возможность убедиться, даже для белых людей, принадлежащих к высшему и среднему классу, нормой является поражение. Особенно нечестно вешать лапшу на уши юнцам, оставляя их в полном неведении о тех чудовищных подвохах, которые их ждут, и ролях суперзвезд в похабных комедиях, которые для них предназначены, да и кое о чем куда, куда хуже этого.

Выставка Технического Творчества штата Огайо была развернута в прекрасной Аудитории Мелленкампа, в Кливленде. Ряды кресел убрали и расставили вместо них столы для экспонатов. Некий намек на мое тогда еще отдаленное будущее заключался в том, что зал был подарен городу Мелленкампами – семейством угольных магнатов и судовладельцев, которое подарило Таркингтоновскому колледжу эту самую библиотеку. Это произошло задолго до того, как они продали шахты и суда Британско-Оманскому концерну со штаб-квартирой в Люксембурге.

Но настоящее было достаточно мрачным. Пока мы с отцом собирали наш экспонат, остальные участники выставки смотрели на нас, как на пару

клоунов, может, вроде Лоурела и Харди – отец был толстый и расторопный, а я тощий и тупой. Дело было в том, что отец суетился и все делал сам, а я торчал рядом, подыхая со скуки. Мне хотелось только одного – выбраться оттуда, забиться в укромный уголок или спрятаться за деревом и выкурить сигарету. Мы грубо нарушали самое главное правило Выставки, а именно: юный изобретатель должен был лично проделать всю работу, с начала и до конца. Родителям и учителям запрещалось – в письменном виде! – оказывать нам какую бы то ни было помощь.

Это было все равно что записаться на любительскую гонку на бульдозере, который я будто бы самолично построил, а выехать на старт на отцовском феррари «Гран Туризмо».

Мы вовсе не работали над нашим экспонатом в подвале. Когда отец сказал, что нас ждет работа, мы действительно спустились в подвал. Но пробыли мы там минут 10, пока он что-то придумывал, все больше возбуждаясь. Я молчал.

То есть я сказал пару слов.

– Закурю, не возражаешь? – сказал я.

– Кури, кури, – сказал он.

Для меня это была большая победа. Это значило, что отныне я могу курить в доме, где угодно, и он ничего мне не скажет.

Потом он вернулся в гостиную, и я следом за ним. Он уселся за мамин письменный стол и составил список предметов, которые понадобятся для Выставки.

– Что ты делаешь, Па? – сказал я.

– Тш-шш, – сказал он. – Я занят. Не мешай.

Я и не мешал. У меня и без того было о чем подумать. Я был в полной уверенности, что подцепил гоноррею. Во всяком случае, какую-то заразу, которая мне здорово досаждала. Но к врачу я не ходил, потому что доктор, согласно закону, был обязан сообщить обо мне в Департамент Здравоохранения, и родителям тоже об этом сообщают, как будто им своих несчастий мало.

Но эта инфекция, какая бы она ни была, сама прошла бесследно, я тут ни при чем. Значит, это была не гоноррея – та гложет тебя неотступно и

никогда сама не проходит. А с чего ей проходить самой? Ей хорошо, тепло и не дует. Стоит ли кончать тусовку? Вы только поглядите, какие ребяташки здоровые, веселые!

Со временем я 2 раза словил настоящую гоноррею – один раз – в Тегусигальпе, в Гондурасе, а потом еще раз – в Сайгоне, теперь переименованном в Хо Ши Мин Сити, во Вьетнаме. И оба раза я рассказывал докторам про ту историю, в старших классах.

Они сказали, что это был, должно быть, дрожжевой грибок. Жаль, что я не открыл хлебопекарню.

С тех пор отец являлся домой с работы, принося детали для экспоната, сделанные по его заказу в Барритроне: подставки и демонстрационные витрины, объяснительные таблички и этикетки, напечатанные в типографии, которая много работала для Барритрона. Кристаллы прибыли из фирмы химических препаратов в Питтсбурге, тоже работавшей с Барритроном. А один кристалл, помнится мне, прибыл издалека – из самой Бирмы.

Фирма химических препаратов, – должно быть, не без труда – составила для нас потрясающую коллекцию кристаллов – то, что они нам прислали, явно не входило в их обычный ассортимент. Ради того, чтобы угодить такому солидному заказчику, как Барритрон, они, должно быть, обратились к человеку, собиравшему и продававшему кристаллы из-за их редкостной красоты и ценности, для которого это были не химические вещества, а драгоценности.

Как бы то ни было, эти кристаллы, достойные музейных витрин, заставили отца сказать те знаменитые слова, последние слова, которые он произнес, рассыпав их на кофейном столике в нашей гостиной и не сводя с них восхищенных глаз:

– Сын, проигрыш нам не грозит.

Однако, как говорит Жан-Поль Сартр (в «Крылатых словах» Бартлетта): «Ад – это другие люди»¹. Другие люди во мгновение ока расправились с нашим непобедимым экспонатом в Кливленде, 43 года тому назад.

Как тут не вспомнить генералов Джорджа Армстронга Кастера у Литтл Бигхорна, и Роберта И. Ли под Геттисбергом, и Уильяма Уэстморленда во Вьетнаме.

Кто-то, помнится мне, 1 раз повторил знаменитые последние слова генерала Кастера: «Откуда прут эти проклятые индей, так их перетак?»

Мы с отцом, а вовсе не наши великолепные кристаллы, стали на время самым популярным экспонатом в Аудитории Мелленкампов. Мы стали образчиками извращенной психологии. Остальные участники и их менторы собрались возле нас и устроили нам форменный допрос. Они-то знали, фигурально выражаясь, на какую кнопку нажать, чтобы мы бледнели, краснели, извивались и улыбались, ну, и прочее в этом роде.

Один участник спросил отца, сколько ему лет и в каком он классе учится.

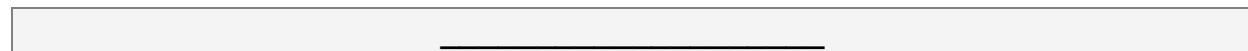
Самое время, чтобы собрать наши вещички и смыться оттуда. Судьи до нас пока еще не дошли, и репортеры тоже. Мы еще не поставили табличку, где значилось мое имя и школа, которую я представлял. Мы еще не

произнесли ни одной фразы, которую стоило бы увековечить.

Если бы мы смотрели удочки и незаметно слиняли в тот самый момент, оставив пустой стол, то, возможно, попали бы в историю американской науки как выбывшие участники – по болезни или еще по какой причине. Там уже был один пустой стол, всего в пяти метрах от нашего. Мы с отцом знали, что он останется пустым, нам сказали, почему. Предполагаемый участник вместе со своим папой и мамой находился в больнице в Лиме, Огайо – не в той Лиме, что в Перу. Это был их родной город. Накануне, отправляясь в Кливленд, они едва успели подать машину задом от своего дома – а в багажнике у них был выставочный экспонат, – когда в них врезался сзади какой-то пьяный водитель.

Ничего особенного не произошло бы, если бы у них в багажнике не лежали несколько бутылок с разными кислотами – тот самый экспонат, – бутылки перебились, кислота смешалась с бензином. Обе машины мгновенно вспыхнули.

Этот экспонат, кажется, должен был продемонстрировать несколько способов применения для пользы Человечества кислот, к которым многие люди относились с опаской и пренебрежением.

Люди, которые глазели на нас и засыпали нас вопросами, послали за судьей – уж очень им не понравилось то, что они видели и слышали. Они хотели, чтобы нас дисквалифицировали. Мы были не просто жулики. Мы были посмешищем!

Меня чуть не вырвало. Я сказал отцу:

– Па, честное слово, лучше нам отсюда убраться. Что-то мы не рассчитали.

Но он сказал, что стыдиться нам нечего и что никто не дождется, чтобы мы удирали домой, поджавши хвост.

Вьетнам!

Судья, конечно, пришел и без труда выяснил, что я вообще никакого понятия о нашем экспонате не имею. Тогда он отозвал отца в сторонку и попробовал с ним договориться как мужчина с мужчиной. Он вел себя дипломатично. Он вовсе не хотел возбуждать враждебные чувства в нашем родном округе, который послал меня в Кливленд как своего представителя.

И он отнюдь не хотел унижать отца, почтенного члена общества, который, судя по всему, просто прочел правила не очень внимательно. Он не хотел позорить нас, формально дисквалифицируя – это могло вызвать нежелательный ажиотаж в прессе. Но отец, со своей стороны, не должен был настаивать на том, чтобы мой экспонат участвовал на равных и законных основаниях в общей экспозиции.

Он сказал, что, когда настанет наша очередь, он вместе с остальными судьями просто пройдет мимо нас, не сказав ни слова. Они сохраняют общий секрет – что мы вообще ничего не могли выиграть.

Такой был договор.

История.

В этом году победительницей оказалась девчонка из Цинциннати. Оказалось, что у нее был тоже экспонат, связанный с кристаллографией. Но она, в отличие от меня, или сама вырастила свои кристаллы, или насобираала их в ручейках, пещерах и угольных шахтах, в радиусе 100 километров от дома. Звали ее Мэри Алиса Френч, я помню, но в финале, на Национальной Выставке в Вашингтоне, округ Колумбия, она оказалась где-то в хвосте.

Когда ее отправляли на Финальную Национальную Выставку, город Цинциннати, говорят, настолько преисполнился гордости и уверенности в победе, или по крайней мере в том, что ее кристаллы займут почетное место, что мэр учредил «День Мэри Алисы Френч».

Теперь я невольно думаю об этом – времени у меня предостаточно, чтобы подумать о людях, которым я причинил зло, – и спрашиваю себя, не послужили ли мы с отцом невольной причиной ее ужасного провала в Вашингтоне. Вполне вероятно, что судьи в Кливленде присудили ей Первый Приз, чтобы подчеркнуть моральный контраст между ее экспонатом и нашим.

Может быть, в этом судействе наука отошла на задний план, и на фоне нашего постыдного мошенничества эта девочка дала судьям бесценную возможность научить школьников золотому правилу, которое выше всех законов науки: береги платье снову, а честь смолоду.

Как знать?

Много, много лет спустя после того, как сердце Мэри Алисы Френч

было разбито в Вашингтоне, а я стал преподавателем в Таркингтоне, у меня учился паренек из Цинциннати, ее родного города. Его родня с материнской стороны недавно продала единственную уцелевшую ежедневную газетенку и главную телекомпанию и кучу радиостанций и еженедельных газет в придачу султану Брунея, которого считают самым богатым человеком на Земле.

Этот ученик выглядел лет на 12, когда его к нам привезли, а на самом деле ему был 21, но голос у него так и не ломался, а ростом он был 150 см. После сделки с султаном он, по слухам, стоил лично 30 000 000 долларов, но шараялся от собственной тени.

Он умел читать, писать и считать и сам выучил даже алгебру и тригонометрию. Он был, пожалуй, самым сильным шахматистом за всю историю колледжа. Но в обществе он совершенно терялся, и, видимо, так и не смог это преодолеть, потому что до смерти боялся всего на свете.

Я его спросил, не знал ли он женщину в Цинциннати, мою ровесницу примерно, по имени Мэри Алиса Френч.

Он ответил:

– Никого я не знаю, ничего я не знаю. Пожалуйста, больше со мной не говорите. И остальным скажите, чтобы они ко мне не лезли.

Я так и не узнал, что он сделал со своими деньгами, если он вообще что-то в жизни сделал. Мне сказали, что он женился. Что-то не верится!

Не иначе, как его прибрала к рукам какая-нибудь расчетливая девица.

Ловкая особа. Должно быть, купается в золоте.

Вернемся на Выставку Технического Творчества в Кливленде: когда судья с отцом обо всем договорились, я рванул к ближайшему выходу. Мне был необходим свежий воздух. Я искал новую, иную планету – или смерть. Все было лучше, чем то, что со мной творилось.

Выход мне преградил человек в потрясающем костюме. Другого такого во всем зале не было. Невероятно, но факт: он был одет так, как я сам буду одет, когда стану подполковником Регулярной Армии, на груди у него пестрели ряды орденских колодок. Он был в парадной форме, с золотыми аксельбантами, в сапогах, с «крылышками» парашютно-десантных войск в петлицах. Мы тогда ни с кем не воевали, и офицер при

полном параде среди толпы штатских производил сногсшибательное впечатление. Его откомандировали на выставку с заданием на вербовать многообещающих юных ученых для своей «альма матер». Военной Академии Соединенных Штатов в Уэст-Пойнте.

Академия была создана вскоре после Гражданской войны, так как страна нуждалась в офицерах со специальным инженерным образованием, которое считали главным условием победы в тогдашней военной науке – в основном это касалось картографии и артиллерии. Теперь, когда появились радары, ракеты, самолеты и ядерное оружие, возникли те же самые проблемы.

А я оказался в Кливленде, и на груди у меня, над самым сердцем, красовался громадный круглый значок, похожий на мишень, с надписью:

«УЧАСТНИК».

Этот подполковник, которого звали Сэм Уэйкфилд, не только заманил меня в Уэст-Пойнт. Во Вьетнаме, где он был в чине генерал-майора, он наградил меня Серебряной Звездой за выдающуюся доблесть и мужество. Он вышел в отставку за год до окончания войны и стал Президентом Таркингтоновского колледжа, ныне Таркингтоновской Тюрьмы. А когда я пришел из армии, он нанял меня учить детей физике и звонить в колокола, колокола, колокола.

Вот какие слова сказал мне Сэм Уэйкфилд, самые первые его слова, когда мне было 18, а ему 36:

– Куда спешим, сынок?

– Куда спешим, сынок? – сказал он. И добавил: – Если у тебя есть свободная минутка, давай поговорим.

Ну, я остановился. И это была самая большая ошибка в моей жизни. Там было сколько угодно выходов, и надо бы мне выбрать любой из них. Все остальные выходы в ту минуту вели в Мичиганский Университет, в журналистику, в мир музыки – к целой жизни, в которой я мог одеваться, выражаться и самовыражаться, как моей душе угодно. Любой другой выход, вполне возможно, привел бы меня к жене, которая не свихнулась бы и не повисла бы тяжким грузом у меня на шее, и к детям, которые любили бы и уважали меня.

Каждый из этих выходов привел бы меня к каким-то неприятностям, я понимаю – это дело житейское. Но не думаю, чтобы я угодил воевать во Вьетнам, а потом – учить неспособных к учению детей в Таркингтоновском колледже, а потом вылетел бы из Таркингтона и снова учил неспособных к учению на том берегу озера, пока не произошел величайший в истории побег из тюрьмы. А теперь я сам сижу в тюрьме.

Но я выбрал 1 единственный выход, блокированный Сэмом Уэйкфилдом.

Так уж мне подфартило.

Сэм Уэйкфилд спросил меня, не подумывал ли я когда-нибудь о карьере военного. Передо мной был человек, получивший ранение во 2 мировой войне, 1-ственной войне, в которой я не отказался бы сражаться, воевавший и в Корее. Впоследствии он уйдет в отставку за год до окончания Вьетнамской войны и станет Президентом Таркингтоновского колледжа, а потом пустит себе пулю в лоб.

Я ответил, что меня уже приняли в Мичиганский Университет, а солдатская лямка меня не привлекает. Да, дело у него с ходу не заладилось. Напоролся на юнца, который вышел на Выставку Технического Творчества на уровне штата и честно мечтает поступить в Калифорнийский

Технический или МТИ, или в любое другое место, где не приходится все время держать свои мысли по стойке «смирно». Сэм был готов на что угодно. Он таскался по всей стране, подбирая отбросы Выставок Технического Творчества. Он не поинтересовался моим экспонатом. Ему не было дела до моих отметок. Ему нужен был я, как таковой, а каков я, ему было наплевать.

А тут подоспел и отец – разыскивал меня. Не успел я опомниться, как Па и Сэм Уэйкфилд уже хохотали и жали друг другу руки.

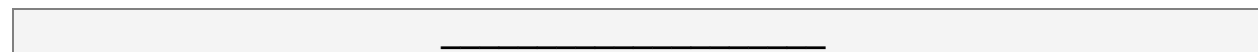
Отец выглядел таким счастливым, каким я не видел его много лет. Он мне сказал:

– Для наших там, дома, это будет лучше, чем приз на Выставке.

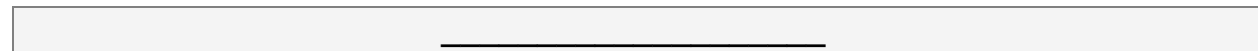
– Что будет лучше? – сказал я.

– Ты только что выиграл место в Военной Академии Соединенных Штатов, – сказал он. – Наконец-то у меня сын, которым я могу гордиться.

Семнадцать лет спустя, в 1975, я, в чине подполковника, стоял на крыше Американского посольства в Сайгоне, следя за тем, чтобы только американцы попадали на борт вертолета, который перебрасывал вконец деморализованных людей на корабли, стоявшие на рейде. Мы продули войну!

Неудачники!

Я был еще не самым бездарным из юных дарований, которых Сэм Уэйкфилд уговорил поступить в Уэст-Пойнт.

Со мной в классе учился паренек из захолустной школы в Вайоминге, который проявил технические способности смолodu: он сконструировал крохотный электрический стул для крыс, с привязными ремнями и черным капюшончиком, в комплекте.

Его звали Джек Паттон. Он не состоял в родстве с «Кровавым

Потрошителем» Паттоном, прославленным генералом 2 мировой войны. Он стал моим шурином. Я женился на его сестре, Маргарет. Она приехала с родителями на выпускной бал, и я в нее влюбился. Как мы танцевали!

Джека Паттона застрелил снайпер в Хюе – произносится «Уэй», Он был подполковником саперных войск, Я там не был, но мне сказали, что пуля угодила ему прямо в лоб. Вот это меткий глаз! Тот, кто в него стрелял, был настоящий победитель.

Однако снайпер недолго оставался победителем. Это почти никому не удается. Мне говорили, что ему было лет 15, не больше. Это был мальчишка, а не взрослый мужчина, но, раз уж он влез в мужские игры, плата с него полагалась полная, без скидок. Когда они его убили, то засунули его маленькие причиндальчики ему в рот – чтобы остальные поостереглись становиться снайперами.

Закон и порядок. Скорый суд, правый суд.

Поспешу вас заверить, что ни в одном из вверенных мне подразделений надругательство над телами врагов не поощрялось, и я не стал бы смотреть на это сквозь пальцы. В одном взводе из моего батальона придумали класть пиковые тузы на вражеские трупы, видно, вместо визитных карточек. Это, строго говоря, не являлось надругательством, но я с этим покончил.

То, что пехотинец может сделать с телом врага своими жалкими подручными средствами, ни в какое сравнение не идет, само собой разумеется, с обычными, неотвратимыми, абсолютно будничными последствиями бомбежки или артобстрела. Я как-то раз видел голову бородатого старика, покоившуюся на куче кишок, выпавших из брюха буйвола, в бомбовой воронке на краю рисового поля в Камбодже. Они были густо облеплены мухами. Бомбардировщик, сбросивший бомбу, летел на такой высоте, что его с земли вообще не было видно. Но то, что осталось после этой бомбы, даст сто очков вперед такой простенькой визитной карточке, как туз пик.

Вряд ли Джек Паттон хотел, чтобы снайпера, убившего его, так изуродовали, но утверждать не берусь. Еще когда он был жив, он в 1 отношении был точь-в-точь, как мертвец: ему все било до лампочки.

Все, абсолютно все, без исключения, было для него посмешищем, по крайней мере он так говорил. Его любимая присказка, до самой смерти, была: «Я чуть не лопнул со смеху». Если подполковник Паттон попал в рай – хотя я не думаю, что туда чаяли добраться многие из настоящих кадровых вояк, во всяком случае, не в наше время, – он, должно быть, сейчас рассказывает, как внезапно настигла его смерть в Хюе, а потом добавит, без малейшего намека на улыбку: «Я чуть не лопнул со смеху». В этом и была заковыка: Паттон рассказывал про событие, по природе своей серьезное, или прекрасное, или опасное, или священное, которое для него было лишь поводом «чуть не лопнуть со смеху», но сам он не смеялся. И он сохранял полную серьезность, рассказывая об этом впоследствии. За всю его жизнь, я думаю, никому не удалось услышать, как он чуть не лопнул со смеху, сколько бы он об этом ни говорил.

Говоря, что чуть не лопнул со смеху, выиграв приз в школе за электрический стул для крыс, он не смеялся. Многие просили его показать этот стульчик в работе, с транквилизированной крысой, хотели, чтобы он выбрил череп этой накачанной наркотиком крысы и пристегнул ее ремешками к стулу, и, по словам Джека, зрители требовали, чтобы он спросил, хочет ли преступник сказать свое последнее слово – покаяться в преступлениях, в которых он погряз.

Но экзекуция так и не состоялась. В школе, где учился Паттон, только не в Комитете по науке, нашлись здравомыслящие люди, и они объявили, что это зрелище запрещается, как жестокое обращение с бессловесными животными. А Джек Паттон, как всегда, сказал без улыбки:

– Я чуть не лопнул со смеху.

По его словам, он чуть не лопнул со смеху, когда я женился на его сестре, Маргарет. Он добавил, что не надо нам с Маргарет на него обижаться. Сказал, что покатывается со смеху каждый раз, когда люди женятся.

Я абсолютно уверен, что Джек понятия не имел о наследственном безумии со стороны матери, и его сестра, моя невеста, тоже ничего не знала. Когда я женился на Маргарет, ее матушка была как будто в полной норме, разве вот только до безумия любила танцы – иногда это пристрастие

наводило легкую жуть, но вреда от этого никому не было. Танцевать до упаду – это дело безобидное, не то что дикая идея стереть Северный Вьетнам с лица Земли, превратить его в Каменный век, или разбомбить любое место, превратив его в Каменный век.

Моя теща, Милдред, выросла в Перу, штат Индиана, но ни словечком не обмолвилась про это Перу, даже после того, как свихнулась, только один раз упомянула, что Кол Портер, сочинитель изысканных поп-песенок в первой половине минувшего столетия, тоже родился в Перу.

Моя теща, Милдред, сбежала из Перу в 18 лет, и больше туда не возвращалась. Она прослушала полный курс в Университете штата Вайоминг, в Лэрами – нашла местечко! – но это, я думаю, было самое удаленное от Перу место в пределах Млечного Пути, какое ей удалось отыскать. Там она и повстречалась со своим мужем, студентом Ветеринарного факультета того же Университета.

Только после войны во Вьетнаме, когда Джека давно уже не было в живых, мы с Маргарет догадались, что моя теща не желала и вспоминать о Перу, потому что там почти все знали, что она родом из семьи, прославившейся поколениями психов. Она удрала подальше, а потом вышла замуж, никому не выдавая жуткую историю своей семьи, да еще и детей нарожала.

Моя жена вышла замуж и родила детей в полном неведении о той опасности, которая нависла над ней самой, и о том, что все наши дети, по ее милости, попали в группу риска.

Наши дети, которые выросли в доме рядом с окончательно свихнувшейся бабкой, сбежали из нашей долины при первой возможности, точно так же, как она сбежала из Перу. Но они не стали плодиться и размножаться, и я сомневаюсь, что они на это решатся, – ведь они знают, какая дьявольская ловушка для дураков запрятана у них в генах.

Джек Паттон не был женат, Он никогда не говорил, что хочет иметь детей. Это, кстати, наводит на мысль, что ему было кое-что известно о сумасшедших родичах в Перу. Но я этому не верю. Он был вообще против завета плодиться и размножаться, потому что, как он говорил, человеческие существа «раз в 1000 глупее и ничтожнее, чем они думают».

Я и сам, кажется, со временем пришел к тому же выводу.

Я помню, как на первом курсе Джек внезапно решил, что станет карикатуристом, хотя прежде об этом и не помышлял. Он всегда принимал решения моментально, ни с того ни с сего. Представляю себе, как он там у себя, в Вайоминге, вдруг решил сконструировать электрический стул для крыс.

Первый и последний рисунок, какой он создал, изображал свадьбу носорогов. А самый обыкновенный священник в церкви задавал вопрос присутствующим: если здесь есть кто-нибудь, кому известна причина, которая могла бы помешать этим 2-им соединиться в таинстве брака, – пусть говорят сейчас или никогда.

Это было задолго до того, как я повстречался с его сестрой, Маргарет.

Мы с ним все 4 года прожили в одной комнате. Поэтому он показал мне рисунок и сказал, что собирается продать его в «Плейбой».

Я спросил его, что в этом рисунке смешного. Он совсем не умел рисовать карикатуры. Ему пришлось объяснять мне, что жених и невеста – носороги. А я было подумал, что это пара диванов, или, может быть, пара лимузинов, побывавших в уличной катастрофе. Это еще могло бы вызвать улыбку: пара разбитых лимузинов соединяет свои судьбы перед алтарем. Собираются жить своим домом.

– Что тут смешного? – повторил Джек, не веря своим ушам. – У тебя что, сперли чувство юмора? Да ведь если кто-нибудь не остановит

церемонию, эти двое спарятся и родят маленького носорожика!

– А как же иначе, – сказал я.

– Силы небесные, – сказал он, – да есть ли на всем белом свете что-нибудь уродливее и глупее носорога? Если нечто способно к размножению, это еще не значит, что оно должно размножаться.

Я заметил, что носорогу другой носорог может казаться гением чистой красоты.

– В том-то и дело, – сказал он. – Любая зверюга считает себе подобных тварей чудесными. И все молодожены считают, что они – чудо из чудес, и что у них родятся расчудесные детишки, даже если сами они уродливее носорогов. То, что мы сами себе кажемся венцом творения, еще ничего не значит. Мы можем оказаться страхолюдными чудищами, которые просто не желают этого признавать, боясь сильно огорчиться.

Когда мы с Джеком учились на третьем курсе Уэст-Пойнта – а в обычном колледже это был бы только первый курс, – помнится мне, нам было приказано маршировать 3 часа кряду по плацу, как будто мы несли охрану, с полной выкладкой и при личном оружии. Это наказание нам вlepили за то, что мы не донесли на другого курсанта, который смухлевал на экзаменах по электротехнике. Кодекс Чести требовал, чтобы мы не только сами никогда не лгали и не жульничали, но и доносили на любого, кто был в этом повинен.

Мы не видели, как этот курсант жульничал. Мы даже учились в разных классах. Но мы оказались рядом, в компании еще одного курсанта, когда он напился после игры Армии против Флота, в Филадельфии. Он так надрался, что заявил во всеуслышание, что смухлевал на экзаменах прошлым летом, в июне. Мы с Джеком посоветовали ему заткнуться, добавили, что не хотим ничего слышать, и вообще забудем про это начисто, потому что еще не известно, правда это или выдумка.

А тот, другой курсант, которого впоследствии подорвали во Вьетнаме, заложил нас всех. Считалось, что мы так же низко пали, как этот жулик, раз мы его покрываем. Кстати, новое слово «подорвать», т.е. разнести на куски, родилось на Вьетнамской войне. Случалось, что в палатку к нелюбимому офицеру забрасывали осколочную гранату. Не хочу хвастаться, но за все

время, что я служил во Вьетнаме, никто не предлагал подорвать меня.

Обманщика поперли с последнего курса, хотя он был «старичком» и до окончания ему оставалось всего 6 месяцев. А нам с Джеком пришлось погулять 3 часа ночью в проливной дождь. Разговаривать друг с другом или с посторонними нам не полагалось. Но невидимые диагонали, по которым мы расхаживали, пересекались в 1 точке. Когда мы встретились в очередной раз, Джек мне тихонько сказал:

– Что бы ты стал делать, услышав, что кто-то только что сбросил атомную бомбу на Нью-Йорк?

До нашей новой встречи оставалось 10 минут. Я придумал несколько банальных ответов: что я буду в ужасе, что я разрыдаюсь, и прочее в этом роде. Но я понял, что мой ответ был ему не нужен. Джек хотел, чтобы я выслушал его ответ.

Он выдал мне свой собственный ответ. Уставившись мне прямо в глаза, он сказал, не дрогнув ни 1-им мускулом:

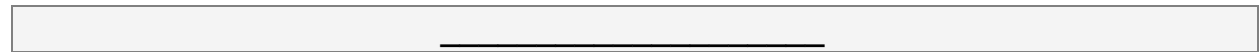
– Я бы лопнул со смеху.

Последний раз он мне сказал, что чуть не лопнул со смеху, в Сайгоне, когда я встретил его в баре. Он сказал, что его только что наградили Серебряной Звездой, и теперь он сравнялся со мной – у меня Звезда уже была. Он со взводом солдат из своей роты расставлял мины на тропинках, ведущих в деревню, по слухам, сочувствовавшую врагам, когда началась перестрелка. Тогда он вызвал группу поддержки с воздуха, которая залила напалмом – это такой желеобразный бензин, изобретенный в Гарвардском Университете, – всю деревню, истребив поголовно всех вьетнамцев обоего пола и любого возраста. Впоследствии ему было приказано пересчитать все трупы и подать рапорт, чтобы объявить число убитых «партизан» в сводке за тот день. За что он и получил Серебряную Звезду.

– Я чуть не лопнул со смеху, – сказал Джек. Но он не улыбался.

Он бы непременно почувствовал, что вот-вот лопнет со смеху, если бы видел, как я размахиваю пистолетом на крыше нашего посольства в Сайгоне. Я заработал свою Серебряную Звезду за то, что обнаружил и лично уничтожил 5 вражеских солдат, затаившихся в подземном туннеле. Теперь я торчал на крыше, а противники кишели повсюду, ни от кого не прячась, занимая без сопротивления улицы внизу. Вон они, все на виду, на тот случай, если мне захочется уничтожить их в большом количестве. ПУ! ПУ! ПУ!

Я торчал на этой крыше, чтобы помешать вьетнамцам, нашим союзникам, садиться в вертолеты, переправлявшие исключительно американцев, штатских служащих с семьями, на военные корабли, стоявшие на рейде. Партизаны могли при желании сбить вертолеты, забраться наверх и взять всех нас в плен или перестрелять. Но они хотели только одного, как и раньше, – чтобы мы убирались домой. Разумеется, они захватили и расстреляли всех вьетнамцев, которым я не дал влезть в вертолет, после того, как самый последний американец, подполковник Юджин Дебс Хартке, покинул их страну.

Вот что было дальше:

Вертолет, уносивший последнего Американца из Вьетнама, прибил к стае других вертолетов, летевших над Южно-Китайским морем: их спугнули с насестов на земле, и у них вот-вот должен был кончиться бензин. Разве не подходящий сюжетик для Естественной истории 20 века: небо, в котором вьются стрекочущие птеродактили, созданные людьми, внезапно лишившиеся дома, неспособные проплыть ни метра, обреченные на гибель в волнах или на голодную смерть...

Внизу под нами раскинулась, насколько хватал глаз, вооруженная до зубов армада, какой не знала история и которой не грозила никакая опасность. Нам предоставили все бездонное синее море, сколько нужно, противник нам не мешал. Плещитесь на здоровье!

Моему птеродактилю приказали по радио зависнуть вместе с 2 другими над палубой миноносца, где было место только для 1, собственного птеродактиля, который поднялся в воздух, чтобы нашим было

где приземлиться. И мы спустились, и вылезли на палубу, и морячки столкнули нашу громоздкую, глупую, неуклюжую птицу за борт. Эту операцию повторили еще два раза, после чего птица, принадлежащая кораблю, уселась на свое законное место. Я потом заглянул в нее. Она была битком набита разным электронным оборудованием для обнаружения мин и подводных лодок под водой, а также летающих объектов и ракет в небе.

А потом само Солнце следом за последним американским вертолетом покинуло Сайгон, опустившись на дно глубокого синего моря.

В свои 35 лет Юджин Дебс Хартке стал так же безобразно злоупотреблять алкоголем и марихуаной и путаться с падшими женщинами, как и в последние 2 года учебы в школе. И он растерял окончательно уважение к себе самому и к своей великой державе, точно так же, как 17 лет назад потерял уважение к себе и к своему отцу на Выставке Технического Творчества в Кливленде, штат Огайо.

Его ментор, Сэм Уэйкфилд, который завербовал его в Уэст-Пойнт, покинул армию на год раньше, чтобы иметь возможность выступать против войны. Президентом Таркингтоновского колледжа он стал благодаря семейным связям с сильными мира сего.

Пройдет три года, и Сэм Уэйкфилд покончит с собой. Вот вам и еще один потерпевший поражение неудачник, хотя он был и генерал-майором, и Президентом колледжа. Я думаю, он просто под конец вымотался. Говорю это не только потому, что мне он всегда казался усталым, но главным образом потому, что его предсмертная записка оригинальностью не отличалась, словно не имела к нему лично никакого отношения. Она слово в слово совпадала с предсмертной запиской, оставленной в далеком 1932 году, когда мне было –8 лет, другим неудачником, Джорджем Истменом, изобретателем фотокамеры «Кодак» и основателем «Истмен Кодака». Раньше этот концерт размещался всего в 75 милях отсюда, а теперь приказал долго жить.

В обеих записках было сказано вот что:

«Мое дело сделано».

И больше ни слова.

Если говорить о Сэме Уэйкфилде, то сделанное им дело, если он не

хотел приплюсовать к нему Вьетнамскую войну, состояло из трех зданий, которые бы и без него построили, кто бы там ни был Президентом в Таркингтоне.

Эту книгу я пишу для людей не моложе 18 лет, но мне кажется, никому не повредит, если я посоветую молодым людям готовить себя скорее к неудачам, чем к успеху – потому что им предстоит главным образом терпеть поражение за поражением.

Даже если выразить это в баскетбольных терминах, почти все обречены на проигрыш. Подавляющее большинство заключенных в Афинах, а теперь и здесь, в этом маленьком местечке лишения свободы, можно сказать, посвятили и детство, и юность исключительно баскетболу, и тем не менее всем им вышибли мозги на первых минутах какого-то треклятого дурацкого матча.

Позвольте мне добавить, на тот случай, если книга все же попадетсЯ молодому читателю, что я мог вконец разрушить свое здоровье, вылететь из Мичиганского Университета и кончить жизнь где-нибудь под забором, если бы не прошел выучку в Уэст-Пойнте, с его военной дисциплиной. Я сейчас говорю о своем теле, а не о душе: и для молодого человека – ас недавних пор и для молодой девушки, – чтобы выучиться уважать свои кости, и нервы, и мускулы, нет ничего лучше, чем поступить в одну из 3-х главных военных академий.

Я поступил в Уэст-Пойнт заморышем, сутулым, со впалой грудью, я в жизни не занимался спортом – если не считать нескольких потасовок после танцев, где играл наш джаз-банд. Когда я кончил Академию и мне присвоили чин младшего лейтенанта регулярной армии, и я ходил щеголем, и купил красный «Корветт» на средства, скопленные для меня Академией за время моей учебы, – спина у меня была прямая, как струна, легкие

мощные, как мехи в кузнице Вулкана, я был капитаном 2-х команд – вольной борьбы и дзюдо, и не выкурил ни единой сигареты и не проглотил ни капли спиртного за 4 полных года! Да и моя сексуальная озабоченность отошла в прошлое. Я не чувствовал себя так великолепно никогда, за всю свою жизнь.

Помню, я сказал своим родителям на выпускном вечере:

– Неужели это я?

Они ужасно гордились мной, и я тоже гордился собой. Я обратился к Джеку Паттону – он там тоже был со своей матерью и сестрой, опасными, как игрушки, начиненные взрывчаткой, и со своим нормальным отцом, и я его спросил:

– Ну, что ты о нас думаешь, лейтенант Паттон? Он был в нашем классе первым с конца, средний балл у него был самый низкий. Таким же был и генерал Паттон, просто однофамилец Джека, который снискал громкую славу во время 2 мировой войны.

А Джек, разумеется, ответил, насупясь, что он чуть не лопнул со смеху.

Я тут перечитывал таркингтоновский журнал для старшекурсников, все выпуски, с последнего до первого, вышедшего в 1910 году. Журнал назывался «Мушкетер», в честь Мушкет-горы, а вернее, высокого холма, который возвышался на западной границе студенческого городка – и у его подножия, рядом с конюшней, теперь зарыты тела многих беглых заключенных.

Стоило кому-нибудь предложить внести какие-либо материальные усовершенствования в устройство колледжа, как это вызывало бурю протеста. Выпускники Таркингтона желали, возвращаясь сюда, находить все точно в том же виде, как было прежде. В 1-м отношении все оставалось неизменным – это касалось численности студентов, с 1925 года стабилизировавшейся и составлявшей ровно 300 человек. А тем временем, разумеется, население тюрьмы на том берегу разрасталось под прикрытием тюремных стен неудержимо, как Гремящая Борода, Ниагарский водопад.

Судя по письмам читателей в «Мушкетер», перемена, вызвавшая самую мощную лавину отчаянных протестов, была связана с реконструкцией Лютцевых Колоколов вскоре после конца 2 мировой войны, в память Эрнеста Хаббла Хискока. Он кончил Таркингтон и в 21 год был пулеметчиком на бомбардировщике морской авиации, который пилот бросил с полным грузом бомб на посадочную палубу японской авиаматки. Было это в сражении при Мидуэй, во время 2 мировой войны.

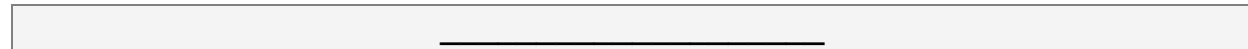
Я готов был отдать что угодно за возможность умереть в такой великой войне.

А что я? Я занимался шоу-бизнесом, стараясь привлечь как можно больше зрителей для Правительственного телеканала и убивая настоящих живых людей при помощи настоящего оружия – а остальные рекламщики не могли себе позволить такую роскошь.

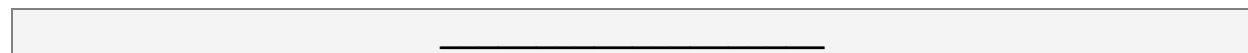
Остальным рекламщикам приходилось снимать сплошную липу.

Как ни странно, актеры выглядели на голубом экране куда более

убедительно, чем мы. Настоящее горе настоящих людей как-то туго доходит до публики.

Ох, сколько нам еще надо узнать о ТВ!

Родители Хискока, которые развелись и завели новые семьи, но оставались друзьями, скинулись, чтобы оплатить механизацию колоколов – чтобы на них, при посредстве клавиатуры, мог играть один человек. А до того куча людей дергала за веревки, и стоило раскатать какой-нибудь колокол, как он уж не останавливался, пока сам не пожелает. Унять его было невозможно.

В старину 4 колокола отчаянно фальшивили, но все, несмотря на это, их обожали, и дали им прозвища: «Пикуль», «Лимон», «Большой Чокнутый Джон» и «Вельзевул». Хискоки послали их в Бельгию, в ту самую литейную, где Андре Лютц работал подмастерьем Бог знает сколько лет назад. Там их подправили, механизировали и идеально настроили – такими я их и застал, когда взялся играть на колоколах.

Но музыка была уже не та, что в прежние времена. Те, кому довелось самим принимать участие в действе, описывали его в своих письмах в «Мушкетер» с такой же неистовой любовью и бешеным восторгом и благодарностью, с какими заключенные говорят о том, что такое героин, сдобренный амфетамином, или ангельский порошок, сдобренный ЛСД, или чистый крэк, и прочее, и прочее. Представляю себе, как все эти неспособные к обучению ребятишки в старое время, самозабвенно дергая за веревки, заставляли колокола петь ласково и грозно, громче грома над головой, и я уверен, что все они испытывали такое же незаслуженное наслаждение, как множество заключенных, накачанных наркотиками.

Разве я сам не признавался, что самые счастливые минуты моей жизни наступали, когда я звонил во все колокола? Вне какой бы то ни было связи с

реальностью, я чувствовал, как и все эти наркоманы, что я – победитель, победитель, победитель!

Когда меня произвели в звонари, я прикрепил к двери комнаты, где находилась клавиатура, надпись «Тор» – играя, я считал себя равным богу грома, мечущему грома и молнии вниз с холма на руины фабрик в Сципионе и дальше, за озером, и выше, к стенам тюрьмы на том берегу.

Мой перезвон будил многократное эхо – отражаясь от стен опустелых фабрик и стен тюрьмы, оно вступало в спор со звуками, только что исторгнутыми из колоколов над моей головой. Когда озеро Мохига замерзало, это эхо звучало так громко, что люди, впервые попавшие в наши места, думали, будто в тюрьме есть свои звоны, и тамошний звонарь просто передразнивает меня.

А я кричал в эту неразбериху сумасшедшего спора колоколов с собственным эхом:

– Смейся, Джек, смейся!

После массового побега из тюрьмы Президент колледжа стал стрелять в беглых заключенных сверху, с колокольни. И из-за причуд акустики в нашей долине беглецы никак не могли понять, откуда в них стреляют.

В мое время колокола уже не раскачивались. Они были намертво прикреплены к жестким брусам. Языки у них вынули. Взамен по ним ударяли стержни, движимые электроэнергией от Ниагарского водопада. Звон можно было мгновенно прекратить – там были для этого глушители, обложенные неопреном.

Комната, где некогда дюжина, а то и больше не способных к обучению юнцов, дергавших за веревки, балдели от адской оглушительной какофонии, теперь служила помещением для клавиатуры в 3 октавы, занимавшей 1 стену. Дырки в потолке, куда раньше были пропущены веревки от колоколов, были зашпаклеваны и заштукатурены.

Теперь там все выведено из строя. Комнату с клавиатурой и колокольную над ней буквально изрешетили пулями и снарядами из гранатомета – беглые заключенные обстреливали колокольную снизу, когда снайпер, затаившийся среди колоколов, убил 11 из них и ранил 15. Этим снайпером был Президент Таркингтоновского колледжа. И хотя он уже был мертв, когда беглые преступники до него добрались, они были в таком бешенстве, что распяли его под потолком конюшни у подножия Мушкет-горы, где студенты обычно держали своих лошадей.

Президент Таркингтона, а мой ментор Сэм Уэйкфилд пустил себе пулю в лоб из Кольта 45 калибра. А его преемник, хотя он уже ничего не чувствовал, был распят.

Надо признать – это чрезвычайно тяжелая история.

А вот история полегче: оставшиеся без употребления языки колоколов были развешены в ряд по размеру, на стене фойе в этой библиотеке, над вечными двигателями, но никакой надписью снабжены не были. И в колледже повелась такая традиция: «старички» из старших классов говорили новичкам, что эти языки – не что иное, как окаменевшие пенисы различных млекопитающих. Самый большой язык, некогда принадлежавший Вельзевулу, самому большому колоколу, считался

пенисом Моби Дика, Великого Белого Кита.

Многие новички верили этим рассказам, и за ними наблюдали, ожидая, когда они, наконец, догадаются, в чем дело – точно так же, наверно, за ними наблюдали в детстве, чтобы проверить, долго ли они будут верить в Фею-Крестную, и в Пасхального Кролика, и в Санта Клауса.

Вьетнам.

Большинство писем, выражавших протест против модернизации Лютцевых Колоколов, были от людей, изо всех сил цеплявшихся за богатство и влияние, которые им принадлежали по праву рождения. Одно было, впрочем, от человека, который признавался, что сидел в тюрьме за мошенничество, что он погубил и свою жизнь, и свою семью, предавшись двойному пороку – пьянству и азартным играм. Его письмо, как и эта книга, было речью приговоренного к виселице.

Единственное, о чем он до сих пор мечтал, говорилось в письме, – это вернуться в Сципион после того, как он отдаст свой долг обществу, и снова звонить во все колокола, дергая за веревки.

«А вы хотите все это у меня отнять», – говорилось в письме.

Одно письмо было от девушки, звонившей в колокола очень давно, сейчас ее, должно быть, уже нет в живых – она кончала колледж в 1924 и вышла замуж за человека по имени Мартинус де Вет, владевшего золотыми копиями в Крюгерсдорпе, в Южной Африке. Она знала историю колоколов,

и то, что они были отлиты из разного оружия, собранного после сражения при Геттисберге. Она не возражала против того, что колокола вскоре станут звонить при помощи электричества. Но для нее хуже всего было то, что фальшивившие колокола, – Пикуль, Лимон, Большой Чокнутый Джон и Вельзевул – попадут в бельгийскую плавильню и там их будут вертеть до тех пор, пока они не станут верно звучать или не превратятся в металлолом.

– Неужто таркингтонские студенты больше не познают благородного человеческого смирения, которое я чувствовала каждый божий день, – вопрошала она, – когда сверху, с колокольни, неслись нестройные вопли умирающих, некогда оглашавшие священные, орошенные кровью поля под Геттисбергом?

Спор о колоколах породил поток такой вот цветистой прозы, по большей части продиктованной в диктофон или секретарю, в чем я не сомневаюсь. Вполне возможно, что будущая миссис де Вет окончила Таркингтон, умея читать и писать не лучше, чем неграмотные преступники в тюрьме за озером.

Если бы мой дедушка-социалист, простой садовник в Батлеровском Университете, прочел письмо от миссис де Вет и заметил, что оно пришло из Южной Африки, он испытал бы мрачное удовлетворение. Для него это был кристально-ясный образчик – женщина, живущая в роскоши на средства, заработанные трудом чернокожих шахтеров, выбивающихся из сил за жалкие гроши.

Расширение тюрьмы на том берегу озера было бы для него тоже свидетельством эксплуатации бедных и бесправных людей. В его глазах тюрьма была создана для того, чтобы закрыть угнетенным классам путь к лидерству в Классовой Борьбе, поставив их перед чудовищной альтернативой – принять безропотно то, что скупердяи хозяева пожелают им дать, то есть условия труда и плату за труд, или оказаться в этой самой тюрьме.

Но к тому времени, когда я поступил учителем в Таркингтонорский колледж, все теории деда о роли тюрьмы на том берегу озера оказались бы устаревшими. Потому что теперь нищие и бесправные люди, даже крайне покладистые, уже были без надобности для ушлых владельцев фабрик и

шахт. То, что они делали раньше, уже делают вместо них самоотверженные и безропотные машины.

Так что над воротами тюрьмы в Афинах, взамен надписи: «Труд освобождает», можно было бы написать, к примеру: «Не повезло тебе, что ты родился. Никому ты не нужен», или: «Входите и сидите тут до самой смерти, мирские захребетники».

Бывший сосед Эрнеста Хаббла Хискока, погибшего героя, сам тоже был на войне и потерял руку в атаке морских пехотинцев на Айво Джима, и он написал в письме, что для Хискока самый лучший мемориал – это обязательство, которое может взять на себя Попечительский Совет, – принимать ежегодно ограниченный контингент учащихся, в том же количестве, как было при нем.

Так что если теперь Эрнест Хаббл Хискок глядит на нас с Небес, или из любого места, куда герои возносятся после смерти, ему очень горько видеть свой любимый студенческий городок, обнесенный колючей проволокой, со сторожевыми вышками по углам. А контингент учащихся, если так можно назвать заключенных, вырос теперь до 2000.

Когда здесь было только 300 «студентов», у каждого и у каждой была собственная спальня, ванная, и масса стенных шкафов в личном пользовании. На каждого из 2 человек приходилась половина квартиры, состоявшей из двух спален, двух ванных комнат и общей гостиной. В каждой гостиной стояли диваны и мягкие кресла, и был настоящий камин, музыкальный центр серийного производства и большой телевизор.

А в тюрьме в Афинах, как я увидел, когда стал там работать, в каждой камере сидело по 6 человек, хотя камеры были рассчитаны на 2-х. На каждые 50 камер полагалась одна комната отдыха, где стоял 1 стол для пинг-понга и 1 телевизор. Добавлю, что по телевизору показывали только видеозаписи; это касалось и новостей, как минимум 10-летней давности. Предполагалось, что заключенных можно избавить от лишнего беспокойства по поводу злободневных событий в большом мире, если им покажут то, что уже так или иначе устроилось и отошло в прошлое.

Они могли наслаждаться любыми зрелищами, при условии, что это не имело никакого отношения к действительности.

Как авторы этих писем любили и свой колледж, и всю Долину Мохига – смену времен года, озеро, первобытную лесную чащу на том берегу!.. Радости студенческой жизни остались почти без изменений и в мое время. При мне студенты уже не катались на коньках по льду озера, а занимались на крытом катке, подаренном колледжу в 1971 году семьей Израэля Когана. Но гонки на яхтах и каноэ попрежнему проводили на озере. Как и раньше, устраивали пикники у развалин шлюзов. Многие студенты брали с собой сюда своих собственных лошадей. В мое время у нескольких студентов было не по 1 лошади, а по 3, потому что все увлекались игрой в поло. В 1976 году и в 1980 команда Таркингтона не знала поражений.

Сейчас-то в стойлах нет ни одной лошади, сами понимаете. Беглые преступники, которые просидели здесь в осаде всего 4 дня, объявившие себя «Борцами за Свободу» и поднявшие американский флаг на верхушке колокольни, так изголодались, что съели всех лошадей и собак, которые жили в городке, подкармливая их мясом и своих заложников – Попечителей колледжа.

Самым выдающимся спортсменом, окончившим Таркингтон, считался, пожалуй, спортсмен-конник Лоуэлл Чанг. Он выиграл бронзовую награду, выступая в составе команды конников США в Сеуле, столице Южной Кореи, еще в 1988 году. Его матери принадлежала половина Гонолулу, а он не мог ни читать, ни писать, ни считать, разве что на пальцах. А вот с физикой у него все было в порядке. Он без труда рассказывал мне, как работают рычаги, линзы и электрические приборы и прочие энергетические установки, и безошибочно предсказывал результат любого эксперимента, который я еще и не начинал, – при условии, что я не требовал от него никаких определений мер и весов – проще говоря, не заставлял его называть цифры.

В 1984 году он получил свидетельство о том, что прослушал курс Наук и Искусств. Это было единственное свидетельство, которое мы выдавали,

честно давая понять другим учебным заведениям или будущим работодателям, да и самим студентам, что наши студенты, зачастую при весьма приличных интеллектуальных способностях, в рамки привычных житейских занятий не укладываются.

Лоуэлл Чанг заставил меня впервые в жизни сесть на лошадь, когда мне было 43 года. Он меня подначивал. Я заявил, что вовсе не собираюсь совершить самоубийство, забравшись на спину одного из его горячих, норовистых пони для игры в поло, потому что у меня на шее жена, теща и 2 детей. Он одолжил у своей тогдашней девушки смирную, послушную старую кобылу. Девушку звали Клаудия Рузвельт.

Вы будете смеяться, но девушка Лоуэлла была математическим вундеркиндом, а в остальном – полной идиоткой. Можно было спросить ее: «Сколько будет 5111 раз по 10 022, деленное на 97?» И Клаудия отвечала: «528 066.» Ну и что? Подумаешь!

Да уж, подумаешь! Я сам после многих повторений, пока преподавал в колледже, а потом – в тюрьме, выучил урок: для большинства людей информация – просто разновидность развлечения, сама по себе она им ни к чему. Если факты их не смешат или не пугают, то пусть катятся куда подальше.

Позднее, когда я работал уже в тюрьме, я повстречал матерого рецидивиста, убийцу, по имени Элтон Дарвин, который тоже умел считать в уме. Он был Черный. Но в отличие от Клаудии Рузвельт он мог вести очень умные разговоры. Люди, которых он убивал, были его соперники, или бездельники, или стукачи, а кроме них – те, кого он принял за других, или вообще ни в чем не повинные пешки подпольного наркобизнеса. Его манера говорить была элегантна и увлекательна.

Он убил несравнимо меньше людей, чем я. Но надо признаться, он был

лишен моего преимущества – а именно полного одобрения со стороны нашего Правительства.

Кроме того, он совершил большинство убийств ради денег. А я никогда до этого не опускался.

Когда я узнал, что он умеет делать подсчеты в уме, я ему сказал:

– У тебя замечательный талант.

– А ведь это нечестно, а? – ответил он. – Несправедливо, что кто-то рождается с таким громадным преимуществом перед остальными? Когда я отсюда выберусь, куплю себе полосатую палаточку на загляденье и повешу вывеску: «Один Доллар. Входите и смотрите на Черномазого, который умеет считать в уме». Вообще-то выбраться из тюрьмы ему было не суждено. Он отбывал пожизненное заключение без надежды на амнистию или помилование.

Кстати, фантазии Дарвина о том, как он будет звездой математического шоу, когда выйдет на волю, возникли не на пустом месте: их породило то, чем 1 из его прадедушек занимался в Южной Каролине после 1 мировой войны. В те времена все летчики без исключения были белые, и кое-кто из них занялся воздушным пилотажем на сельских ярмарках. Их называли «амбарные штурмовики».

И вот 1 из этих амбарных штурмовиков на двухместном биплане, пристегнул Дарвинова прадедушку ремнями к переднему сиденью, хотя тот даже автомобиль водить не умел. Сам амбарный штурмовик скорчился под задним сиденьем, где публика его не видела, но он мог дотянуться до рычагов. И люди стекались толпами издалека, чтобы, по словам Дарвина, «посмотреть, как Черномазый летает на аэроплане».

Дарвину было всего 25, когда мы с ним познакомились, как раз столько, сколько Лоуэллу Чангу, когда тот выиграл олимпийскую бронзу на соревнованиях по верховой езде в Сеуле, в Южной Корее. Когда мне было 25, я еще ни одного человека не убил, а женщин у меня было куда меньше, чем у Дарвина. Он мне сказал, что ему было всего 20, когда он купил «Феррари» за наличные. А я свой первый автомобиль – очень хорошую тачку, «Шевроле Корветт», купил только в 21, да и то она ни в какое сравнение не идет с «Феррари».

Но я по крайней мере тоже заплатил наличными.

Когда мы с Дарвином беседовали в тюрьме, он придумал такую шутку – как будто мы с ним прибыли с разных планет. Его планетой была тюрьма, а я будто бы прилетел на летающей тарелке с другой, более обширной и мудрой планеты.

Это дало ему возможность посмеяться над тем единственным видом сексуальной активности, который был доступен обитателям тюрьмы.

– У вас там, на вашей планете, детишки есть? – спросил он.

– Да, детишки у нас есть, – сказал я.

– А у нас тут ребята чего только не вытворяют, чтобы получились детишки, – сказал он, – да только ни хрена у них не выходит. Как думаешь, может, они что-то перепутали?

От него я впервые услышал тюремное выражение «П.В.» Он мне сказал, что ему иногда даже хочется схлопотать П.В. Я подумал, что он имеет в виду Т.Е., туберкулез, болезнь очень распространенную в тюрьмах – вот теперь и я болен Т.Е.

Оказалось, что «П.В.» – это «Пропуск на Волю», как заключенные называли СПИД.

Это было, когда мы с ним только познакомились, в 1991, когда он мне сказал, что хотел бы получить П.В., задолго до того, как я сам заразился Т.Б.

Прямо какая-то фигурная лапша в виде букв!

Он с жадностью ловил все, что я рассказывал про нашу долину, где ему предстояло прожить до самой смерти и быть похороненным, – а он ее так и не видел. Не только от самих заключенных, но даже от посетителей скрывали точное географическое положение тюрьмы, чтобы в случае побега человек не знал, чего ему опасаться и куда податься.

Посетителей привозили в долину, в тупик, из Рочестера в автобусах с затемненными стеклами. Самих заключенных доставляли в стальных коробках без окон, где помещалось 10 человек в ручных и ножных кандалах, а коробки грузили на автоплатформы. Ни автобусы, ни стальные коробки до въезда на территорию тюрьмы никогда не открывали.

Преступники-то были исключительно опасные и изобретательные. Когда японцы взяли на себя тюремное хозяйство в Афинах, надеясь создать прибыльное дельце, автобусы с черными стеклами и стальные коробки уже давно были задействованы в наших местах. Эти мрачные средства транспортировки сновали по дороге, ведущей к Рочестеру, еще в 1977, через два года после того, как я со своим небольшим семейством поселился в Сципионе.

Японцы внесли небольшие изменения в эти транспортные средства, как раз тогда, когда я пришел работать в тюрьму, в 1991 – они переставили старые стальные коробки на новенькие японские грузовики.

Так что я нарушил давно установленные правила тюремного распорядка, когда стал рассказывать Элтону и другим пожизненно заключенным все, что они хотели знать о нашей долине. Мне казалось, что они имеют полное право знать про величественный дремучий лес, который стал теперь их лесом, про прекрасное озеро, которое тоже стало их озером, и про маленький красивый колледж, откуда до них долетал певучий звон колоколов.

Само собой разумеется, это обогащало их мечты о побеге, в любом другом случае это назвали бы «спасительной мечтой», верно? Я и не подозревал, что заключенные когда-нибудь выйдут из тюрьмы и им очень пригодятся сведения, которые они от меня получили, да и им самим это тоже не приходило в голову.

Я часто делал то же самое во Вьетнаме, помогая смертельно раненым солдатам помечтать о том, как они скоро поправятся и вернутся домой.

А что тут такого?

Я огорчен не меньше всех остальных тем, что Дарвин и его товарищи и вправду отведали свободы. Они были настоящим бедствием и для самих себя, и для окружающих. Очень многие были настоящими маньяками-убийцами. Дарвин не был 1-м из них, но с самого начала, когда преступники еще только бежали по льду через озеро, к Сципиону, он начал командовать ими, как будто он – император, и можно было подумать, что общий побег – его рук дело, хотя он к этому никакого отношения не имел. Он даже не знал, что побег готовится.

Те, кто своими руками пробил стену и пооткрывал все камеры, прибыли из Рочестера, намереваясь освободить 1-го преступника. Они его вызволили и отправились восвояси, не собираясь захватывать Сципион, где вся армия состояла из 6 полисменов и 3 невооруженных надзирателей в колледже, а также неопределенного числа граждан, имевших на руках огнестрельное оружие.

В лице Элтона Дарвина я впервые столкнулся с лидерством в его первозданном виде. Это был человек без каких-либо чинов или полномочий, он не принадлежал ни к одной из существующих организации или общественных движений. В тюрьме это был скромный, неприметный

заклученный. Но в ту минуту, как он выбрался из тюрьмы, на него вдруг напала острая мания величия, и он преобразился, стал другим человеком: он точно знал, что надо делать – а именно атаковать Сципион, где всех, кто рискнет пойти за ним, ждут слава и богатство.

– За мной! – крикнул он, и кое-кто послушался. Помоему, он был социопат, влюбленный в себя и больше ни в кого, жаждущий действия ради самого действия и совершенно не задумывающийся об отдаленных последствиях своих действий, – классический Посланник Рока.

Большинство заключенных не побежали за ним следом вниз по склону и дальше, по льду. Они вернулись в тюрьму – там у каждого была своя койка, и укрытие от непогоды, и еда, и вода – все, за исключением отопления и электричества. Они решили вести себя как пай-мальчики, совершенно справедливо полагая, что плохих мальчиков, слонявшихся на свободе по долине, взятой в кольцо силами закона и правопорядка, перестреляют без предупреждения через 1 или 2 дня, если не раньше. Ведь они все, как 1, имели условно-опознавательную окраску.

В Долине Мохига цвет их кожи мог вполне сойти за тюремную форму.

Примерно половина из тех, кто выбежал за Дарвином на лед озера, повернули назад, не добравшись до Сципиона. Это было еще до того, как они подверглись обстрелу и появились первые жертвы. Один из тех, кто вернулся в тюрьму, говорил мне, что его прямо замутило, когда он представил себе, какой разгул убийств и насилия начнется буквально через несколько минут, когда они ворвутся в Сципион.

– Я представил себе всех маленьких ребятишек, сладко спящих в своих кроватках, – сказал он. Он сунул винтовку, которую украл из тюремного арсенала, первому попавшемуся заключенному, прямо там, посреди прекрасного озера Мохига.

– У него даже ружья не было, – сказал он, – пока я ему не дал.

– А вы не пожелали друг другу удачи или чего-нибудь вроде того? – спросил я.

– Нет, ничего мы не говорили, – сказал он. – Никто ничего не говорил, кроме того, который бежал впереди.

– А он что говорил? – спросил я. Он ответил так невыразительно, что меня мороз подрал по коже:

– За мной, за мной, за мной...

– Жизнь – это страшный сон, – сказал он. – Сечешь?

Элтона Дарвина не покидало состояние вдохновенной одержимости. Он объявил себя Президентом новой страны. Он устроил свой главный штаб в помещении Попечительского Совета, в Самоза-Холле, где вместо письменного стола у него был длиннющий стол для заседаний.

Я зашел к нему туда к вечеру второго дня после великого побега. Он мне сообщил, что его новая держава займется вырубкой леса на том берегу и загонит его японцам. А деньги он пустит на восстановление заброшенных фабрик в Сципионе. Он пока не знал, что там будут производить, но серьезно размышлял об этом. Он готов выслушать с благодарностью мои предложения, если они у меня найдутся.

Никто не посмеет напасть на него, сказал он, – побоятся, что он причинит вред заложникам. А у него в заложниках оказался весь Попечительский Совет, кроме Президента Колледжа, Генри «Текса»² Джонсона и его жены, Зузу. Я, собственно, и пришел узнать у Дарвина, не знает ли он случайно, куда девались Текс и Зузу. Он не знал.

Зузу, как потом выяснилось, была убита неизвестным лицом или лицами, возможно, изнасилована, а может, и нет. Этого нам не узнать. Время было не очень-то подходящее для судебно-медицинской экспертизы.

А Текс тем временем взбирался на башню этой самой библиотеки с винтовкой и запасом патронов. Он решил засесть на самом верху, устроить там снайперское гнездо.

Элтон Дарвин ничуть не тревожился, даже когда пора было сообразить, что дело плохо. Он смеялся, когда узнал, что парашютный десант в пешем строю окружил тюрьму за озером, а на нашей стороне внедрялся в Сципион с юга и с запада. Полиция штата и добровольцы уже перекрыли дорогу, ведущую к озеру. Элтон Дарвин хохотал, как будто одержал историческую победу.

Я встречал таких, как он, во Вьетнаме. У Джека Паттона была храбрость такого рода. Я был не трусливее Джека Паттона. Честно говоря, я уверен, что убил больше людей и сам чаще, чем он, подвергался опасности быть убитым. Но мне-то почти все время было тошно. А Джек ничего не боялся. Он сам мне сказал.

Я спросил его, как он может так жить. А он сказал:

— У меня, как видно, винтика не хватает. Я просто не думаю о том, что будет со мной или с кем-то еще.

И у Элтона Дарвина не хватало того же винтика. Его судили и приговорили к пожизненному заключению за множество убийств, но, сколько я за ним ни наблюдал, мне ни разу не удалось заметить ни малейших признаков раскаяния.

В последний год войны во Вьетнаме я тоже вел себя на пресс-брифингах так, как будто наши поражения были победами. Но я действовал согласно инструкции. Это было вовсе не в моем характере.

Элтон Дарвин – как и Джек Паттон – говорил о пустяках и о серьезных вещах одинаковым голосом, с одинаковыми жестами и выражением лица. Им было все равно, все едино.

Вспоминаю, как Элтон Дарвин говорил мне о том, что очень многие заключенные, перешедшие озеро следом за ним, дезертировали, возвращались обратно в тюрьму или сдавались частям, блокировавшим дорогу, в надежде на амнистию. Эти дезертиры были просто слабаки. Они не хотели умирать, они не хотели отвечать за убийства и насилие в Сципионе, хотя были кругом виноваты. Он говорил об этом, казалось, с глубоким интересом.

Я всерьез призадумался над проблемой дезертирства, как вдруг Элвин Дарвин сказал мне тем же голосом:

– А я могу кататься на коньках! Верите, или нет?

– Простите, не понял? – сказал я.

– На роликах я всегда умел кататься, – сказал он. – А вот сегодня утром впервые встал на коньки.

В это самое утро, когда все лошади валялись мертвые, электричество было отключено, повсюду лежали непогребенные мертвецы и все припасы в Сципионе были съедены, как будто тут побывала туча саранчи, он отправляется на Каток Когана и впервые в жизни надевает коньки. И после первых неуверенных шагов он вдруг чувствует, что скользит по кругу, кружится, кружится...

– Кататься на коньках – все равно что на роликах! – заявил он мне торжественно, как будто совершил научное открытие, которое прольет свет на неразрешимую проблему.

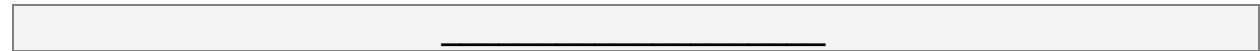
– Мышцы-то одни и те же! – сказал он с важным видом.

За этим делом Дарвина и застали те, кто смертельно ранил его примерно час спустя. Он был на катке, скользил по кругу, кружил, кружил, и кружил. Я расстался с ним в его кабинете, и думал, что он там сидит. А

он вместо этого скользил по катку, кружился, кружился.

Грянул выстрел, и он упал.

К нему подбежали несколько его товарищей, и он им что-то сказал. Потом он умер.

Выстрел был великолепный, если Президент колледжа метил именно в Дарвина. Он вполне мог бы стрелять и в меня, потому что знал, что, стоит ему уйти из дому, как я занимаюсь любовью с его женой, Зузу.

А если метил в Дарвина, а не в меня, то он решил одну из самых трудных для стрелка задач – ту же самую, которую решил Ли Харви Освальд, стреляя в Президента Кеннеди: как попасть в цель, когда находишься значительно выше.

Так я и сказал: «Великолепный выстрел».

Я потом спросил, какое последнее слово сказал Элтон Дарвин, и мне ответили, что он нес какую-то бессмыслицу. Его последние слова были:

– Смотрите, как Черномазый летает на аэроплане.

Иногда Дарвин рассказывал мне про свою планету, откуда его доставили в Афины в стальной коробке.

– Там питались наркотиками, – говорил он. – Я торговал хлебом насущным, это был мой бизнес. Мало ли что на одной планете люди едят какую-то пищу и жить без нее не могут, и после нее чувствуют себя получше, – это еще не значит, что на других планетах людям нельзя есть что-нибудь другое. Думаю, обязательно найдутся и такие планеты, где люди едят камни, и после этого ловят кайф на часок-другой. А потом их опять тянет грызть камни.

За те 15 лет, что я учительствовал в Таркингтоне, я почти не замечал тюрьмы на том берегу озера; громадная, суровая, она все росла. Когда мы выезжали на пикники к шлюзу или мне надо было съездить в Рочестер по какому-то делу, я встречал множество автобусов со слепыми окнами и грузовиков со стальными ящиками. В одном из этих ящиков, возможно, везли и Элтона Дарвина.

С другой стороны, в таких же фургонах перевозили и разные припасы, так что там вполне могла быть «Диетическая Пепси» или туалетная бумага.

Мне не было дела до того, что там перевозили, пока меня не выгнали из Таркингтона.

Случалось, что, когда я играл на колоколах и от тюремных стен отражалось особенно гулкое эхо – чаще всего это бывало зимой, в мороз, – мне казалось, что я обстреливаю тюрьму из пушек. А во Вьетнаме, как ни странно, было совсем наоборот: когда я попадал в распоряжение нашей

артиллерии и орудия пели беглый огонь по неведомо какой цели в джунглях, это больше походило на музыку – забавные звуки ради забавных звуков, и только.

Во время полевых маневров, когда мы с Джеком Паттоном еще были курсантами, мы как-то спали в палатке, и вдруг рядом разразилась канонада. Мы проснулись. Джек мне сказал:

– Это наша музыка, Джин. Это наша музыка.

До того, как я пошел работать в Афины, я видел в долине всего-навсего 3-х заключенных. А остальные жители Сципиона едва ли видели хоть 1-го. И я бы тоже ни 1-го не видел, если бы грузовик со стальным кузовом не сломался в верховьях озера. Мы там устроили пикник у озера, с Маргарет, моей женой, и Милдред, моей тещей. Милдред к тому времени уже окончательно помешалась, но Маргарет пока еще была в своем уме, и мы надеялись – а вдруг пронесет и она останется здоровой.

Мне было всего 45, и я надеялся, как идиот, что буду спокойно преподавать здесь до обязательной отставки по возрасту, до 70 лет, – и вот до 2010 года, до моего 70-летия, осталось всего 9 лет.

А что со мной будет через 9 лет? Гадать об этом – все равно что беспокоиться, не протухнет ли сыр, который ты забыл сунуть в холодильник. Ну что еще может случиться с твоим драгоценным вонючим сыром, раз он уже провонял?

Моя теща, совершенно безобидная и неопасная для окружающих и для себя самой, обожала ловить рыбу. Я насадил червя на крючок ее удочки и забросил леску на хорошем месте. Она вцепилась в удище обеими руками – как всегда, была уверена, что сейчас произойдет какое-то чудо.

На этот раз она не ошиблась.

Я взглянул наверх, и там, на высоком берегу, стоял тюремный фургон, а из мотора валил дым. При фургоне находились всего 2 охранника, один из них – за рулем. Оба успели выскочить. И успели связаться по радио с тюрьмой, вызвать подмогу. Охранники были белые. Это случилось еще до того, как японцы откупили тюрьму в Афинах, чтобы сделать ее доходным предприятием, еще до того, как все дорожные указатели на Рочестер стали писать на двух языках: на английском и японском.

Грузовик мог загореться, и 2 охранника отперли дверцу в задней стенке фургона и велели заключенным выходить. Потом они отступили и стали ждать, направив курносые дула автоматов на эту дверцу.

Заключенные стали вылезать. Их было всего 3, и они еле двигались в ножных кандалах, а наручники у них были пристегнуты к цепям вокруг пояса. Двое было черных, а один белый, или, может быть, светлый латиноамериканец. Это было до того, как Верховный Суд определил, что жестоко и негуманно, даже в наказание, подвергать человека заключению в таком месте, где он или она может оказаться 1 среди множества представителей другой расы.

По всей стране тогда были тюрьмы со смешанным контингентом. А когда я, много позже, стал работать в Афинах, там не было никого, кроме представителей расы, официально именуемой Черной.

Теща моя даже не обернулась посмотреть на дымящий грузовик и прочую суету. Она была целиком поглощена ожиданием того, что вот-вот произойдет на том конце лески. Но мы с Маргарет смотрели во все глаза. Для нас, в те времена, заключенные были чем-то вроде порнографии – делом обычным, но не предназначенным для глаз порядочных людей, хотя в нашей долине из всех промышленных предприятий самым крупным было карательное дело.

Когда мы с Маргарет обсуждали этот случай, она не сказала, что это

смахивало на порнографию. Она сказала: это было все равно что увидеть скот, который везут на бойню.

А мы в свою очередь, наверно, показались заключенным обитателями Райских Кущей. Был теплый, ароматный весенний день. На южной стороне озера шли парусные гонки. Колледж только что получил 30 парусных шлюпок от благодарного родителя, который опустошил самый большой кредитно-сберегательный банк в Калифорнии.

Неподалеку на берегу был припаркован наш новехонький «Мерседес». Он стоил больше, чем мой годовой оклад в Таркингтоне. Мне его подарила мать одного из учеников, по имени Пьер ле Гран. Его дедушка с материнской стороны был диктатором на Гаити, и когда его скинули, он прихватил с собой государственную казну. Поэтому мать Пьера была сказочно богата. Но с ним никто не хотел водиться. Он пробовал завоевать себе друзей с помощью дорогих подарков, но у него ничего не вышло, и тогда он попытался повеситься на потолочной балке в водокачке, на макушке Мушкетгоры. А я там как раз оказался в укромном уголке с женой тренера теннисной команды.

Ну, я его срезал – у меня был с собой армейский нож. За это и получил «Мерседес».

Через 2 года Пьер добился-таки своего, спрыгнув с моста у Золотых Ворот, и в колледже родилась шутка: теперь, мол, придется мне распрощаться со своим «Мерседесом».

Так что в сцене, которая могла показаться 3-м заключенным уголком рая, были свои горести, и немалые. Откуда им было знать, что моя теща безнадежно помешанная, тем более она сидела к ним спиной. Откуда им было знать, раз я и сам не догадывался, что наследственное безумие обрушится на мою красотку жену, как куча кирпичей с самосвала, всего через 6 месяцев, и она превратится в такую же страхолюдную ведьму, как ее мать.

Если бы с нами на берегу были еще 2 наших детишек, это бы довершило иллюзию, что мы – обитатели Рая. Они представляли бы следующее поколение, живущее так же комфортабельно, как мы. Были бы представлены оба пола. У нас была девочка по имени Мелани и мальчик, которого мы называли Юджин Дебс Хартке, Младший. Юджин Младший кончал Дирфилдскую академию в Массачусетсе, ему было 18, и у него был собственный рок-н-ролл бэнд, и к тому времени он сочинил уже штук 100 песен.

А Мелани, пожалуй, испортила бы райскую сценку на берегу. Она была очень толстая, как ее мать, пока не вступила в ряды Борцов с Избыточным Весом. Должно быть, наследственность. И если бы она сидела спиной к заключенным, то по крайней мере ей удалось бы скрыть свой нос – картошкой, как у покойного великого комедианта и алкоголика Даблью Си Филдса. Слава Богу, Мелани хоть еще и алкоголичкой не была!

Зато ее братец был алкоголиком.

Я сейчас готов убить себя за то, что расхвастался перед ним, похвалялся, что в моей родне ни один мужчина не боялся стать алкоголиком, в нашей семье умели пить, но не напиваться. Мы не относились к наркотикам, как безмозглые слабаки.

Но Юджин Младший был по крайней мере, хорош собой – унаследовал красоту от матери. Когда он рос здесь, в долине, никто не мог пройти мимо и не сказать мне – прямо при нем, – что в жизни не видел такого красивого ребенка.

Где он сейчас, я не знаю. Уже много лет, как он не дает о себе знать ни мне, ни другим.

Он меня ненавидит.

Да и Мелани – тоже, хотя еще 2 года назад она мне написала письмо. Она жила в Париже, с женщиной. Они преподавали английский и математику в американской школе, в старших классах.

Мои дети никогда мне не простят, что я не отдал свою тещу в психиатрическую лечебницу, а оставил ее дома, где она стала для них сущим бедствием. Они не могли приглашать друзей в гости. Но если бы я сунул Милдред в психушку, мне было бы не по карману отправить Мелани и Юджина Младшего в такие дорогие школы. В Таркингтоне дом мне дали бесплатно, а вот жалованье было маленькое.

Мне самому помешательство Милдред не казалось таким ужасным, как детям. В армии я привык к людям, которые несли окопную с утр до вечера. Вьетнам был грандиозная бредятина, 1 к 1-му. Если уж я к этому притерпелся, мне все было нипочем.

А вот за что мои дети ненавидят меня больше всего: за то, что я породил их, на пару с их мамочкой. Они живут в постоянном ужасе – как бы не спятить, следом за Милдред и Маргарет. К несчастью, это более чем вероятно.

По иронии судьбы у меня оказался незаконнорожденный сын, о чем я узнал совсем недавно. Мать у него была другая, так что он может не бояться, что в 1 прекрасный день спатит. Впрочем, кое-кто из его собственных детей, если они у него будут, может унаследовать от моей матери предрасположение к полноте.

Впрочем, они могут вступить в ряды Борцов с Избыточным Весом, как моя мать.

Не стоит удивляться, что я сейчас так много размышляю о наследственности, это естественно. Я даже читал об этом в книге, посвященной эмбриологии. И вот что я вам скажу: правы те, кто открывает книгу с опаской, не зная, что их ждет. У меня прямо ум за разум зашел, когда я прочитал статью по эмбриологии человеческого глаза.

Никакое сочетание Времени и Удачи не могло бы создать такую совершенную камеру, даже если бы время тянулось 1 000 000 000 000 лет! Вот вам великая тайна природы!

Когда я поступил на работу в Афины, я надеялся встретить хотя бы 1 из 3-х заключенных, которые видели наш пикник с Милдред и Маргарет в те далекие времена. Как я уже упоминал, 1 из них был белый или латиноамериканец. Так что его давно уже перевели в тюрьму для белых или латиноамериканцев. Остальные двое были явно черные, но я ни 1 из них не нашел. Мне хотелось послушать, какими мы им показались, выглядели ли мы счастливыми и довольными.

Может, их уже нет в живых. Они могли погибнуть от СПИДа, от чужой или от собственной руки, а может, от туберкулеза. Ежегодно на 1 студента Таркингтоновского колледжа, получившего свидетельство о том, что им прослушан курс Искусств и Наук, приходится 30 обитателей Афинской тюрьмы, умерших от разных причин.

Амнистия.

Если бы мне удалось отыскать заключенного, который видел наш пикник, мы с ним могли бы поболтать о той рыбе, которую моя теща

выудила у него на глазах. Он видел, как удочка у нее согнулась дугой, а катушка спиннинга взвыла, как маленькая сирена. Но он так и не увидел чудище, которое проглотило наживку и бросилось на юг, в сторону Сципиона. Не успел он опомниться, как снова оказался в темном кузове другого грузовика.

Я привязал к этому спиннингу толстенную леску. Это была снасть для глубоководной морской ловли, рассчитанная на акул и тунцов, хотя мы прекрасно знали, что на озере Мохига водятся только угри, щука да мелкие сомики. Во всяком случае, ничего другого Милдред до сих пор не ловила.

Как-то раз, помнится, она выловила такого мелкого щуренка, что его не стоило и брать. И я его выпустил обратно, хотя острие крючка повредило ему глаз. Спустя несколько минут она опять вытаскивает этого щуренка! Мы его узнали по проколотому глазу. Вы только подумайте. Глаз – чудо природы, а мозгов – никаких.

Я поставил на спиннинг Милдред такую прочную леску специально для того, чтобы от нее не ушла ни одна рыба. Когда-то в Гондурасе я так же оснастил спиннинг 3-звездного генерала, у которого был адъютантом.

Так что рыба не могла порвать леску, а Милдред намертво вцепилась в удочку. Сама она почти что ничего не весила, а рыба была очень увесистая для наших мест. Милдред упала на колени прямо в воду, смеясь и плача.

Никогда не забуду, что она говорила:

– Это сам Бог! Это сам Бог!

Я вошел в воду, чтобы помочь ей. Но она не отдавала удилище, так что я взялся за леску и стал выбирать ее вручную.

Ух, как кипела и пенилась вода на том месте!

Когда я вытащил рыбу на мелководье, она вдруг перестала сопротивляться. Я думаю, она просто вымоталась. Такие дела.

Я схватил рыбу за жабры и выбросил на берег. Это оказалась громадная щука. Маргарет пришла в ужас, взглянув на нее, и сказала:

– Это же крокодил!

Я взглянул вверх, на обрыв – интересно, что на это скажут охранники и заключенные. А их там уже не было. Остался только сломанный грузовик. Дверца в стальном ящике была распахнута настежь. Желающие могли забраться в кузов и закрыть за собой дверь, если кому-нибудь было любопытно почувствовать себя в шкуре заключенного.

Для любителей судебной медицины: щука клюнула не на червяка, насаженного на крючок. Она клюнула на окуня, который клюнул на червяка, насаженного на крючок.

Мне казалось, что моей теще будет интересно узнать об этом, и пытался ей рассказать, когда мы возвращались домой в новом «Мерседесе». Но она не желала говорить о рыбе. Рыба ее до смерти напугала, и она хотела ее поскорее забыть.

Несколько лет я время от времени напоминал ей об этой рыбе, но получал в ответ только ледяное молчание. Я решил, что она и вправду выбросила этот случай из памяти.

Но вот настала ночь массового побега из тюрьмы, когда мы жили в старом домике в Афинах, деревушке под стенами тюрьмы, и разбудил нас оглушительный взрыв.

Если бы Джек Паттон был с нами, он мог бы мне сказать:

– Джин! Джин! Это опять наша музыка.

Взрывом были снесены ворота Афинской тюрьмы, и не изнутри, а снаружи. Глава наркобизнеса Ямайки, Джеффри Тернер, был доставлен сюда в стальном ящике 6 месяцев назад, после процесса, который тянулся полтора года и транслировался по телевидению. Он получил 25 приговоров подряд к пожизненному тюремному заключению. Говорят, это новый мировой рекорд. И вот хорошо обученная банда его сообщников, численностью от взвода до роты, подошла к тюрьме, имея при себе взрывчатку, танк и несколько бронетранспортеров, угнанных из Арсенала Национальной Гвардии, находившегося километрах в 10 от Рочестера, через дорогу от Медоудейлского кинокомплекса. Один из заговорщиков,

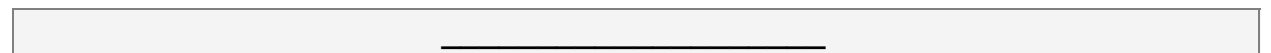
как впоследствии выяснилось, перебрался в Рочестер, и вступил в Национальную Гвардию, принес присягу, обещая стоять на страже Конституции и прочее, с единственной целью – украсть ключи от Арсенала.

Охранники-японцы, захваченные врасплох, и не подумали сопротивляться, тем более что атака велась превосходящими силами и нападающие были одеты в американскую военную форму и размахивали американскими флагами. Так что они либо попрятались, либо сдались в плен, либо сбежали в дремучий лес. Страна была для них совсем чужая, а охрана заключенных ничего общего не имела со священной миссией. Это было просто деловое предприятие.

Телефонные и электрические провода были срезаны, так что они не могли ни позвонить по телефону, ни включить сирену, чтобы позвать на помощь.

Атака продолжалась полчаса. Когда все кончилось, Джефффри Тернера и след простыл, и с тех пор о нем никто не слышал. Пропали и его головорезы. Военная форма и военная техника позже обнаружили на заброшенной молочной ферме, принадлежавшей немецким спекулянтам землей, в километре к северу от берега озера. Там оказалось множество отпечатков шин разных автомобилей, и полиция пришла к выводу, что преступники постепенно выезжали оттуда на обычных, как бы случайных машинах, с определенными промежутками времени, что и позволило им в полном составе скрыться с места преступления.

А тем временем все, кто оставался в тюрьме, могли свободно выйти, вооружившись, при желании, винтовкой, ружьем, или пистолетом, или гранатой со слезоточивым газом – тюремный склад оружия был открыт для всех желающих.

Полиция заявила также, что нападавшие на тюрьму явно прошли первоклассную военную подготовку, возможно, в школах выживания в экстремальных условиях где-то в нашей стране, а может, и в Боливии, или в Колумбии, или в Перу.

Как бы то ни было: Маргарет, Милдред и я проснулись, когда взрыв разнес главные ворота тюрьмы. Конечно, мы себе и представить не могли, что происходит.

Мы 3-е спали в разных спальнях. Маргарет – на первом этаже, а Милдред и я – на втором. Я сел в постели, и в ушах у меня стоял звон, а тут Милдред влетает в комнату в чем мать родила, с выпученными глазами.

Она произнесла жаргонное слово, обозначающее что-то огромное, я от нее раньше ничего подобного не слышал. Это был жаргон не ее поколения, даже и не моего. Это было 1 из жаргонных словечек моих детей. Я думаю, она его слышала давно, и оно ей понравилось, но она хранила это слово в запасе на самый торжественный случай.

Вот что она сказала, когда в тюрьме раздалась беспорядочная пальба из винтовок и пистолетов:

– Помнишь, какую *афигительную* рыбу я поймала?

Было время, когда я с полной уверенностью собирался провести остаток жизни в этой долине, только не в тюрьме. Я представлял себе, что выйду на пенсию из Таркингтоновского колледжа, как положено, в 2010 году. Я смогу довольно прилично жить на пенсию от социального страхования, плюс пенсия от колледжа. Я думал, что моя теща к тому времени наверняка умрет, и мне придется заботиться только о Маргарет. Я сниму маленький домик внизу, в городке. Там пустых домов хватает.

Но все мои мечты пошли прахом, и вовсе не потому, что из тюрьмы сбежали преступники, система социального страхования лопнула, а казначей колледжа скрылся, прихватив пенсионные фонды, и так далее. Просто, как я уже говорил, в 1991 году меня выгнали из Таркингтоновского колледжа.

И вот я, человек уже немолодой, оказался выброшенным на улицу в дочиста разграбленной, обанкротившейся стране, чьи ресурсы были распроданы иностранцам, где народ одолевали неисчислимые напасти, и суеверие, и безграмотность, и гипнотическое телевидение, где практически отсутствовала медицинская помощь малоимущим. Куда податься? Что делать?

Моего увольнения добился Джейсон Уайлдер, знаменитый газетчик-консерватор, лектор, ведущий популярной программы телевидения. Этим он спас мне жизнь. Если бы не он, я оказался бы во время побега заключенных на том берегу озера, где стоял Сципион, а не на другом берегу.

Мне пришлось бы столкнуться лицом к лицу со всеми преступниками, бежавшими по льду озера, озаренному луной, к Сципиону, а я вместо этого в безмолвном удивлении смотрел им вслед, как Генерал Роберт И. Ли во время штурма Пикетта в битве при Геттисберге. Заключенные меня бы не знали, и я по-прежнему помнил бы лица только тех 3-х, которых видел когда-то на берегу.

Наверно, я попытался бы оказать какое-то сопротивление, хотя, в отличие от Президента Колледжа, оружия не имел. Я был бы убит и похоронен рядом с Президентом Колледжа и его женой Зузу, и Элтоном Дарвином, и всеми остальными. Я был бы зарыт возле конюшни, куда достигает тень Мушкет-горы на закате.

В первый раз я увидел Джейсона Уайлдера живьем на том заседании Совета, когда меня выгнали. Тогда он был всего лишь возмущенным родителем. Впоследствии он станет членом Совета и будет самым ценным из заложников, взятых беглыми преступниками. Угроза убить его парализовала части 82-го Воздушного-десантного отряда, который прибыл школьным автобусом из Южного Бронкса. Десантники перекрыли выход из долины в верховьях озера, заняли берега напротив Сципиона и к югу от Сципиона и окопались на западном склоне Мушкет-горы. Но они не смели двинуться с места, опасаясь подать повод к убийству Джейсона Уайлдера.

Конечно, там были и другие заложники, включая весь Попечительский Совет, но он был единственной знаменитостью. Я же вообще не был заложником в полном смысле слова, хотя, весьма возможно, при попытке к бегству меня бы убили. Я был чем-то вроде мирного, отрешенного мудреца и свободно бродил, где хотел, в осажденном Сципионе. Как и в Афинской тюрьме, я старался давать самые честные ответы на любые вопросы, которые комунибудь вздумалось бы мне задать. А вообще я держал язык за зубами. Я ни к кому не лез с советами ни в Афинской тюрьме, ни в осажденном Сципионе. Я просто и без прикрас объяснял тому, кто спрашивал, в каком положении он оказался по отношению к внешнему миру, и старался объяснить как можно лучше. А что делать дальше, решать должен был он сам.

Это я называю – быть учителем. Я не называю это ролью вдохновителя и организатора. Я не называю это подрывной деятельностью.

Я в жизни ничего не хотел подрывать, и ни с чем не боролся, кроме невежества и корыстных вымыслов.

Меня вышвырнули без предупреждения в День Выпуска. Я играл на колоколах в полдень, когда девушка, только что закончившая первый курс, пришла мне сказать, что Попечительский Совет, собравшийся в Самоза-Холле, нашем административном здании, желает меня видеть. Это была Кимберли Уайлдер, дочка Джейсона Уайлдера, неспособная к обучению. Она была круглая идиотка. Я подумал – странно, что Совет послал за мной именно ее, хотя ничего угрожающего в этом не усмотрел. Я и вообразить себе не мог, как ее вообще занесло на это собрание. А на самом-то деле она сначала давала им показания, обличающие меня в отсутствии патриотизма, а потом попросила удостоить ее чести призвать меня к суду и возмездью.

Она одна из немногих первокурсников осталась в колледже. Остальные разъехались по домам, и их комнаты заняли родственники выпускников, которым предстояло получить Свидетельство о прослушанных курсах Искусств и Наук. У Кимберли не было родственников среди выпускников. Она осталась специально на заседание Совета Попечителей. А ее знаменитый папаша прилетел на вертолете, чтобы поддержать ее. Для посадки вертолетов приспособили футбольное поле. Оно стало похоже на птичий двор для птеродактилей.

Остальные прибыли обычными самолетами в Рочестер, где их встретили лимузины, арендованные колледжем. Одна родительница выпускника сказала, помнится, что ей почудилось, будто она приземлилась в Иогогаме, вместо Рочестера, уж очень много там было японцев. Так получилось, что День Выпуска как раз совпал со сменой охраны в Афинской тюрьме. Новая смена, по большей части деревенские парни с Хоккайдо, ни слова не знавшие по-английски и никогда не бывавшие в Соединенных Штатах, прибывали в Рочестер прямо из Токио каждые 6 месяцев, и их везли в Афины автобусами. А потом те, кто 6 месяцев стоял на часах у ворот, или расхаживал по стенам и мосткам над прогулочными двориками, или стоял на сторожевых вышках, и так далее, отправлялись прямым рейсом домой.

– Ты почему это не поехала домой, Кимберли? – сказал я.

Она сказала, что ей и ее отцу хотелось послушать торжественную речь, которую должен был произносить близкий друг и однокашник ее отца, тоже стипендиат Родса, доктор Мартин Пил Блэнкеншип, экономист из Чикагского Университета, который потом станет инвалидом из-за несчастного случая в Швейцарии, где он катался на лыжах.

У доктора Блэнкеншипа племянница училась в выпускном классе. Поэтому он и приехал в Сципион. Племянницу звали Гортензия Меллон. Понятия не имею, что с ней стало потом. Она умела играть на арфе. Это я помню, и еще – что у нее были искусственные зубы, верхние. Ее собственные зубы выбил какой-то подонок, когда она уходила с вечера, устроенного подружкой в Уолдорф-Астории. Этот отель потом сгорел дотла. Там теперь пустое место, которое уже купили японцы.

Я слышал, что ее отец, как и многие родители наших учеников, потерял кучу денег из-за самого крупного мошенничества в истории Уолл-стрит – он купил акции компании «Космический Телемаркет».

Я давно заметил, конечно, что Кимберли за мной шпионит, но не подозревал, что она – ходячая студия звукозаписи. Весь учебный год, теперь подошедший к концу, наши пути скрещивались поразительно часто. Сколько раз, разговаривая с кем-нибудь в любом уголке студенческого городка, я обнаруживал, что Кимберли подкралась совсем близко. Я думал, что она слегка тронутая и подслушивает все разговоры просто из любви к сплетням. Она даже не была моей ученицей, хотя прослушала и курс Физики для Неспециалистов и Музыки для Немузыкантов. Что ей было до меня и мне до нее? Мы даже ни разу ни о чем не разговаривали.

Как-то раз, помню, я играл на бильярде в новом корпусе для отдыха, Павильоне Пахлави, а она торчала у меня за спиной, так что я не мог как следует работать кием, и я ее спросил:

– Тебе нравятся мои духи?

– Чего? – сказала она.

– Ты так часто оказываешься рядом со мной, вот я и подумал, может, тебе нравятся мои духи. Я весьма польщен, если это так, потому что запах

у меня натуральный. Я не душусь.

Я буквально цитирую собственные слова, потому что слышал запись, когда мне ее демонстрировали члены Совета. Она пожала плечами, как будто не поняла, что я ей говорю. И она не вылетела из Павильона, сконфуженная до слез. Как бы не так! Она немного посторонилась, чтобы я не задел ее кием, но по-прежнему чуть не висела у меня на плечах.

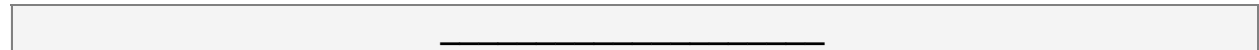
Я играл «в пирамиду» с писателем Полом Шлезингером, который в этом году был Приглашенным Литератором. Он сидел на мели, его не печатали, а это единственная причина, которая приводит писателя в Таркингтон. Он был такой дряхлый – представьте, участвовал во 2 мировой войне! Был награжден Серебряной Звездой, когда мне было всего 3 годика!

Он меня спросил, кто это, и я ответил – у Кимберли это тоже было записано на пленке:

– Не обращайтесь внимания. Просто одна из представительниц Правящего Класа.

И Попечительский Совет, естественно, желал знать, что я имею против Правящего Класа.

Тогда я промолчал, но сейчас с превеликим удовольствием заявляю: беда Правящего Класа в том, что к нему принадлежит множество безмозглых тупиц, вроде Кимберли.

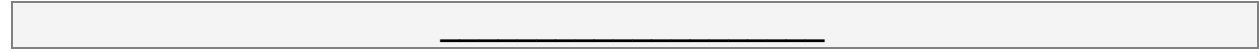

Я думал, может быть, Кимберли ко мне липнет по одной простой причине – ей не дает покоя моя репутация местного Джона Ф. Кеннеди, если говорить о внебрачных связях.

Если Президент Кеннеди, там, в Небесах, вздумал бы составить список женщин, с которыми он занимался любовью, список был бы в 2 или 3 раза длиннее моего, составленного в тюрьме. Ну, конечно, на него работала слава и высокая должность, не говоря о Секретной Службе и штатных сотрудниках Белого Дома. Ни одно имя из моего списка широкой публике не знакомо, а у него там сплошные кинозвезды. Он занимался любовью с Мэрилин Монро. А мне это и не снилось, будьте уверены. Она явно надеялась женить его на себе и стать Первой Леди, хотя над этим все потешались, кроме нее.

Она потом покончила с собой. Под конец она поняла, что жизнь

прожить – не поле перейти.

И все же Кимберли я почти не знал, когда она явилась на колокольню в День Выпуска. А она болтала со мной, как будто мы с ней старые, добрые друзья. Она все еще писала на пленку мои разговоры, хотя у нее было записано предостаточно, чтобы утопить меня.

Она спросила, понравилась ли мне речь Пола Шлезингера, нашего Приглашенного Литератора, которую он произнес в церкви при колледже. Речь эта была, я думаю, самая антиамериканская из всех, какие мне довелось слышать. Он произнес ее накануне Рождественских каникул, перед тем, как навсегда исчезнуть из Сципиона. Он только что получил так называемую Стипендию Гения от Фонда Макартура, 50 000 долларов в год, сроком на 5 лет, и в тот же вечер, сказав речь, смылся в Ки-Уэст, что во Флориде.

Помню, он предсказывал, что рабовладение вернется, да оно на самом деле и не прекращалось. Он сказал, что сюда к нам все норовят приехать только потому, что здесь легче легкого грабить несчастный народ, который Правительство абсолютно не способно защитить. Он говорил о проваливающихся мостах и авариях на трубопроводах, которые не ремонтируются годами. Он напомнил о разлитой в океане нефти, о радиоактивных отходах, и отравленных акваториях, и ограбленных банках и свернутых нерентабельных производствах.

– И никто ни за что не несет ответственности, – сказал он. – Если ты американец, считается, что тебе все сойдет с рук, можешь не извиняться.

Его словно прорвало. Ведь что бы он там ни наговорил, ему все равно причиталось по 50 000 долларов в год, в течение 5 лет.

Я сказал Кимберли, что кое к чему из того, что говорил Шлезингер, стоило бы прислушаться, хотя в целом он расписал нашу страну слишком черными красками, а наша страна, бесспорно, самая великая и могучая держава на планете.

Под эти слова она вряд ли могла подкопаться.

А как я сам оцениваю свой ответ? Сейчас я считаю, что это был пустой треп.

Она еще спросила меня о моей собственной лекции, в той же церкви, месяц тому назад. Она там не была, а значит, не сумела записать. Ей нужно было получить доказательства, что те, кто меня слушал, говорят правду. Я тогда рассказывал, не без юмора, о своем дедушке с материнской стороны. Социалисте старой закваски.

Она обвинила меня в том, что я назвал всех богатых людей пьяницами и психами. Так она переврала слова дедушки: Капитализм – это то, что люди, захававшие все наши деньги, надумают с ними делать, в пьяном или трезвом виде, в своем или не в своем уме. Так что я ее поправил, и объяснил заодно, что это мнение моего дедушки, а не мое собственное.

– Я слыхала, что ваша речь была похуже, чем доктора Шлезингера.

– От всей души надеюсь, что это не так, – сказал я. – Я хотел показать, как устарели взгляды моего дедушки. Я старался посмешить людей. И они смеялись.

– Я слыхала, вы сказали, что Иисус Христос – анти-Американец? – сказала она, а диктофончик все писал, писал.

Я и это ей растолковал. В начале было очередное изречение моего дедушки. Он повторил предписание Карла Маркса для создания идеального общества: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям». А потом он задал мне вопрос, видимо, неудачно пошутил:

– Знаешь ли ты что-нибудь более анти-Американское, Джин, чем Нагорная Проповедь?

– А как насчет того, чтобы согнать всех Евреев в концентрационный лагерь в Айдахо? – сказала Кимберли.

– Как насчет чего-чего-чего? – спросил я в полном обалдении. Наконец-то, наконец – и слишком поздно, слишком поздно, я сообразил, что эта идиотка опаснее гадюки. Мне конец, если она распустит слух, будто я Анти-Семит, – особенно теперь, когда множество евреев, переживших с иноверцами, посылали своих детей учиться в Таркингтон.

– Я никогда в жизни не говорил ничего подобного, – поклялся я.

– Ну, может, не в Айдахо, – сказала она.

– Вайоминг? – сказал я.

– О'кей, пусть будет Вайоминг, – сказала она. – Всех под замок, ага?

– Я просто сказал «Вайоминг», потому что женился в Вайоминге, – сказал я. – Я в Айдахо и не бывал, у меня и в мыслях не было никакого Айдахо. Я все пытаюсь понять, как это ты ухитряешься все вывернуть наизнанку, поставить с ног на голову. Я сам себя не узнаю.

– А Евреи? – сказала она.

– Да это же опять дедушка, – сказал я.

– Ненавидел Евреев, ага? – сказала она.

– Да нет, нет, нет, – сказал я. – Он многих евреев очень уважал.

– И все равно мечтал бросить их в концентрационный лагерь, – сказала она. – Так?

Основой для этой самой что ни на есть гадючьей выдумки стал мой рассказ в церкви, как мы с дедушкой катались на его автомобиле как-то утром в воскресенье, в Мидленд Сити. Я был тогда еще совсем маленький. Это дед, а вовсе не я, стал издеваться над всеми религиозными конфессиями. Когда мы проезжали мимо католического собора, он, помнится, сказал:

– Считаешь, твой папа – отличный химик? Вот здесь превращают пресные хлебцы в мясо. Твой папа сумел бы, а?

Потом мы проезжали молитвенный дом пятидесятников, и он сказал:

– А тут – гиганты мысли, полагающие, что каждое слово в книжке, составленной горсткой проповедников через 300 лет после Рождества Христова, – святая истина. Надеюсь, ты не станешь так тупо верить любому печатному слову, когда подрастешь.

А много позже я узнаю, к слову сказать, что та самая женщина, с которой у отца была любовь, когда я учился в старшем классе, и из-за которой он выпрыгнул из окна в спущенных штанах, запутался в белье

веревке, и его покусала собака и так далее, – была прихожанкой как раз того храма, пятидесятников.

А то, что он сказал в то утро про Евреев, было всего-навсего очередной насмешкой над Христианством. Ему пришлось мне сначала объяснить – а мне пришлось растолковывать Кимберли, – что Библия состоит из 2 отдельных частей, из Нового Завета и Ветхого Завета. Правоверные Евреи принимают, как канонические, только книги, касающиеся их собственной истории, то есть Ветхий Завет, а Христиане всерьез принимают обе части Библии.

– Жаль мне Евреев, – сказал дедушка. – Норовят всю жизнь прожить с уполовиненной Библией.

И добавил:

– Это все равно что пытаться проехать отсюда в Сан-Франциско с дорожной картой, которая кончается в Дюбеке, штат Айова.

Тут я разозлился не на шутку.

– Кимберли, – сказал я, – ты случайно не ляпнула Попечительскому Совету, что я все это говорил? Они меня поэтому вызывают?

– Мало ли, – сказала она. Она хотела показать, какая она умница. А я решил, что это дурацкий ответ. Как оказалось, ответ был правильный. Попечительский Совет хотел поговорить со мной еще о многом, кроме перевернутых фраз из моей лекции в церкви.

Я смотрел на нее с гадливостью и жалостью. Она думала, какая она героиня, а я – гад ползучий! Теперь, когда я понял, что она затеяла, ее так и подмывало показать мне, что она гордится собой и ничуть меня не боится. Откуда ей было знать, что я как-то раз выбросил с вертолета мужчину, потяжелее, чем она. Что мне мешает выбросить ее из окна колокольни? Это мне и пришло в голову. Я был так зол на нее! Я ей покажу, что значит меня

разозлить!

Человек, которого я сбросил с вертолета, плюнул мне в лицо и укусил за руку. Я ему показал, что значит меня разозлить!

Ее было жалко, потому что она была слабоумная девчонка из блестящей семьи, и она думала, что наконец-то совершила что-то выдающееся, разоблачив носителя преступных идей. Я тогда еще не знал, что ее отец Стипендиат Родса³, имевший ключ Фи Бета Каппа⁴ из Принстона, подучил ее. Я думал, что она просто переняла убеждения своего папаши, то и дело высказываемые в его статьях или в его ТВ-шоу – конечно, и дома тоже – что есть учителя, которые так ненавидят свою страну, что по их вине молодежь теряет веру в светлое будущее и ведущую роль нашей страны во всем мире.

Я думал, что она решила совершенно самостоятельно обнаружить такого негодяя и устроить, чтобы его вышвырнули с работы, – чтобы доказать отцу, что она не такая уж дурочка, а достойная дочурка своего Папочки.

Ошибочка.

– Кимберли, – сказал я вместо того, чтобы вышвырнуть ее из окна. – Это же просто смешно. Ошибочка.

– Ну ладно, – сказал я. – Мы в 2 счета с этим покончим.

Ошибочка.

Я представлял себе, как решительно войду в зал собрания, развернув плечи, горя праведным гневом – ведь я самый популярный учитель, единственный, имеющий награды за вьетнамскую войну. Вот в том-то и дело – именно за это они меня и вышвырнули, хотя я не думаю, чтобы они отдавали себе в этом отчет: я был живым свидетелем постыдной и позорной авантюры – Войны во Вьетнаме.

Никто из членов Совета на этой войне не бывал, отец Кимберли в том числе, и ни один из них не допустил, чтобы его сын или дочь туда попали. А на том берегу озера, в тюрьме, и внизу, в городке, было множество чужих сыновей, которых туда загнали. Ясное дело.

Проходя через квадратную лужайку к Самоза-Холлу, я встретил 2 человек. Одна из них была Профессор Мэрилин Шоу, возглавлявшая отделение Биологических Наук. Она, единственная из преподавателей, тоже служила во Вьетнаме, сестрой милосердия. Второй – Норман Эверетт, старый садовник, вроде моего деда. У него был сын, который не владел ногами – подорвался на mine во Вьетнаме, – и постоянно находился в Центре реабилитации Ветеранов в Скенектеди.

Старшекурсники со своими родичами и остальные преподаватели были приглашены на ленч в Павильоне. Каждому достался омар, сваренный заживо.

За Мэрилин, хотя она была достаточно привлекательна и одинока, я никогда не пытался ухаживать. Сам не понимаю, почему. Может быть, тут действовало что-то вроде табу, запрещающего кровосмешение, как будто мы с ней были брат и сестра, потому что оба побывали во Вьетнаме.

Теперь она уже умерла и зарыта возле конюшни, куда достигает тень Мушкет-горы на закате. Ее сразило шальной пулей. Кто в здравом уме стал бы целиться в нее?

Сейчас, когда я ее вспоминаю, мне кажется, что я был в нее влюблен, хотя мы старались как можно меньше разговаривать друг с другом.

Может быть, мне следует вписать ее в очень, очень коротенький список: список женщин, которых я любил. В нем была бы Мэрилин, и Маргарет, в первые 4 года нашего брака, до того, как я вернулся домой с сифилисом. Я был очень увлечен и Гарриет Гаммер, военной

корреспонденткой «Демойнского архивариуса» у которой, как выяснилось, родился сын после нашего романа на Маниле. Думаю, можно назвать любовью и то, что я чувствовал к Зузу Джонсон, муж которой был распят. И я был связан глубокой, взаимной и многогранной дружбой с Мюриэл Пэк, которая еще была барменшей в кафе «Черный Кот» в тот день, когда меня уволили, а позднее стала преподавательницей английского.

Вот и весь список.

Мюриэл зарыта там же, возле конюшни, куда достигает тень Мушкет-горы на закате.

Гарриэт Гаммер тоже умерла, только в Айове, далеко отсюда.

Ждите меня, девочки, ждите.

Я вовсе не собираюсь ставить рекорды, достойные книги Гиннеса, по числу женщин, с которыми я занимался любовью, неважно, любил я их или нет. Насколько я знаю, мировой рекорд поставил Жорж Сименон, французский мастер детектива, и вряд ли я ему составляю конкуренцию. Как сказано в его некрологе в «Нью-Йорк Таймс», он укладывал в постель 3 женщин в день, и длилось это годами.

Мы с Мэрилин Шоу во Вьетнаме не встречались, но у нас там был общий знакомый, Сэм Уэйкфилд. Позднее он взял нас с ней работать в Таркингтон, а потом покончил с собой по неясным даже ему самому причинам, если судить по списанной у кого-то предсмертной записке, оставленной на ночном столике.

Тогда он уже спал в разных комнатах с женой, которая потом станет Деканом Женского отделения в Таркингтоне.

Я считаю, что Сэм Уэйкфилд спас жизнь мне и Мэрилин, прежде чем расстался с собственной жизнью. Если бы он не устроил нас с ней в Таркингтон, где из нас получились отличные учителя для неспособных к

обучению детей, я не знаю, что бы с нами стало. Когда мы с ней встретились, на Лужайке в центре колледжа, как 2 корабля, я был – хотите верьте, хотите нет, – профессором Физики на постоянном окладе, а она – профессором Биологии на постоянном окладе!

Когда я еще был учителем, я спросил самый популярный игровой компьютер в Пахлави-павильоне, ГРИО™, что могло бы случиться со мной после войны, если бы жизнь сложилась иначе. Разумеется, для того, чтобы играть на ГРИО™, вы должны ввести в него данные о возрасте, расовой принадлежности, образовании и положении в текущий момент, отношении к наркотикам и так далее. Причем лицо, о котором идет речь, вовсе не должно быть живым человеком. Компьютер не спрашивает, реальное это лицо или нет. Ему все это до лампочки. Ему в высшей степени безразлично, насколько он может огорчить или обидеть человека. Вы начинаете его подробностями из жизни, настоящей или выдуманной, а он выдает рассказ о том, что вероятнее всего случится с ней или с ним. Эта история базируется на том, что случалось с живыми людьми, имевшими те же основные исходные данные.

ГРИО™ отказывался работать при отсутствии некоторых спецификаций. Например, если вы не упоминали расу, он зажигал на экране слова «этническое происхождение» и отключался вчистую. Пока он этого не узнает, он не включится. То же касалось и образовательного ценза.

Я не сообщил ГРИО™, что я получил здесь отличное место и люблю свою работу. Я ему скормил данные только о том, что со мной было до того, как кончилась война во Вьетнаме. Он знал все о войне во Вьетнаме и о том, каких ветеранов она наплодила. Меня он сразу списал в расход, очевидно судя по сроку, который я там провел. Он сделал из меня горького пьяницу, который бил жену смертным боем и кончил жизнь в трущобе, под забором.

Если бы я теперь имел доступ к ГРИО™, я мог бы спросить, что ждало бы Мэрилин Шоу, если бы Сэм Уэйкфилд ее не спас. Но беглые заключенные разбили вдребезги тот, что был у нас в Павильоне, почти сразу после того, как я научил их, как с ним обращаться.

Они его возненавидели, и я их не виню. Я сразу же пожалел, что вообще позволил им узнать, что это такое. Они, один за другим, тыкали в

кнопки, сообщая компьютеру свою расовую принадлежность, и возраст, и чем занимались их родители, если им это было известно, и сколько они проучились в школе, и какими наркотиками накачивались, и прочее, и ГРИО™ всех их отправлял в тюрьму, на долгие годы.

Я не представляю себе, насколько полные сведения были тогда у ГРИО™ о сестрах милосердия во Вьетнаме. Производители заверяли, что все заложенные в машину программы были не старше 3 месяцев, так что каждая программа имела самые свежие данные о том, что произошло в действительности с лицом или лицами определенного типа. Программисты, судя по всему, постоянно обновляли память ГРИО™, снабжая его злободневными сведениями о водопроводчиках, педикюрщицах, вьетнамских лодочниках и мексиканских беженцах в Штаты, контрабандистах наркотиками, паралитиках – обо всех, кто может оказаться в пределах континентальных границ Соединенных Штатов и Канады.

Теперь, как я слышал, возникли некоторые сомнения в том, что ГРИО™ остался столь же серьезно и исчерпывающе осведомленным, как в прежние времена, так как компания, производившая эти машины, «Братья Паркер», перешла в руки Корейцев. Новые владельцы переводят все производство в Индонезию, где стоимость труда крайне низкая. Они уверяют, что будут узнавать последние американские новости при помощи спутниковой связи.

Не знаю, не знаю.

Я не нуждаюсь в помощи ГРИО™, я и без него знаю, что война обошлась с Мэрилин Шоу куда жестче, чем со мной. Все солдаты, которых она видела, были раненые, и каждый из них надеялся, что она сделает для них то, что было в большинстве случаев совершенно невозможно: вернет

им здоровье.

Я знал, что она была замужем, и что ее муж, оставшийся дома, развелся с ней и женился на другой, пока она еще была на войне, и что она отнеслась к этому спокойно. Может быть, там, на войне, она была любовницей Сэма Уэйкфилда. Я не спрашивал.

Вполне вероятно. После войны он ее искал, и нашел – она проходила курс Компьютера в Нью-йоркском Университете. Ей больше не хотелось быть медицинской сестрой. Он предложил ей попробовать стать учительницей. Она его спросила, есть ли в Сципионе отделение Анонимных Алкоголиков, и он сказал, что есть.

После его самоубийства Мэрилин, Профессор Шоу, примерно неделю пила горькую. Она исчезла, и мне поручили ее искать. Я нашел ее в центре города, она была мертвецки пьяна и спала на бильярдном столе в задней комнате «Черного Кота». На зеленое сукно натекла лужица слюны. Одна рука лежала на шаре, как будто она собиралась запустить им в кого-нибудь, как только придет в себя.

Насколько мне известно, после этого она спиртного в рот не брала.

ГРИО™, по крайней мере в прежнее время, до того, как Корейцы обещали окончательно заткнуть за пояс Братьев Паркер в Индонезии с помощью дешевого труда и спутниковой связи, не всегда выдавал одну и ту же биографию, когда вы вводили в него определенный набор фактов. Как и сама жизнь, он допускал некий разброс возможностей, выдавая окончательные варианты в зависимости от шансов на выигрыш или проигрыш, насколько они были ему известны.

После того, как ГРИО™ 15 лет назад бросил меня в трущобу умирать под забором, я попробовал спросить его еще раз. Мне выпала судьба чуть лучше, но не такая удачная, как на самом деле. На этот раз он оставил

меня в Армии и сделал инструктором в Уэст-Пойнте, только мне там было тошно и скушно. Я опять потерял жену, и опять слишком много пил, и у меня были подружки, которые сразу бросали меня, потому что им быстро надоедали мои депрессии и я сам. И я второй раз умер от цирроза печени.

Но для беглых преступников ГРИО™, однако, почти не находил других вариантов, кроме тюрьмы. Если он и выдавал амнистию, то очень скоро сажал тюремную пташку обратно в клетку.

Если ГРИО™ узнавал, что заключенный – Латиноамериканец, это дела не меняло. Чуть более оптимистично он был настроен в отношении Белых, при условии, что они умели читать и писать, никогда не сидели в психушке и не были с позором изгнаны из Армии. А иначе они могли бы с тем же успехом быть Черными или Латиноамериканцами.

А среди тюремных пташек Восточные расы и Американские Индейцы, с точки зрения ГРИО™, были бросовой картой.

Когда Верховный Суд принял решение о сегрегации заключенных по

расовому признаку, во многих юридических округах оказалось недостаточно Американских индейцев или представителей Восточной расы, чтобы их отдельное содержание было экономически оправдано. На Гавайских островах, к примеру, среди заключенных было всего 2 Американских Индейца, а в Вайоминге, родном штате моей жены, сидел всего 1 представитель Восточной расы.

При подобных обстоятельствах Суд предписывал считать Восточных людей и/или Индейцев почетными Белыми и соответственно с ними обращаться.

В нашем штате, однако, тех и других было полно, особенно после того, как Индейцы принялись сколачивать свободный от налогов капитал, переноса контрабандой наркотики по тропкам, не нанесенным на карту, через границу из Канады. Так что у Индейцев была своя отдельная тюрьма недалеко от Гремящей Бороды, как называли это место их предки, а мы его называем «Ниагарский водопад».

У представителей Восточной расы была своя тюрьма в Оленьем парке, на Лонг Айленде, весьма удобно расположенная всего в 50 километрах от их подпольных лабораторий по производству героина, в одном из районов Нью-Йорка, Чайна-тауне.

Когда вы соберетесь с духом, чтобы представить себе, до каких чудовищных размеров разросся наркобизнес в нашей стране, то поневоле начнете думать, что практически все здесь постоянно находятся под кайфом, точь-в-точь как я в последние 2 года в школе, или Генерал Грант во время Гражданской войны, или Уинстон Черчилль во время 2 мировой войны.

Так вот мы с Мэрилин Шоу снова разошлись, как в море корабли, в тот вечер на Лужайке посреди колледжа. Это была наша последняя встреча.

Никто из нас не догадывался, что мы видимся в последний раз, тем более трогательно вспоминать, что она мне сказала. То, что она мне сказала, она слышала от меня, когда мы впервые встретились на коктейль-парти, устроенном в нашу честь, когда мы поступали на работу; это было очень давно, и мы болтали, чтобы прощупать друг друга.

Я ей рассказал, как я встретился с Сэмом Уэйкфилдом на Кливлендской Выставке Технического Творчества и какие слова он мне сказал. А теперь, когда я спешил на суд и расправу, она повторила мне эти его слова:

– Куда спешим, сынок?

Председателем Совета Попечителей, выгнавшего меня с работы 10 лет назад, был Роберт У. Мелленкамп, из Уэст-Палм-Бич, окончивший некогда Таркингтон и отец 2 нынешних таркингтонцев, 1 из которых учился у меня. Он должен был вот-вот потерять все свое состояние, которое существовало только на бумаге, в акциях Космического Телемаркета. Эти аферисты перехватывали сделки на продукты и дома, топливо и медикаменты, сырье и технику и прочее, опережая тех, кто в этом действительно нуждался, прежде чем те успевали даже узнать об их существовании. А потом, как считалось, компьютеры этой компании заставляли людей, которым и вправду было что-то необходимо, торговаться друг с другом, повышая ставки, так что прибыли у жуликов была сказочные. Они распоряжались деньгами своих клиентов с прибылью, как полагали все, потому что их компьютеры были связаны спутниковой связью с биржами во всех концах света.

А эти компьютеры, как выяснилось, ни с чем вообще не были связаны, а только один с другим да с доверчивыми клиентами, вроде Председателя Таркингтоновского Совета Попечителей. Он как раз накачался, как наркотиком, разными буклетами, в которых описывались фантастические сделки, которые он заключил в таких местечках, как Огненная Земля, Уганда или еще Бог знает где, когда он согласился со Столпом Американского Консерватизма Джейсоном Уайлдером, что настало время меня выгнать. Космический Телемаркет был его ангельским порошком, его ЛСД, его героином, его кружкой огненной воды, его кокаином.

Я тоже был вроде наркомана, только в отношении женщин постарше меня и домашнего хозяйства, и мой теперешний адвокат, представленный судебными властями, сказал мне, что мы могли бы раздуть эти склонности до вполне законного основания признать меня неменяемым. Больше всего его поражало то, что я никогда в жизни не занимался рукоблудием.

– Ну почему? – сказал он.

– Отец моей матери заставил меня дать слово, что я никогда не стану этим баловаться, иначе из меня выйдет лентяй и слюнтяй, – сказал я.

– И вы ему поверили? – сказал адвокат. Ему было всего 23, он только что окончил Сиракузский Университет. А я ему сказал:

– Советник, в наши времена, когда прогресс совсем сбесился, наши деды обречены ошибаться во всем без исключения.

Роберт У. Мелленкамп еще не знал о том, что он, и его жена, и детишки – такие же нищие, как любой заключенный в Афинах. Поэтому, когда я вошел в зал заседаний тогда, в 1991, он обратился ко мне как государственный сановник, тоном умеренного консерватора благородного происхождения. Он кивком головы указал на Джейсона Уайлдера, который был тогда просто одним из таркингтоновских родителей и не входил в Попечительский Совет.

Уайлдер сидел на дальнем конце большого овального стола, с картонной папкой, магнитофоном, кучкой кассет и камерой Поляроид.

Я, конечно, знал, кто он такой, я читал его обзоры в газетах и несколько раз смотрел его телешоу. Но мы с ним раньше не встречались. Члены Совета по обе стороны от него сидели вплотную друг к другу, чтобы у него было побольше места, чтобы он мог развернуться.

Он был здесь единственной знаменитостью. Возможно, он был единственной настоящей знаменитостью, почтившей своим присутствием Зал собраний Совета.

Присутствовал еще 1 не-член Совета. Это был Президент Колледжа, Генри «Текс» Джонсон, с женой которого, Зузу, как я уже упоминал, я обычно занимался любовью, как только он уходил из дому.

Мы с Зузу расстались с месяц назад, но зла друг на друга не держали.

– Прошу садиться. Джин, – сказал Мелленкамп. – У мистера Уайлдера

– надеюсь, вам известно, что он – отец Кимберли, – есть для вас не совсем приятные новости.

– Ясно, – сказал я, как подобает хорошему солдату, делая, что велят. Я не хотел терять свою работу. Здесь был мой дом. Со временем я хотел здесь выйти на пенсию, умереть и быть похороненным. Это было еще до того, как выяснилось, что ледники снова ползут на юг, и все, кого здесь похоронят, в том числе и компания возле конюшни, вместе с Мушкетгорой, в конце концов будут унесены в Пенсильванию или Западную Виргинию. Или в Мэриленд.

Где еще я мог бы стать Профессором или даже школьным учителем, со своим дипломом бакалавра из Уэст-Пойнта? Я бы не смог стать учителем в средней школе или даже в младших классах, потому что никогда не получил соответствующего образования. И в моем возрасте – а мне стукнуло 51 – кто возьмет меня на работу, да еще с сумасшедшей женой и безумной тещей на шее...

Я сказал членам Совета и Джейсону Уайлдеру:

– Я полагаю, что большая часть этих новостей мне известна, леди и джентельмены. Я только что общался с Кимберли, и она дала мне возможность прорепетировать то, что я хотел бы сказать здесь.

Слушая ее обвинения, выдвинутые против меня, я позволил себе надеяться, что вы не забудете того, что сами узнали обо мне за 15 лет безупречной службы в Таркингтоне. Уважаемый Совет может, несомненно, представить всех свидетелей, которые мне понадобятся, чтобы поддержать мою репутацию. Если этого мало, позовите родителей и учащихся. Выберите их наугад. Вы знаете, как и я, что они скажут обо мне только хорошее.

Я почтительно кивнул Джейсону Уайлдеру.

– Рад познакомиться с вами лично, сэр. Я регулярно читаю ваши статьи и смотрю ваше ТВ-шоу. И всегда нахожу то, что вы говорите, очень поучительным, как и моя жена и ее мать, жертвы тяжелого недуга.

Я специально ввернул слова о моих 2 больных иждивенках, на тот случай, если Уайлдер и еще 1–2 новых члена Совета про них не знали.

Признаться, я сильно сгущал краски. Хотя Маргарет и ее мать часто читают друг другу вслух, по очереди, обычно при свете карманного фонарика в шатре, сооруженном внутри дома из покрывал и стульев и чего попало, газет они сроду не читали. И телевидение они тоже не любят, за исключением «Страны Чудес», предназначенной для детишек. В тот единственный раз, когда они увидели Джейсона Уайлдера на маленьком экране, насколько я помню, моя теща стала танцевать под его

разглагольствования, как будто он – сверхсовременная музыка.

Когда один из приглашенных на его шоу гостей начинал говорить, она застывала. Только под голос Уайлдера она снова начинала танцевать.

Но уж об этом я ему даже не заикнулся.

– Я хочу прежде всего сказать, профессор Хартке, – начал Уайлдер, – что я испытываю благоговение перед вашими героическими подвигами во Вьетнаме. Если бы американский народ не утратил доблести и не отказал вам в поддержке, мы жили бы в совершенно ином, куда более светлом мире; особенно это касается Азии. Я также наслышан о вашей доброте и внимании к вашей жене и ее матери и счастлив отметить это в тех же выражениях, как и ваши заслуги во Вьетнаме: «сделал больше, чем требовал долг». Но я с глубоким прискорбием предупреждаю вас, что история, которую я вам собираюсь поведать, далеко не так проста, и ее не так легко опровергнуть, как вы, может быть, надеялись после разговора с моей дочерью.

– Что бы там ни было, сэр, – сказал я, – давайте послушаем. Начинайте.

Так он и сделал. Он сказал, что многие его друзья сами учились в Таркингтоне или посылали сюда своих детей, так что он давно был наслышан о замечательных успехах этого учебного заведения в обучении детей с ограниченными возможностями, прежде чем решился доверить нам свою дочь. На его свадьбе был шафер и подружка невесты, некогда получившие свидетельство об окончании курса Искусств и Наук в Сципионе. Шафер стал Послом в Исландии. А подружка невесты – членом Совета Директоров Чикагского симфонического оркестра.

Он считал, что в высшей степени нетрадиционные методы Таркингтона найдут широкое применение в чрезвычайно переполненных городских школах нашего округа, и он собирался поговорить об этом, когда получше ознакомится с условиями обучения. Кстати, в Таркингтоне на 1 учителя приходится 6 учеников, а в городских школах – 65.

Я помню, тогда была организована настоящая кампания, с целью заставить японцев скупить городские школы, как они скупили тюрьмы и больницы. Но японцы не такие дураки. Их в школы для никому не нужных

детей никому не нужных родителей калачом не заманишь.

Он еще сказал, что намеревается написать книгу о Таркингтоне, под названием «Маленькое чудо на озере Мохига», или «Обучение неспособных к обучению». Поэтому он снабдил свою дочку портативным магнитофоном и велел ей ходить по пятам за лучшими учителями – записывать, что они говорят и как они говорят. «Я хотел узнать, что именно делает их такими хорошими учителями, профессор Хартке, не акцентируя внимание на том, что их самих изучают, – сказал он. – Я хотел, чтобы они оставались такими, как есть, без ретуши, и чувствовали себя совершенно непринужденно».

От него я впервые и услышал про магнитофончик. Эта жуткая новость объяснила поведение Кимберли, я понял, почему она все вынюхивала, вынюхивала. Однако Уайлдер избавил меня от тщетных попыток вообразить, что могла подслушать Кимберли со своей техникой. Он ткнул пальцем в кнопку диктофона, стоявшего рядом, и я услышал свой голос – я говорил Полу Шлезингеру, как я полагал, конфиденциально, что на нашей планете есть две самых ходовых валюты – Иена и минет. А ведь это было перед началом учебного года, еще и занятия не начинались! Шла Неделя Ориентации Новичков, и я как раз сообщил новичкам 1994 года, что торговцы и ремесленники в городке предпочитают оплату в японских Иенах, так что они могут попросить своих родителей выдавать им на карманные расходы Иены.

Еще я им сказал, чтобы они никогда не ходили в кафе «Черный Кот», потому что горожане считают его своим клубом и не любят посторонних. Это было единственное место, где горожане могли забыть о своей постоянной зависимости от богатеньких детишек на холме, но этого я им не сказал. Не упомянул я, разумеется, и о том, что там частенько околачиваются незарегистрированные проститутки, и в прошлом из-за этого было несколько вспышек венерических заболеваний.

Я объяснил новичкам просто и доходчиво: «Таркингтонцев в городке примут с распростертыми объятиями везде, только не в кафе „Черный кот“».

Если Кимберли и записала этот добрый совет, ее папаша мне его прослушать не дал. Он не дал мне послушать и ответ Шлезингера, а это было во время перерыва, за чашкой кофе. Именно то, что он сказал, и заставило меня назвать два самых популярных вида валюты на планете. Он меня спровоцировал.

Насколько я помню, он сказал:

– Они предпочитают оплату в Иенах?

Он был в Сципионе таким же новичком, как ученики, и мы с ним только что познакомились. Я не читал ни одной его книги, и, насколько мне известно, никто на факультете его не читал. Его выбрали Приглашенным Литератором в последнюю минуту, и он пришел на мое вводное занятие просто потому, что делать ему было нечего и он чувствовал себя одиноким. Ему вообще не полагалось там быть, старой развалине! Сидит среди подростков, как будто он тоже богатенький юнец, который оказался первым с конца на проверке Способностей к Обучению, а сам им в дедушки годится!

Он же участвовал во 2 мировой войне! Старик, глубокий старик.

И я ему ответил:

– На худой конец, они возьмут и доллары, только тогда на всякий случай запаситесь ручной тачкой.

И он меня спросил, можно ли торговцам и ремесленникам предложить вторую валюту, минет. Он употребил народное выражение, несколько более красноречивое.

А запись на пленке началась как раз с этого места. Я, как будто без всякой причины, ответил шуткой (только в записи это как-то не тянуло на шутку) – я сказал, что на самом деле весь мир можно прибрать к рукам, если у тебя есть Иены или ты готов на минет.

Так что в течение одного часа меня дважды обвинили в цинизме, а я тут был ни при чем – циником-то был Пол Шлезингер. А он уже отбыл в Ки-Уэст, стал недосыгаем для возмездия, как и для безработицы – она ему не грозила ближайшие пять лет, пока ему будут выплачивать Стипендию Гения от Фонда Макартура. Я пошутил насчет Иены и минета, просто желая подбодрить нового знакомого. Я поддакивал ему, чтобы он чувствовал себя в чужом заведении, как у себя дома.

Если уж на то пошло, то Профессор Дэмон Стерн, декан Исторического факультета, самый мой близкий друг (из мужчин), говорил о нашей стране так же плохо, как мы со Шлезингером, причем во всеуслышание, на лекциях, каждый божий день. Я часто сиживал на его лекциях, хохотал и аплодировал. Правда может быть ужасно смешной, чудовищно смешной, особенно когда речь идет об алчности и лицемерии. Наверно, Кимберли записала и его слова и дала их прослушать своему папочке. Почему же тогда Дэмон не стоит здесь рядом со мной?

Пожалуй, все дело в том, что он паясничал, а я нет. Он хотел, чтобы в его присутствии студенты чувствовали себя хорошо, а не плохо, поэтому все зверства и глупости, о которых он рассказывал, всегда происходили в далеком прошлом. И студентам оставалось только покатываться со смеху.

А мы со Шлезингером говорили о второй половине 20 века, о времени, которое нанесло обоим глубокие физические и нравственные увечья, а уж над этим смеяться мог разве что социопат.

Да и я бы, пожалуй, тоже мог сойти за комедианта, если бы Кимберли записала только мои слова про Иены и минет. Это был здоровый юмор, местная шутка Долины Мохига, после того как японцы прибрали к рукам тюрьму на том берегу озера и местные жители стали интересоваться относительной ценностью разных валют. Японцы были готовы платить как в долларах, так и в Иенах. Обычно это касалось мелких расходов, на хозяйственные товары или на туалетную бумагу, в общем, на мелочи,

которые нужны были поскорее, их обычно заказывали по телефону. А крупные партии припасов в тюрьму доставляли конторы, принадлежавшие японцам, из Рочестера, или из более дальних мест.

Поэтому в Сципионе и начала входить в обращение японская валюта. Однако представители тюремной администрации или охраны в городке почти не показывались. Они жили в бараках к востоку от тюрьмы, и их жизнь оставалась такой же невидимой для обитателей нашего берега, как и жизнь заключенных.

Люди на нашей стороне озера, если они вообще думали о тюрьме, до той ночи, когда заключенные вырвались на свободу, были довольны, что там всем заправляют японцы. Новые владельцы свели потери от халатности или коррупции практически к нулю. За наказание преступников нашего штата они брали всего 75% той суммы, которую штату приходилось выкладывать раньше за те же услуги.

Местная газета, «Страж Долины», послала туда репортера, разнюхать, что же японцы делают иначе, чем раньше. Они по-прежнему возили заключенных в железных ящиках и показывали старые телепередачи, в том числе и новости, по случайному выбору, зато круглосуточно. Самая большая перемена заключалась в том, что Афины впервые в своей истории были свободны от наркотиков и состоятельным заключенным разрешали за деньги кое-какие поблажки. Охрану было очень непросто одурачить или подкупить – по-английски они почти не понимали и мечтали только об одном – чтобы поскорее кончились 6 месяцев их заморской службы и их отправили бы домой.

Обычный срок службы во Вьетнаме был в два раза длиннее, и сама служба в 1 000 раз опаснее. Кто станет винить образованных людей, имеющих руку в правительстве, за то, что они остались дома?

А еще одно маленькое японское новшество, о котором репортер не упомянул, заключалось в том, что охранники носили хирургические маски и резиновые перчатки на любом посту, даже на сторожевых вышках или на стенах тюрьмы. Разумеется, это делалось не ради того, чтобы не внести инфекцию при операции. Это должно было обеспечить им полную гарантию того, что они не привезут с собой на родину жуткую заразу, полученную от здешнего жуткого контингента.

Когда я поступил туда на работу, я отказался носить маску и перчатки. Как можно кого-нибудь чему-нибудь научить, вырядившись в такой костюм?

Ну вот я и подхватил туберкулез.

Кхе, кхе, кхе.

Я не успел заверить членов Совета, что ни в коем случае не сказал бы тех слов про Иены и минет, если бы была хоть малейшая опасность, что меня услышит кто-то из учеников, как фоновый шум на пленке изменился. Я понял, что сейчас услышу нечто, сказанное в другом месте. Слышался перестук шариков для пинг-понга, и какой-то картежник спросил: «Кто сдавал эту бодягу?» Какая-то девушка попросила кого-то еще принести ей крем-брюле, только, пожалуйста, без орехов. Она сказала, что сидит на диете. Иногда что-то гроыхало, как далекая артподготовка, — это катали шары в кегельбане в подвали Павильона Пахлави.

Бог ты мой, как же я был пьян в тот вечер в Павильоне! Полностью потерял контроль над собой. Стыд и позор – появляться в таком виде перед студентами. Я буду раскаиваться в этом до смертного дня. Кхе.

Это было морозным вечером, в ноябре 1990, за 6 месяцев до того, как Попечители меня выгнали. Я знаю, что это было не в декабре, потому что Шлезингер все еще жил у нас, надоедая всем разговорами о самоубийстве. Он тогда еще не получил Стипендию Гения.

Когда я вернулся с работы в тот день, чтобы прибрать и приготовить ужин, в доме царил жуткий кавардак. Маргарет и Милдред, к тому времени одинаково безумные, разодрали все простыни на полоски. Я как раз перестирал утром все постельное белье и собирался сменить его вечером. Но им-то какое дело?

Они соорудили, по их собственным словам, паутину. Слава Богу, что не водородную бомбу.

Белые полотняные полоски, связанные узелками, пересекались густой сеткой повсюду, в передней и гостиной. Столбик на перилах лестницы они привязали к ручке входной двери, а ручку подсоединили к торшеру в гостиной, и так далее, до бесконечности.

Этот день с утра не сулил ничего хорошего. Я обнаружил, что все 4 колеса моего «Мерседеса» спущены. Опять кучка старшеклассников из городской школы, накачанная алкоголем и неизвестно чем еще, забралась сюда ночью, как партизаны во Вьетнаме, и «выпотрошили» мою машину, так они это называют. Они не просто спустили шины всех дорогих машин, припаркованных в нашем студенческом городке, но утащили с собой все ниппеля. У них по домам, как я слышал, были полные банки и целые ожерелья этих ниппелей, в доказательство, как часто они выходили «потрошить». И каждый раз они добирались до моего «Мерседеса».

Так что, когда я запутался в паутине, сплетенной Маргарет и Милдред, нервы у меня были уже на пределе. Ведь это мне придется наводить тут порядок. Некому, кроме меня, перестелить постели, сменить простыни, а назавтра купить новые. Домашнюю работу я всегда любил – по крайней мере не придавал ей такого значения, как большинство людей. Но на этот раз это была уже не домашняя работа, а шут знает что!

А я оставил дом в таком порядке, когда уходил! И в довершение всего Маргарет и Милдред даже никакого удовольствия не получают, видя, как я путаюсь в их паучьих сетях. Они спрятались куда-то, их не было видно и слышно. Они думали, что я буду играть с ними в прятки.

У меня внутри что-то лопнуло. На этот раз я не собирался играть с ними в прятки. Я не стал путаться в паутине. Пусть они выползут из засады через час или когда им угодно. Пусть подумают, как и я, когда наткнулся на паучью сеть, что же стряслось с их Вселенной, до тех пор такой надежной, такой всепрощающей?

Я выскочил на холод, в темноту, ничего мне было не надо, кроме доброго старого забвения. Я пришел в себя возле дома моего лучшего друга, Дэмона Стерна, забавного преподавателя Истории. Еще мальчишкой, в Висконсине, он научился кататься на 1-колесном велосипеде. И научил этому жену и детей, когда время пришло.

В окнах горел свет, но никого не было дома. 4 1-колесных велосипеда стояли в холле, а машины не было. Их машину никогда не «потрошили». Они перехитрили потрошителей. Ездили на одном из самых допотопных драндулетов, мини-фольксвагене.

Где у них спиртное, я знал. Я налил себе, взамен отсутствующего хозяйского тепла, двойную порцию крепкого виски. Думаю, до того я с месяц не пил вообще.

И все внутри у меня загорелось. И я снова вышел в темноту ночи. Я почти бессознательно высматривал женщину постарше меня, которая все приведет в порядок, сделав вместе со мной животное о двух спинах.

Студентка для этого дела не годилась, да студентка и не станет связываться с таким стариком, вдобавок без гроша в кармане. Я не мог даже соблазнить девушку хорошей отметкой, на которую она не тянула. В Таркингтоне отметок не ставили.

Мне самому студентка была не нужна. Меня возбуждают только женщины постарше, попавшие в беду, которых одолевают горькие мысли не только о самих себе, но и о том, стоит ли жить вообще. Покойница Мэрилин Монро, хотя я ее никогда не встречал, подошла бы – года этак за 3 до того, как она покончила с собой.

Кхе, кхе, кхе.

Если существует Божий Промысел, то есть, должно быть, и грешный промысел, если только вы считаете грехом заниматься любовью с разочарованной в жизни женщиной, с которой не состоите в законном браке. Я-то считаю, что если это грех, то и хлеб насущный тоже есть грешно. Ведь после этого дела, как после еды, чувствуешь себя куда лучше.

Точь-в-точь как голодный знает, что поблизости готовится вкусный обед, так и я в тот вечер знал, что где-то неподалеку найду женщину постарше, попавшую в беду. Она где-то здесь!

На Зузу Джонсон рассчитывать не приходилось. Муж был дома, и она принимала у себя чьих-то благодарных родителей, которые преподнесли колледжу лингафонную лабораторию. Когда строительство закончат, студенты смогут, сидя в-звуконепроницаемых кабинках, слушать тексты на любом из более чем 100 языков и диалектов, записанные «носителями языка».

Свет горел в скульптурной студии Холла Нормана Роквелла, павильона искусств, единственного здания в городке, названного в честь исторического деятеля, а не именем благотворителя. Это был дар семьи Мелленкампов, которые, как видно, решили, что и без того много всего названо в их честь.

В скульптурной студии что-то с грохотом перекачивалось. Кто-то баловался с краном, заставляя его кататься взад и вперед по рельсам на потолке. Кто бы там ни был, это чистое баловство, потому что никогда никто не создавал скульптуру настолько монументальную, чтобы ее приходилось передвигать с помощью мощного крана.

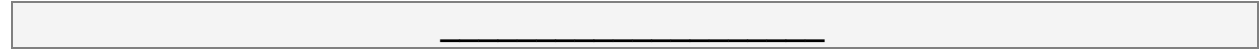
После побега из тюрьмы заключенные поговаривали о том, что надо бы кого-нибудь повесить на этом кране и гонять кран взад-вперед, пока тот будет готов. У них пока никого не было на примете. А тут как раз Ниагарская Электрическая Компания, принадлежащая Объединенной Корейской Евангелической Ассоциации Церквей, вырубила энергоснабжение.

Я стоял перед Роквелл-Холлом в тот вечер, чувствуя себя, как много лет назад, патрульным во Вьетнаме. У меня обострились все чувства. И я мог, как тогда, вообразить себе целую картину по мелким приметам.

Я знал, что скульптурную студию запирают на замок после 6.30 вечера, потому что сам не раз пытался открыть дверь, чтобы спокойно заниматься там любовью со своей подругой. Я даже хотел раздобыть ключ в начале семестра, но узнал, что ключи были только у хозяйственников и у Приглашенной Художницы, Памелы Форд Холл. Остальным входить в мастерскую было строго запрещено после акта вандализма, который студенты или городские учинили в прошлом году.

Они поотшибали носы и пальцы у копий с греческих скульптур и

нагадили в ведро с влажной глиной. И прочее, как водится.

Получалось, что, кроме Памелы Форд Холл, некому гонять кран взад-вперед. И бесцельные блуждания крана говорили о том, что она несчастна, а вовсе не создает очередной шедевр. Кран ей был совершенно ни к чему, ей и тележка на колесиках была не нужна, потому что она работала с легким, как перышко, полиуретаном. Она недавно развелась, детей у нее не было. И она избегала меня – уверен, из-за моей репутации.

Я взобрался по пандусу, ведущему в студию. Застучал кулаком в громадную дверь на роликах. Дверь открывалась механически. Памеле нужно было только нажать на кнопку, и дверь откатится.

Кран перестал грохотать. Это обнадеживало!

Она спросила через дверь, что мне нужно.

– Я хотел убедиться, что там у вас все в порядке, – сказал я.

– А кто вы такой, чтобы проверять, в порядке я или нет? – сказала она.

– Джин Хартке, – сказал я.

Она приоткрыла дверь чуть-чуть и посмотрела на меня в щелочку, молча. Потом открыла дверь пошире, и я увидел у нее в руках откупоренную бутылку, как потом выяснилось, с черносмородиновой настойкой.

– Привет, Солдат, – сказала она.

– Привет, – сказал я очень осторожно.

И она сказала:

– Где ты пропадал так долго?

Ну и пьян же я был в тот вечер! Сначала мы пили, потом занялись любовью. А потом я вывернулся наизнанку перед студентами в Павильоне Пахлави, все им выложил про войну во Вьетнаме. А Кимберли Уайлдер все записала на пленку.

До того мне пробовать черносмородиновую настойку не приходилось. Больше я ни капли в рот не возьму. Здорово она мне подгадила. Я распустил нюни. Я вел себя как нытик, а ведь клялся никогда не бить на жалость, говоря о войне.

Если бы я мог сейчас заказать себе любой напиток, я бы заказал «Сладкий Роб Рой» со льдом: это манхэттен, только со скотч-виски. Еще один вид спиртного, который мне предложила женщина, и от него я хохотал, а не плакался, и влюбился в женщину, которая посоветовала мне его попробовать.

Это было в Маниле, после того, как экскременты влетели в вентилятор в Сайгоне. Эта женщина была Гарриет Гаммер, военный корреспондент из Айовы. Она родила от меня сына, а мне не сообщила.

Как его звали? Роб Рой.

Когда мы кончили заниматься любовью, Памела задала мне тот же вопрос, что и Гарриет в Маниле, 15 лет назад. Им обоим было обязательно нужно это знать. Обе спросили, убивал ли я на войне. Памеле я сказал то же, что сказал Гарриет: «Будь я истребителем, я был бы весь в маленьких человечках».

Надо бы мне пойти прямо домой после того, как я это сказал. А я пошел в Павильон, для столь великих слов мне нужна была толпа слушателей.

Поэтому я пошел и затесался в компанию студентов, которые сидели перед громадным камином в большой гостиной. После побега заключенных из тюрьмы в этом камине будут жарить мясо лошадей и собак. Я встал между студентами и огнем, так что не заметить меня они не могли. И я им сказал:

– Если бы я был самолетом-истребителем, а не живым человеком, я был бы весь в маленьких человечках. Но это было только начало.

Я упивался жалостью к себе! Вот что было совершенно невыносимо, когда я слушал собственные слова, записанные на пленку. Я так надрался, что строил из себя жертву!

Зрелища неслыханной жестокости, идиотизма и опустошения, которые я им описывал в тот вечер, были нисколько не ужаснее тех постановочно-показушных фильмов о Вьетнаме, которые заполнили экраны телевизоров. Когда я поведал студентам про оторванную человеческую голову, уложенную на кучу кишок домашнего буйвола, для них, я уверен, голова вполне могла быть сделана из воска, а кишки могли принадлежать любому крупному животному, было оно или не было настоящим домашним буйволом.

Какая разница, из воска голова или нет, и чьи там кишки – буйвола или

другой скотины?
Без разницы.

– Профессор Хартке, – сказал Джейсон Уайлдер негромко и прочувствованно, проиграв мне эту пленку, – скажите-ка нам, что заставило вас рассказывать такие небылицы молодым людям, которые должны любить свою родину?

Я так хотел, чтобы меня оставили на работе, и чтобы у меня остался дом, в котором я жил, что отвечал, как осел.

– Я рассказывал исторические события, – сказал я. – Просто хватил лишнего. Обычно я так много не пью.

– Верю, – сказал он. – Мне говорили, что у вас много проблем, но систематический алкоголизм среди них не значился. Давайте будем считать, что ваша выходка в Павильоне была просто лекцией по истории, которую вы начали с самыми благими намерениями, но случайно потеряли контроль над собой.

– Вы правы, так оно и было, сэр, – сказал я.

Его руки, как у балерины, трепетали в ритме его мыслей, пока он не заговорил. Он казался мне собратом-пианистом. Потом он сказал:

– Вас нанимали не для того, чтобы вы учили истории. Это первое. Второе: студентам, поступающим в Таркингтон, не стоит объяснять, что значит потерпеть поражение. Они бы здесь не были, если бы их прежняя жизнь не состояла из сплошных поражений. Чудо озера Мохига, длящееся уже больше века, на мой взгляд, заключается в том, что дети, не знавшие ничего, кроме поражений, начинают верить в победу, их не преследует сознание полной безнадежности.

– Так это же был 1-единственный раз, – сказал я. – И я больше не буду.

Кхе. Кхе, и больше ничего.

Уайлдер сказал, что учитель, для которого нет ничего святого, вообще не учитель.

– Я бы назвал эту личность «Разучителем». Разучитель вышибает мысли из голов, вместо того, чтобы их туда вкладывать.

– Мне кажется, нельзя сказать, что для меня нет ничего святого, – сказал я.

– А на что падает взгляд студента, как только он вступает в библиотеку?

– На книги? – сказал я.

– На все эти вечные двигатели, – сказал он. – Я видел эту экспозицию, и читал надпись, которая над ней висит. Я тогда не знал, что надпись – дело ваших рук.

Он имел в виду надпись: ПУСТОПОРОЖНЕЕ ХИТРОУМИЕ НЕВЕЖЕСТВА.

– Я знаю только одно: я не хотел, чтобы моя дочь или еще чей-то ребенок каждый раз, переступая порог библиотеки, читал слова, полные черной безнадежности, – сказал он. – А потом я узнал, что это сочинили вы.

– Что в них такого уж безнадежного? – сказал я.

– Что может быть безнадежнее слова «пустопорожнее»? – сказал он.

– «Невежество», – сказал я.

– Вот видите, – сказал он. Я как-то умудрился сыграть ему на руку.

– Не понял, – сказал я.

– Вот именно, – сказал он. – Вы явно не отдаете себе отчета в том, как легко подорвать веру в себя у типичного студента Таркингтона, как ранят намеки на то, что он или она все равно ничего не добьются, как ни бейся. Вот что означает слово «пустопорожнее»: «бросай вес, бросай, бросай!»

– А что значит «невежество»? – сказал я.

– Если вы пишете это слово крупными буквами и вешаете на стену, как вы и сделали, – сказал он, – это злорадное эхо тех слов, которые многие таркингтонцы слышали, пока не попали сюда: «ты тупица, ты тупица, ты тупица». А они на самом деле вовсе не тупицы.

– Я этого никогда не говорил, – сказал я.

– Вы поддерживаете их низкую самооценку, не ведая, что творите, – сказал он. – Вы еще и нарушаете их душевное равновесие своими солдатскими шуточками, годными для казарм, а не для высшего учебного заведения.

– Вы имеете в виду – про Иены и минет? – сказал я. – Да я бы ни за что этого не сказал, если бы думал, что кто-то из учеников может меня услышать.

– Я говорю все о том же вестибюле библиотеки, – сказал он.

– Не могу себе представить, что еще могло вас обидеть, – сказал я.

– Обида нанесена не мне, – сказал он. – Она нанесена моей дочери.

– Сдаюсь, – сказал я. Я не сопротивлялся. Я был морально уничтожен.

– В тот же день, когда Кимберли слышала ваши слова про Иены и минет, – сказал он, – один из старшекурсников привел ее и другую девочку в библиотеку и на полном серьезе сказал, что языки колоколов, подвешенные на стене, – это окаменевшие пенисы. Истинный казарменный юмор, которому студент, конечно, научился от вас.

На этот раз мне не пришлось оправдываться. Несколько членов Совета заверили Уайлдера: традиция – говорить новичкам, что языки – окаменевшие пенисы, – возникла лет за 20 до моего появления в колледже.

Но они вступились за меня только 1 раз, хотя одна из них была моей студенткой, ее звали Мадлен Астор, урожденная Пибоди, а 5 из них были родителями моих учеников. Мадлен впоследствии продиктовала письмо ко мне, в котором объясняла, что Джейсон Уайлдер пригрозил разнести колледж в пух и прах, если меня не выгонят, – и в своих обзорах, и в ТВ-шоу.

Так что они и пикнуть не смели.

Она говорила в письме и о том, что, будучи католичкой, как и Уайлдер, она была шокирована моим утверждением, что Гитлер принадлежал к римско-католической церкви и что нацисты рисовали кресты на своих танках и самолетах, потому что считали себя христианской армией. Уайлдер поставил эту пленку сразу же после того, как с меня сняли вину за утверждение, что языки от колоколов – окаменелые пенисы.

И снова я угодил в переделку, повторив чужие слова. На этот раз слова

не принадлежали ни моему дедушке, ни другому лицу, недостижимому для членов Совета, как Полу Шлезингеру. Эти слова мой лучший друг, Дэмон Стерн, сказал на лекции по истории месяца 2 назад.

Если Джейсон Уайлдер считал, что я «разучитель», послушал бы он Дэмона Стерна! Напомню, что Стерн никогда не сообщал ужасную правду о «благородных» человеческих деяниях, совершенных сравнительно недавно. Он громил и разоблачал дела, с которыми было покончено году этак в 1950.

Я просто оказался на лекции и слышал, как он говорил, что Гитлер был набожным католиком. Он сказал еще нечто, над чем я раньше не задумывался, а позднее понял, что христиане в большинстве своем и слышать об этом не хотят: что нацистская свастика по первоначальному замыслу была видоизмененным христианским крестом, крестом, составленным из боевых топоров. По словам Стерна, христиане не щадя сил спорили, что свастика не имеет ничего общего с крестом, утверждая, что это всего лишь примитивный символ, дикое наследие языческого прошлого.

А самым почетным орденом в армии нацистов был Железный Крест.

И нацисты малевали самые настоящие кресты на всех своих танках и самолетах.

Я вышел из аудитории с довольно ошарашенным видом, надо полагать. И с кем же я столкнулся нос к носу, как не с Кимберли Уайлдер?

– Что он сегодня говорил? – спросила она.

– Гитлер был христианином, – сказал я. – Свастика была христианским крестом.

И она все это записала на пленку.

Я не наступал на Дэмона Стерна Попечительскому Совету. Таркингтон – не Уэст-Пойнт, где донос был делом чести.

Мадлен была согласна с Уайлдером, как говорилось в письме, и в том, что я не должен был говорить своим ученикам на лекции по физике, будто вовсе не Американцы, а Русские первыми сделали водородную бомбу достаточно малых габаритов, чтобы она годилась в дело. «Даже если это правда, – писала она, – а я в это не верю, – вы не имели права говорить об этом студентам».

Более того, она писала, что вечный двигатель можно построить, только ученые не хотят работать как следует.

Она явно стала еще более умственно отсталой с тех пор, как сдала устные экзамены и получила справку, что прослушала курс Гуманитарных и Естественных наук.

Я не раз говорил своим ученикам, что каждого, кто верит в возможность вечного двигателя, следует сварить живьем, как омара.

Я был к тому же ярым приверженцем метрической системы мер. Было широко известно, что я терпеть не могу студентов, которые упоминают при мне футы, фунты или мили.

Это им было не понутру.

Вместо того, чтобы оговорить Дэмона Стерна перед членами Попечительского Совета, я им сказал, что слышал все это по Национальному Радиовещанию.

Глубоко сожалею, что сообщил это студентке. Я готов откусить собственный язык, – сказал я.

– Какое отношение имеет Гитлер к Физике или к Слушанию Музыки? – сказал Уайлдер.

Я мог бы ответить, что Гитлер, вероятно, разбирался в Физике не лучше, чем Попечительский Совет, но музыку он любил. Каждый раз, как

Концертный зал подвергался бомбежке, он его заново отстраивал, как объект первостепенного назначения. Это я, кажется, и вправду слышал по Национальному Радиовещанию.

Вместо этого я сказал:

– Если бы я знал, что огорчил Кимберли, что я ее обидел, как вы выразились, я бы непременно извинился. Мне это и в голову не приходило, сэр. Она виду не подала.

Но что меня окончательно подкосило – это когда я понял, что ошибался, думая, что я здесь в своей семье и члены Попечительского Совета, и все родители и опекуны таркингтонцев, как и сами они, давно смотрят на меня, как на доброго дядю. Господи – сколько семейных секретов я узнал за эти годы и сохранил, не выдавая! Я был нем, как могила. Я был верный старый служака. Но ничем другим я не был ни для членов Совета, ни для студентов.

Я не был добрым дядей. Я был представитель класса служащих.

И они отказывали мне от места.

Солдат демобилизуют. Рабочих выгоняют с работы. А прислуге отказывают от места.

– Значит, меня выгоняют? – спросил я у Председателя Совета, еще не веря в это.

– Весьма сожалею, Джин, – сказал он, – но мы вынуждены отказать вам от места.

Президент колледжа, Текс Джонсон, сидел недалеко от меня и даже не пикнул. Вид у него был совсем больной. Я было подумал – ему досталось за то, что он продержал меня на факультете так долго, что я получил постоянную должность. А он был не в своей тарелке, потому что дело касалось его лично, хотя все же имело непосредственное отношение к

Юджину Дебсу Хартке.

На должность Президента он перешел из Роллинз-Колледжа, в Зимнем Парке, что во Флориде, где он был Проректором, после того, как Сэм Уэйкфилд выкинул штуку – застрелился. Генри «Текс» Джонсон получил степень бакалавра Технических Наук в Техасском Технологическом институте в Лаббоке и всем говорил, что он прямой потомок того Джонсона, что погиб при Аламо. Дэмон Стерн, который вечно раскапывал какие-то малоизвестные исторические факты, сказал мне, между прочим, что Битва при Аламо разыгралась из-за рабовладения. Храбрецы, павшие в этой битве, хотели отделиться от Мексики, потому что в Мексике рабовладение было запрещено законом. Они сражались за право быть рабовладельцами.

Благодаря роману с женой Текса я узнал, что предки его были вовсе не из Техаса, они были литовцами. Его отец – разумеется, никакой не Джонсон – был вторым помощником на русском грузовом судне, и он удрал, когда судно стояло на срочном ремонте в Корпус-Кристи. Зузу мне сказала, что отец Текса был не просто нелегальный иммигрант – он был родной племянник бывшего коммунистического правителя Литвы.

Вот вам и Аламо.

На заседании Совета я обернулся к нему и сказал:

– Текс, ради всего святого – скажи хоть что-нибудь! Ты же знаешь меня, как облупленного, знаешь, что я лучший учитель, какой у тебя есть! И это не мое мнение. Студенты так говорят! Может, сюда вызовут всех учителей, или я должен один отдуваться? Текс?!

Он смотрел прямо перед собой. Можно было подумать, что он застыл, как цемент. «Текс?» Да, вот оно начальство, ничего не скажешь.

Я задал тот же вопрос председателю, которого Космический Телемаркет сделал нищим, только он об этом пока не знал.

– Боб... – начал я. Его передернуло.

Я начал снова, верно истолковав этот красноречивый жест (какой я родственник, я просто слуга!).

– Мистер Мелленкамп, сэр, – сказал я, – вы отлично знаете, как и все присутствующие, что если целый год ходить с магнитофоном по пятам за

самым горячим патриотом, глубоко религиозным, самым истинным американцем, какого только можно найти, то легче легкого доказать, что он предатель родины, хуже Бенедикта Арнольда⁵, и вдобавок Прислужник Сатаны. Покажите мне человека, который бы в запальчивости или по рассеянности не ляпнул что-нибудь, что готов потом взять назад. И я вас еще раз спрашиваю, вы производили этот опыт над каждым или только надо мной, и если так, то почему?

Он заледенел.

– Мадлен? – сказал я Мадлен Астор, той самой, что потом прислала мне дурацкое письмо.

Ей, оказывается, не понравилось, что я сказал студентам, будто близится новая Эпоха Оледенения, даже если я и прочел это в «Нью-Йорк Таймс». Это тоже было записано на пленке Уайлдера. Но эти слова по крайней мере имели хоть какое-то отношение к науке, и по крайней мере я не повторил их за Шлезингером, или Дедушкой Уиллсом, или Демоном Стерном. По крайней мере это были мои собственные слова.

– У здешних студентов и без того забот хватает, – сказала она. – По себе знаю.

Еще она сказала, что всегда находились люди, которые пытались прославиться, возвещая Конец Света, но Конец Света так и не настал.

Все дружно закивали. Среди сидящих за столом не было ни одного человека, близкого к науке. Я знаю.

– Когда я тут училась, вы предсказывали Конец Света, – сказала она, – только в тот раз нас должны были убить радиоактивные отходы и кислотные дожди. Но мы живехоньки. И в добром здравии. И все тут в добром здравии. Вот вам!

Она пожала плечами.

– А что касается всего прочего, – добавила она, – мне жаль, что я это слышала. Это отвратительно. Если вы будете еще раз слушать эти гадости, я, скорее всего, встану и уйду.

Господи, прonesи! Что она имела в виду, говоря «все прочее»? Что это они уже слушали без меня и собираются слушать снова в моем присутствии? Неужели я еще не слышал самое ужасное?

Оказывается, нет.

«Все прочее» хранилось в папке из манильского картона, лежавшей на столе перед Джейсоном Уайлдером. Так Манила снова сыграла важную роль в моей жизни. На этот раз, однако, обошлось без «Сладкого Роб Роя» со льдом.

В папке хранились рапорты частного детектива, которого Уайлдер нанял следить за моей личной жизнью. Они касались только второго семестра, так что эпизода в скульптурной студии там не было. Легавый донес о 3 из 7 встреч с Приглашенной Художницей, о 2 с женщиной от ювелирной компании, принимавшей заказы на кольца классов, и о 30 или около того – с Зузу Джонсон, женой Президента. Он не пропустил ничего из наших с Зузу выходов за весь второй семестр. Только 1 эпизод он истолковал неправильно: когда я поднялся на чердак конюшни, где покоились Лютцевы колокола до постройки башни и где 2 года назад был распят Текс Джонсон. Я пошел туда с теткой студента. Она хотела посмотреть на старинные соединения балок с центральным брусом – по профессии она была архитектор. Оперативник решил, что мы с ней занимались там любовью. Ничего подобного.

Любовью мы занимались поближе к вечеру, в каптерке при конюшне, в тени Мушкет-горы на закате.

Ознакомиться с содержимым уайлдеровской папки мне предстояло только через 10 минут. Уайлдер и еще кое-кто из присутствующих хотели разобраться, обсудить, что их так беспокоит в моем поведении – а именно, тот вред, который я, по их соображениям, причиняю юным умам. Мои сексуальные подвиги с женщинами старше меня Попечителей не особенно интересовали – о Президенте Колледжа я не говорю, – разве что в качестве подручного средства, которое очень пригодится, чтобы не пришлось возиться с выяснением щекотливого вопроса – нарушены мои права в свете Первой поправки к Конституции или нет.

Прелюбодеяние оставили напоследок, как пулю в лоб, после того, как

расстрельная команда изрешетит меня, как швейцарский сыр.

Для Текса Джонсона, тайного литовца, содержание папки было куда серьезнее, чем для тех, кто просто собирался с ее помощью скovyрнуть меня с места. Для него это было унижение похуже, чем для меня.

Хорошо еще, что они ему сказали, что мой роман с его женой – дело прошлое.

Он встал и попросил разрешения покинуть собрание. Он сказал, что предпочел бы не присутствовать, когда Совет вторично будет рассматривать «все прочее», по выражению Мадлен.

Ему разрешили выйти, и он собирался, судя по всему, уйти молча. Но когда он уже взялся за ручку двери, у него вырвались два слова, словно они его душили. Это было название романа Постава Флобера. Флобер написал про жену, которой надоел ее муж и она впуталась в неопиcуемо глупую интрижку, а потом покончила с собой. – «Мадам Бовари», – сказал Текс. И вышел.

Он уже был рогаиосцем, а впереди его ждало распятие. Интересно, сбежал бы его отец с корабля в Корпус-Кристи, знай он, какой уготован конец его единственному сыну в условиях Американского Свободного Предприимательства.

Я читал «Мадам Бовари» в Уэст-Пойнте. Роман был в списке обязательного чтения для студентов, на тот случай, если нам придется

общаться с культурными людьми, чтобы мы не ударили в грязь лицом. Конечно, если такой случай представится. Мы с Джеком Паттоном читали «Мадам Бовари» одновременно, в одном классе. Я потом спросил, какого он мнения о романе. Как вы догадываетесь, он сказал, что чуть не лопнул со смеху.

Точно так же он отозвался и об «Отелло», и о «Гамлете», и о «Ромео и Джульетте».

Скажу вам как на духу: я до сих пор так и не решил, был Джек Паттон умный или тупой как пробка. До сих пор не могу понять, зачем он прислал мне ко дню рождения, незадолго до того, как снайпер достал его великолепным выстрелом в Хюе, (произносится как Уэй), завернутый в подарочную обертку номер порно-журнала «Черный пояс». Но вот чего ради он прислал этот номер – чтобы я разлакомился, глядя на девочек, одетых только в черные пояски для подвязок, или чтобы я прочел потрясный научно-фантастический рассказ, который назывался «Протоколы Тральфамадорских Мудрецов»?

Но к этому я еще вернусь.

Понятия не имею, читал ли кто-нибудь из членов Совета «Мадам Бовари». Двоим из них пришлось бы заставить кого-то читать книгу вслух. Так что не я один был озадачен последними словами Текса Джонсона под занавес.

Я бы на месте Текса, пожалуй, постарался как можно быстрее исчезнуть из студенческого городка – может быть, утопить свои горести в компании неученых типов в «Черном Коте». Я сам оказался там к концу дня. Вот было бы забавно, если бы мы с ним встретились там – пара пьяных вдрызг неразлучных друзей в кафе «Черный Кот». Было бы что вспомнить.

Представьте себе, как я ему говорю – или он мне говорит, – и оба мы лыка не вяжем:

– Я тя люблю, фукин ты фын... Ты мя поммаешь?

У одного из членов Совета был на меня зуб, по личным причинам. Это был Сидней Стоун, который, по слухам, сколотил состояньице в 1 000 000 000 долларов всего за 10 лет, главным образом за счет комиссионных при распродаже движимой и недвижимой собственности Америки иностранцам. Его коронным номером оказалась перепродажа И.Г. Фарбениндустрii в Германии, так сказать, собственности прежнего хозяина моего отца, И. Ай. Дюпона и Компании.

– Я многое мог бы простить под дулом пистолета, так сказать, Профессор Хартке, – сказал он. – Но только не то, что вы сделали моему сыну.

Сам он не учился в Таркингтоне. Он одолел школу бизнеса в Гарварде и экономический факультет Лондонского Университета.

– Фреду? – сказал я.

– На случай, если вы этого не заметили, – сказал он, – у меня только 1 сын в Таркингтоне. У меня вообще 1 сын, где бы то ни было.

Значит, этот 1-ственный сын, пальцем не пошевелинув, в 1 прекрасный день будет тоже стоить 1 000 000 000.

– Что я сделал Фреду? – сказал я.

А вот что я сделал Фреду: я видел, как он украл в Таркингтоне пивную кружку из нашего книжного магазина. Но то, что сделал Фред Стоун, было хуже, чем кража. Он взял кружку, выпил несколько воображаемых тостов за меня и кассира – кроме нас там никого не было – и вышел.

Я только что пришел с педагогического совета, где проблема воровства в студенческом городке обсуждалась в энный раз. Директор книжной лавки

сказал нам, что есть только одно заведение, где процент похищаемого товара выше, чем в его лавке: это Гарвардский Кооперативный книжный ларек, в Кембридже.

Поэтому я вышел следом за парнем на Центральную Лужайку. Он шел к своему мотоциклу «Кавасаки» на студенческой стоянке. Я подошел к нему сзади и сказал спокойно, очень вежливо:

– Я думаю, тебе лучше пойти и поставить эту кружку на место, Фред. Или заплатить за нее.

– Ах, неужели? – сказал он. – Вы так думаете? И он швырнул кружку о парапет Воннегутовского Мемориального Фонтана. Она разлетелась на мелкие кусочки.

– Если вы так думаете, – сказал он, – можете сами поставить ее на место.

Я доложил об этом случае Тексу Джонсону, который посоветовал мне не брать в голову.

Но меня это задело за живое. И я написал письмо отцу парня, но никакого ответа, до сегодняшнего дня, не получил.

– Я никогда не прощу вам того, что вы обвинили моего сына в воровстве, – сказал его отец на собрании Совета. Он привел мне цитату из Шекспира как бы от лица Фреда. Мне, очевидно, следовало вообразить, будто со мной говорит сам Фред.

– «Кто тащит деньги – похищает тлен, – сказал он. – Что деньги? Были деньги, сплыли деньги. Они прошли чрез много тысяч рук. Иное – незапятнанное имя. Кто нас его лишает, предает нас нищете, не сделавшись богаче⁶».

– Виноват, сэр, прошу прощения, – сказал я.

– Поздно, – сказал он.

Среди членов Совета был 1, которого я считал своим надежным другом. Мои слова, записанные на пленку, показались бы ему забавными и не лишенными интереса. Но его как раз и не было. Его звали Эд Бержерон, и мы с ним много раз вели откровенные разговоры о загрязнении окружающей среды, и о нечестных махинациях на бирже и в банковском деле, и так далее. По пессимизму он мне мог дать сто очков вперед.

Свое состояние, такое же старинное, как у Мелленкампов, и заключенное в наследственных нефтяных скважинах, угольных шахтах и железных дорогах, он превратил в деньги, распродав все иностранцам, чтобы всецело посвятить себя изучению и охране природы. Он был Президентом Федерации охраны живой природы, и его фотографии природы и диких животных Галапагосских островов печатались в «Нешнл Джеографик». Журнал даже поместил на обложке его фотографию, изображавшую морскую ящерицу, игуану, которая грелась на солнышке, жуя водоросли, а рядом с ней отощавший пингвин явно подумывал о других злободневных событиях, каковы бы они ни были в тот день.

Эд Бержерон был не просто моим закадычным другом. Он был ветераном нескольких ТВ-шоу Джейсона Уайлдера, посвященных борьбе за сохранение окружающей среды. В библиотеке я не нашел ни одной видеопленки с записью этих страстных перепалок, но в тюрьме 1 была. Она возникала откуда ни возмись примерно каждые 6 месяцев на телеэкранах, которые никогда не выключались.

Помню, на этой встрече Уайлдер сказал, что у «зеленых» есть один недостаток – они никогда не оценивают, какие затраты труда и снижение уровня жизни потребуются, чтобы отказаться от ископаемого топлива или перерабатывать отбросы, вместо того, чтобы просто сбрасывать их в океан, и так далее.

Эд Бержерон ему сказал:

– Хорошо! Тогда мне остается только сочинить эпитафию для этого некогда благодатного зелено-голубого небесного тела.

Он имел в виду нашу планету.

Уайлдер ответил ему заносчивой, покровительственной, коварной лицемерной улыбкой заядлого спорщика.

– Большинство ученых в нашем обществе, если я не ошибаюсь, – сказал он, – сочли бы эту эпитафию не сколько преждевременной – она не

понадобится еще несколько тысяч лет, как минимум.

Это обсуждение произошло лет за 6 до того, как меня выгнали, значит, еще в 1985, и я не понимаю, каких ученых он цитировал. Все ученые, вплоть до костоправов и педикюрщиков, в один голос утверждали, что мы убиваем планету в бешеном темпе.

– Хотите послушать эпитафию? – сказал Эд Бержерон.

– Если это так необходимо, – сказал Уайлдер, с тем же лисьим оскалом. – Должен вам, однако, напомнить, что вы не первый из тех, кто кричит, что человечество вот-вот погибнет. Уверен, что даже в Египте, еще до того, как возвели первую пирамиду, нашлись люди, которые добивались дешевой популярности, вопя: «Все кончено».

– Есть некоторая разница между нашим временем и Египтом до того, как там возвели первую пирамиду... – начал Эд.

– ...И до того, как китайцы изобрели книгопечатание, и до того, как Колумб открыл Америку, – вставил Джейсон Уайлдер.

– Точно, – сказал Бержерон.

– Разница заключается в одном: мы, на свое несчастье, знаем, что происходит, – сказал Бержерон, – и тут уж не до шуток. И это послужило поводом для таких самовлюбленных, кокетничающих шарлатанов, как вы, в угоду богатеям, без стыда и совести пакостящим все вокруг, делать вид, что состояние атмосферы, воды и почвы, – вопрос жизни и смерти! – можно так же спокойно обсуждать, как и то, сколько ангелов могут танцевать на шерстинке теннисного мяча.

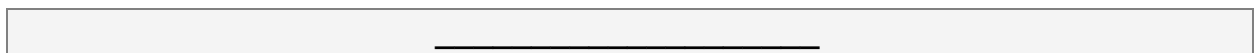
Он разозлился.

Когда эту старую пленку запустили в Афинах незадолго до великого исхода, она вызвала живой интерес. Я смотрел передачу с несколькими своими учениками. После один из них меня спросил:

– Кто прав, Профессор, – борода или усы? Уайлдер носил усы. У Бержерона была борода.

– Борода, – сказал я.

Вполне вероятно, что это было едва ли не последнее слово, которое я сказал заключенному перед побегом из тюрьмы, до того, как моя теща решила, наконец, заговорить о своей громадной щуке.

Эпитафия на смерть нашей планеты, которую сочинил Бержерон и которую, по его словам, следовало высечь огромными буквами на обрыве Большого Каньона, чтобы экипажи летающих тарелок увидели ее издали, звучала, помнится, так:

МЫ МОГЛИ БЫ ЕЕ СПАСТИ, ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛИ ПОСЛЕДНИМИ СКУПЕРДЯЯМИ.

Только вместо «последними» он употребил словцо позабористей.

Я больше никогда не увижу Эда Бержерона, не получу от него вестей. Он вышел из Совета вскоре после того, как меня выгнали, и все равно не попал бы в число заложников. Интересно было бы послушать, что он скажет своим захватчикам и что он скажет о них. Он любил повторять мне то, что сказал моему классу в своей лекции: человек превратился в стихийное бедствие. Человек стал смерчем, ураганом и градобитием, человек стал потопом. Так что он мог бы сказать, что наш Сципион – это Помпеи, а толпа беглых преступников – поток лавы.

Из Совета он вышел вовсе не потому, что они меня выставили. Его постигли по меньшей мере две личные трагедии, сразу, одна за другой. Компания, перешедшая к нему по наследству, производила самые разнообразные материалы из асбеста, а асбестовая пыль оказалась одним из сильнейших канцерогенов, уступая разве что эпоксидным смолам и кое-каким радиоактивным веществам, попадающим в атмосферу в виде случайных выбросов, да водоносным источникам поблизости от атомных электростанций и заводов, производящих ядерное оружие. Он сам мне сказал, что чувствовал себя преступником, хотя в глаза не видал ни одной фабрики, производящей эти материалы. Он и продал их за бесценок, потому что Сингапурская компания, получившая их почти задаром, получила в придачу к машинам и строениям все штрафные санкции и длинный список материалов, громадные запасы которых в нашей стране продавать было запрещено. Эти сингапурцы пошли на то, что Эд никак не решался сделать: они сбыли с рук весь «раковый» кафель и черепицу и все прочее развивающимся африканским странам.

А потом его сын Брюс, кончивший Таркингтон в 85-м, гомосексуалист, поступил в кордебалет ревю «Карнавал На Льду». Это бы еще ничего – Эд

понимал, что некоторые люди рождаются гомосексуалистами, тут уж ничего не попишешь. И Брюсу было так хорошо в этом айс-ревю. Он не только прекрасно катался на коньках, но и был непревзойденным танцором, может быть, лучшим в Таркингтоне танцовщиком или танцовщицей. Брюс иногда заглядывал к нам и танцевал с моей тещей, просто ради того, чтобы потанцевать. Он говорил, что она – лучшая партнерша, какая у него была, и она о нем говорила то же самое.

Я ей ничего не сказал, когда он, через 4 года после окончания колледжа, был найден задушенным собственным ремнем, в мотеле в Дюбеке, и на трупе насчитывалось около 100 колотых ран. Вот вам снова Дюбек.

ШЕКСПИР

Я считаю, что Уильям Шекспир – самый мудрый человек из всех, о ком я слышал. Впрочем если говорить начистоту, то ничего тут особенного нет. Мы – невыносимо самодовольные животные, а на самом-то деле просто недоумки. Спросите любого учителя. Да нет, учителя можете не спрашивать. Спросите первого встречного. Собаки и кошки куда умнее нас.

Если я и говорю, что члены Таркингтоновского Попечительского Совета – болваны, и те, кто втравил нас во Вьетнамскую войну, – болваны, то вы, надеюсь, поймете, что себя я считаю первейшим болваном из всех. Ну посмотрите, до чего я докатился, и как я из кожи лез, чтобы оказаться именно здесь, и нигде больше. Бац! И в яблочко.

И если я знаю, что мой отец был лошадиной задницей, и мать моя была лошадиной задницей, то сам я – нечто иное, как лошадиная задница, так? Можете спросить моих отпрысков, как законных, так и незаконных. Они-то знают.

На том заседании Совета шансов у меня было не больше, чем у китайца – на хорошую работу (прошу простить мне эту расистскую поговорку), в основном из-за тех сексуальных откровений, которые Уайлдер держал в папочке. Когда я пытался отбиться от его обвинений, я понятия не имел, что он вооружен до зубов, – а это старинный сюжет самых потешных балаганных комедий.

Я возражал ему, что долг учителя – откровенно беседовать со студентами высшего учебного заведения обо всех проблемах и заботах

человечества, а не только учить их предмету, как предусмотрено в программе.

– Только так мы можем завоевать их доверие, чтобы им тоже захотелось высказаться, – добавил я, – и чтобы они поняли, что знания не разложены по полочкам, а неразрывно связаны между собой, что одно вытекает из другого и неотделимо от единственной великой науки, которую мы должны изучать, раз уж нас послали на Землю, – от самой жизни.

Я сказал, что сомнения, которые я посеял в умах студентов, рассказывая о Системе Свободного Предпринимательства и о том, как к ней относился мой дедушка, в конце концов только укрепят их уверенность в этой системе. Я заставил их самостоятельно искать доводы в пользу того, что Свободное Предпринимательство – единственная стоящая система в мире.

– Люди сильнее всего, – сказал я, – когда они опираются на собственные принципы, заставляющие их верить в то, во что они верят. Таким образом они учатся стоять на собственных 2-х ногах.

– А вы не говорили, что Соединенные Штаты – куча отбросов? – сказал Уайлдер.

Я на минуту задумался. Кажется, это Кимберли записать не успела.

– Я мог сказать, но иначе, – ответил я, – я говорил, что все страны крупнее Дании – кучи отбросов, но это же шутка, сами понимаете.

Я и теперь готов на 100 процентов поддержать это мнение. Все страны крупнее Дании – просто кучи отбросов.

С Джейсона Уайлдера было достаточно того, что он слышал. Он попросил передать папку мне, и она пошла по рукам членов Совета.

Он сказал:

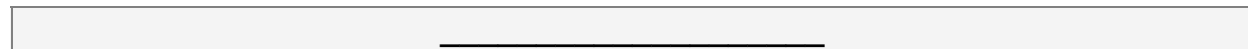
– Прежде чем вы ознакомитесь с материалом, я хочу вам сказать, что

Совет дал обещание не разглашать содержание этой папки вне стен этого зала. Она поступает в ваше полное распоряжение, при условии, что вы немедленно покинете колледж по собственному желанию.

– Господи... – сказал я, – что же там такое? И почему Текс Джонсон выскочил отсюда, как ошпаренный?

– Один документ, в самом низу, – сказал Уайлдер, – очень его огорчил.

– Что это может быть? – сказал я. Положа руку на сердце, я не мог себе представить, чем я так огорчил Текса. Когда я занимался любовью с его женой, я просто хотел сделать нас 2-х немного счастливее. Я не думал о том, что она чья-то жена. Когда я с женщиной, у меня на уме совсем другое, и мне совершенно не важно, за кем она замужем. Не могу говорить от имени Зузу, но сам-то я не хотел причинить Тексу ни малейшего огорчения. Когда Зузу говорила о нем пренебрежительно, я сначала должен был вспомнить, кого она имеет в виду, и сразу же вставал на его защиту.

На первый взгляд этот документ, лежавший «в самом низу», показался мне каким-то расписанием – может, рейсов автобуса из Сципиона в Рочестер, и я было принял его за не слишком тонкий намек на то, что мне надо убираться из городка как можно скорее. Но тут до меня дошло, что все сроки прибытия и отправления относились лично ко мне, а депо, так сказать, представлял собой дом Президента Колледжа.

Точность дат и цифр была завизирована Терренсом У. Стиллом, которого я знал просто как Терри. Его полного имени я не знал – я думал, что он новый садовник, работающий в городке, он сам так сказал. Выяснилось, что он – частный детектив, которого Текс нанял, чтобы собрать на меня компромат. То небольшое, что он мне рассказал о себе, могло быть целиком выдуманно ГРИО™, а может, почти все было правдой. Кто знает? Кому это интересно?

Помню, он мне рассказывал, что его жена вдруг сделала открытие, что она лесбиянка, и влюбилась в женщину, диетолога старших классов.

Обе женщины скрылись вместе с 3 его детьми. Эту историю запросто мог сочинить ГРИО™.

Эта таблица, относящаяся ко мне и Зузу, была подписана детективом и заверена нотариусом. Нотариуса я знал. Его все знали. Это был Лайл Хупер, брандмайор и владелец кафе «Черный Кот». Его убьют вскоре после массового побега из тюрьмы. Этот документ, с подписями и печатями, окончательно убедил меня в том, что моя постоянная должность полетела ко всем чертям.

Уайлдер сказал, что остальные документы в папке – свидетельства, собранные детективом по его поручению. Они подтверждали тот факт, что я вел себя как бесстыдный прелюбодей, с того самого момента, как прибыл со своей семьей в Сципион.

– Я полагаю, вы со мной согласитесь, – сказал он, – что ваше поведение в этой долине может служить образцом распущенности и аморальности.

Я положил папку на стол, не раскрывая, чтобы подчеркнуть, что мне ни к чему заглядывать внутрь. Я как будто бросил на стол свои карты, играя в покер. При этом я прикрыл папкой экземпляр ежегодного отчета Казначей, размноженного перед заседанием и разложенного напротив каждого кресла. Уходя, я незаметно прихвачу с собой этот отчет и узнаю из него нечто, до того мне не известное. Колледж продал всю свою собственность в городке под холмом, в том числе развалины пивоварни и фургонной фабрики и ковроткацкой мастерской, и землю, на которой стояло кафе «Черный Кот», продал той же японской корпорации, которая владела тюрьмой.

А затем Казначей поместил все деньги, полученные от продажи, за вычетом налогов на продажу недвижимости и гонораров юристам, в модные акции Космического Телемаркета.

– Это не самые счастливые минуты в моей жизни, – сказал Уайлдер.
– Да и в моей тоже, – сказал я.
– К нашему общему сожалению, – сказал он, – рука на небесах расписывает судьбы...⁷

– Хорошо сказано, – заметил я. Наконец заговорил Председатель Совета, Роберт Мелленкамп. Он был неграмотен, но прославился среди Таркингтонцев, и, несомненно, в родных местах, своей феноменальной памятью. Как и отец основателя колледжа, его предок, он мог выучить наизусть любой текст, если ему прочтут его вслух раза 3. Я познакомился с несколькими заключенными в Афинах, тоже неграмотными, которые ему бы не уступили.

Он решил процитировать на этот случай Шекспира.

– Я прошу занести в протокол, – сказал он, – что и для меня это был крайне мучительный эпизод.

А затем он произнес монолог из «Ромео и Джульетты», в котором умирающий Меркуцио, остроумный и храбрый друг Ромео, описывает полученную на дуэли рану:

– «Ну, конечно, колодцы глубже и церковные двери шире. Но довольно и этой. Кликни меня завтра, и тебе скажут, что я отбегался. Для этого света я переперчен, дело ясное. Чума возьми семейства ваши оба!»⁸

Оба семейства, естественно, были Монтекки и Капулетти, враждующие семьи Ромео и Джульетты, из-за бессмысленной распри которых Меркуцио и отправился в Рай.

Этот монолог я переписал из «Крылатых слов» Бартлетта. Если бы побольше нашлось людей, которые честно признались бы, что позаимствовали перлы своей мудрости из этой книги, а не из оригинала, всем бы стало легче дышать.

Если бы Меркуцио существовал на самом деле и если бы Рай существовал, то он там тусовался бы с павшими во Вьетнаме мальчишками-тинэйджерами и быстро нашел бы с ними общий язык – они-то знают, каково умирать из-за тщеславия и глупости других людей.

Через несколько месяцев, уже устроившись на работу в Афинах, я узнал что Космический Телемаркет пустил Роберта Мелленкампа голышом, если не хуже, и ему пришлось продать свои яхты, и лошадей, и Эль Греко и все такое, и решил, что он вышел из членов Совета. Попечители Таркингтона, как правило, каждый год вносили кругленькие суммы на счет колледжа. Стали бы держать в Совете матушку Лоуэлла Чанга, для которой приходилось каждое слово переводить на китайский?

Собственно говоря, я думаю, что миссис Чанг так и не попала бы в Совет Попечителей, если бы другой член Совета, одноклассник Мелленкампа, белый, Джон У. Феддерс, младший, не вырос в Гонконге – он стал ее переводчиком на китайский. Его отец занимался импортом слоновой кости и носорожьих рогов, которые ценятся на Востоке, как средство, повышающее мужскую потенцию. Подозревали также, что он торгует крупными партиями опиума. Феддерс был, пожалуй, самым самодовольным типом, какого я видел на гражданке. Он думал, если он без запинки шпарит по-китайски, то он не хуже знаменитого физика-ядерщика – как будто еще 1 000 000 000 людей, в том числе, по статистике, 1 000 000 умственно отсталых, не болтают по-китайски.

Когда я встретил членов Попечительского Совета 2 года назад, в конюшне, уже в качестве заложников, я удивился, увидев среди них Мелленкампа. Ему позволили остаться в Совете, хотя у него ни гроша за душой не осталось. А миссис Чанг к тому времени уже не было. А Феддерс был. Уайлдер, как я говорил, стал членом Совета. Было там и еще несколько новых Попечителей, которых я не знал.

Все Попечители перенесли тяжелые испытания в неволе, питаюсь только кониной, поджаренной в громадном камине Павильона, топившемся мебелью. Впрочем, Феддерсу стало хуже после сердечного приступа, так как медицинской помощи ждать было неоткуда. Когда ему становилось совсем худо, он переходил на китайский.

Я бы не ждал теперь суда, если бы из жалости не навестил заложников. Они бы не знали, что я в Сципионе, а не за 1 000 километров. Но когда я явился к ним, свободный, как пташка, и Черный, который меня сопровождал, точнее, охранял, обращался ко мне почтительно – они тут же решили, что я и есть вдохновитель и организатор великого побега.

Это типично расистское утверждение, основано оно на уверенности, что Черные не могут ничего организовать. Так я и скажу на суде.

А вот во Вьетнаме я был настоящим вдохновителем и организатором. Признаться, это до сих пор не дает мне покоя. В последний год, когда я вместо оружия пускал в дело слова, я изыскал оправдание для массового убийства и истребления, и даже сам в это поверил! Я был гениальным фокусником Смерти! Я, так сказать, изобрел смертельный фокус-покус.

Хотите знать, как я начинал свои речи перед новобранцами, которых еще не запустили в мясорубку? Я разворачивал плечи, грудь вперед, чтобы было видно все мои награды, и громыхал через усилитель: «Солдаты, слушайте меня, и слушайте хорошенько!»

И они слушали, они слушали.

Я в последнее время не раз пытался сообразить, сколько человек я убил с помощью табельного оружия. Не думаю, что на это меня натолкнула нечистая совесть. Скорее, начав составлять список женщин и пытаясь припомнить все имена, лица, места и даты, я естественно задал себе

вопрос: «А не составить ли список и тех, кого я убил?»

Пожалуй, так я и сделаю. Имен в списке не будет – я никогда не знал, как зовут тех, кого я убиваю. В списке будут только даты и названия мест. И коль скоро в мой донжуанский список не войдут одноклассницы и проститутки, то и в список тех, у кого я отнял жизнь, не войдут те, в чьей смерти я не уверен, или те, кто погиб в результате артобстрелов и бомбежек, организованных мной, и, конечно, никто из американцев, погибших как бы не из-за меня, но по моей вине – из-за моего смертоносного фокуса-покуса, моей дурацкой болтовни.

У меня давно сложилась в голове картинка. Я абсолютно уверен, что убил больше народу, чем мой шурин. Я проработал учителем в Афинах совсем недолго, когда меня осенило: да ведь я почти наверняка убил больше людей, чем убийца-рецидивист Элтон Дарвин, или любой из тех, кто отбывает наказание. Это меня не тревожило, и до сих пор не тревожит. Просто интересно.

Смахивает на старую киноленту. Может быть, это признак того, что у меня не все дома?

Мой желторотый адвокат заходил ко мне недавно. В виду того, что я неплатежеспособен. Федеральное Правительство платит ему, чтобы он защищал меня от несправедливости. Более того, меня не могут подвергнуть пытке или каким-либо иным способом принудить давать показания против самого себя. Утопия, и только!

И среди моих соседей-заключенных, и среди 1000 и 1000 сидельцев в тюрьме за озером, можете мне поверить, Билль о Правах пользуется широкой популярностью.

Я рассказал адвокату про 2 списка, которые я составляю. Он же не сможет мне помочь, если я ему не расскажу все, как на духу.

– А зачем вы их составляете? – сказал он.

– Чтобы побыстрее покончить с делом на Страшном Суде, – сказал я.

– Я думал, вы Атеист, – сказал адвокат. Он надеялся, что государственный обвинитель об этом узнает.

– Как знать, – сказал я.

– Я Еврей, – сказал он.

– Знаю, и мне вас жаль, – сказал я.

– Почему вам меня жаль? – сказал он. И я ему сказал:

– Вы собираетесь прожить жизнь с уполовиненной Библией. Это все равно что пытаться проехать отсюда в Сан-Франциско с дорожной картой, которая кончается в Дюбеке, штат Айова.

Я ему сказал, что прошу похоронить 2 моих списка вместе со мной, на тот случай, если день Страшного Суда все же настанет, чтобы я мог сказать Судье:

– Судья, я нашел способ сэкономить немного Вашего драгоценного времени, хотя перед нами Вечность. Вам не придется выискивать мое имя в Книге, где записаны все Деяния. Тут вот списочек моих главных грехов. Отправляйте меня прямиком в Ад, и дело с концом.

Он попросил показать эти 2 списка, и я ему дал прочесть, что успел записать. Он пришел в восторг, особенно от полной неразберихи. Там были многочисленные заметки на полях относительно той или иной женщины, того или иного трупа.

– Чем больше путаницы, тем лучше, – сказал он.

– Как это? – сказал я. И он объяснил:

– Любой объективный суд, увидев это, неизбежно придет к выводу, что вы находитесь в невменяемом состоянии, и очень давно. Они и без того уверены, что все ветераны войны во Вьетнаме – психованные, такая уж у

них репутация.

– Но эти списки – не плод галлюцинаций, – возмутился я. – Я их не пишу под диктовку радиоточки, вставленной в мой череп ЦРУ или гуманоидами с летающих тарелок. Это все было, на самом деле.

– Какая разница, – сказал он безмятежно. – Какая разница, какая разница.

Когда Роберт Мелленкамп, нищий-но-не-ведающий-о-том, так напыщенно произнес: «Чума возьми семейства ваши оба!», Джейсон Уайлдер заметил, что в деле, которое мы обсуждаем, то есть в моем деле, он не усматривает никакого отношения к 2 семействам.

– На мой взгляд, тут вообще не может быть 2 точек зрения, – сказал он. – Возьму на себя смелость утверждать, что у Совета нет никакого альтернативного выхода, кроме 1-го: принять прошение мистера Хартке об отставке. Думаю, он и сам с этим согласится.

Я встал.

– Это 2-й самый дурной день в моей жизни, – сказал я. – Первый – это когда нас выкинули из Вьетнама пинком под зад. Здесь уже два раза цитировали Шекспира. По иронии судьбы я тоже могу цитировать Шекспира. Хотя память у меня всегда была дырявая, но в старших классах учительница английского заставляла всех поголовно вызубривать самые знаменитые строки наизусть. Я и не подозревал, что когда-нибудь придется их цитировать, потому что они имеют отношение к моей жизни. Но время настало. Слушайте:

Быть или не быть, вот в чем вопрос.
 Достойно ль
 Терпеть без ропота позор судьбы
 Иль надо оказать сопротивление,
 Восстать, вооружиться, победить
 Или погибнуть? Умереть. Забыться.
 И знать, что этим обрываешь цепь
 Сердечных мук и тысячи лишений,
 Присущих телу. Это ли не цель
 Желанная? Скончаться. Сном забыться.
 Уснуть... И видеть сны? Вот и ответ.
 Какие сны в том смертном сне приснятся,
 Когда покров земного чувства снят?
 Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет
 Несчастьям нашим жизнь на столько лет.⁹

Конечно, монолог гораздо длиннее, но учительница, ее звали Мэри Пратт, велела нам выучить только до этого места. Что мне, больше других нужно? А в сложившихся обстоятельствах этого было более чем достаточно, чтобы повеяло могильным духом, чтобы вызвать призрак еще одного ветерана войны во Вьетнаме, который покончит счеты с жизнью прямо здесь, на территории колледжа.

Я выудил из кармана ключ от колокольни и бросил его на середину круглого стола. Стол был такой огромный, что кому-нибудь придется влезть на столешницу, чтобы дотянуться до ключей – или искать где-нибудь палку подлиннее.

– Веселого вам перезвона, – сказал я. С этим было покончено.

Я ушел из Самоза-Холла той же дорогой, что и Текс Джонсон. Сел на скамейку у края Лужайки, напротив библиотеки, рядом с Главной Аллеей. Хорошо было на свежем воздухе.

Дэмон Стерн, лучший мой друг среди преподавателей, как раз проходил мимо и спросил, что я тут делаю.

Я сказал, что загораю. Я никому не говорил, что меня вышвырнули, пока не оказался у стойки бара в кафе «Черный Кот». Так что Профессор Стерн с легким сердцем болтал какую-то веселую чепуху. У него был одноколесный велосипед, и он умел на нем кататься, так что он подумывал, не присоединиться ли ему к торжественной процессии на церемонии выпуска, до которой оставалось около часа.

– Уверен, что есть веские доводы за и против, – сказал я.

Он вырос в Шелби, штат Висконсин, где все поголовно, включая и бабушек, умели кататься на одноколесных велосипедах. Дело было в том, что лет 60 назад в Шелби побывал странствующий цирк, который разорился и бросил почти все свое имущество, в том числе и несколько

одноколесных велосипедов. Постепенно все овладевали искусством катания на одноколесном велосипеде, а для семьи заказывали новые. Так что Шелби сделался и остается до сего дня, насколько я знаю, столицей Унициклистов всего мира.

– Я – за! – сказал я.

– Уговорил, – сказал он. Он ужасно обрадовался. Когда он ушел, мои мысли унесло ветерком и солнечными лучами в прошлое, когда я еще носил форму, но уже вернулся домой и получил предложение работать в Таркингтоне. Это было в Китайском ресторане на Гарвардской площади в Кембридже, штат Массачусетс. Я обедал с женой и тещей, которые тогда еще были в своем уме, и со своими законными детьми – Мелани, 11, и Юджином Младшим, 8 лет. Мой незаконный сын, зачатый в Маниле всего две недели назад, был, очевидно, размером с мелкую дробинку.

Меня откомандировали в Кембридж приказом, я должен был держать экзамен на последний курс Физического Факультета Массачусетского Технологического Института. Мне предстояло получить степень Магистра, а затем занять место преподавателя в Уэст-Пойнте, оставаясь военным, солдатом до самой смерти.

Моя семья в полном составе, за исключением Дробинки, поджидала меня в Китайском ресторане, куда я и вошел в парадной форме, при всех регалиях. На макушке у меня волосы были подстрижены ежиком, а затылок и виски выбриты наголо. Народ глазел на меня, как на ярмарочного уродца. Я с тем же успехом мог явиться нагишом, в черном пояске для подвязок.

В университетских городках военные стали вот таким посмешищем, невзирая на то, что львиная доля доходов Гарварда и МТИ поступала от разработок и создания новых видов оружия. Мне бы не удалось остаться в живых, если бы не великий дар цивилизации от Химического факультета Гарварда: напалм. Это такой липкий желеобразный керосин.

Я почти прошел, как сквозь строй, к столику, когда кто-то сказал кому-то у меня за спиной:

– Свят, свят, свят! У нас что, Канун Всех Святых¹⁰?

Я не отреагировал на это оскорбление, и не дал какому-то студенту-белобилетнику пищу для размышлений, в виде лопнувшей барабаной перепонки или полуперерванной глотки. Я шагал дальше, потому что мне было не до того – у меня были куда более серьезные огорчения. Жена, прихватив детей, переехала из Форта Брэгг в Балтимор, где собиралась учиться на физиотерапевта в Университете Джонса Хопкинса. Ее мать, недавно овдовевшая, переехала жить к ним. Маргарет и Милдред купили дом в Балтиморе за деньги, оставленные моим тестем. Дом был их, а не мой. Я в Балтиморе никого не знал.

Что мне-то было делать в Балтиморе? Получалось, как будто меня убили во Вьетнаме, и Маргарет приходилось самой заново устраивать свою жизнь. Собственным детям я казался выходцем с того света. Они тоже глазели на меня, как будто на мне был только черный пояс для подвязок.

А уж как моя жена и детишки гордились бы мной, если бы я им поведал, что не сумел ответить примерно на четверть вопросов на экзамене по физике для поступления на последний курс МТИ!

Добро пожаловать домой!

Когда я собирался войти в Китайский ресторан, мне навстречу выпорхнули две хорошенькие девчонки. Они тоже с презрением покосились на меня, на мою стрижку, на мою форму. И я им сказал:

– В чем дело? Вы что, в жизни не видели голого мужика в черном пояске для подвязок?

Этот черный пояс все время лез мне в голову, очевидно, потому, что я ужасно скучал по Джеку Паттону. Я остался в живых, а он погиб на войне, и за несколько дней до того, как его подстрелили, как я уже рассказывал, послал мне подарок – порножурнал под названием «Черный пояс».

Так мы и сидели в том ресторане, я допивал свой третий «Сладкий Роб Рой». Маргарет и ее матушка сами все заказывали, как будто я покоился на глубине 6 футов на Арлингтонском Национальном Кладбище. Они хотели устроить обед в семейном стиле. Никто меня не спросил, как я сдал экзамен. Никто не поинтересовался, как себя чувствует человек, вернувшись домой с войны.

Они болтали без умолку о туристских диковинках, которые видели сегодня. Не думайте, что они приехали, чтобы составить мне компанию или поддержать меня морально. Они приехали посмотреть на «Железнобоких»¹¹, и на крышу, с которой Поль Ревир дал сигнал фонарем, сообщая, что англичане наступают по берегу, и прочее в этом роде.

Да, кстати, если уж речь зашла о крышах – в тот самый волшебный вечер я узнал, что у моей жены, матери моих детей, полно предков и близких родственников, у которых крыша поехала, и все с материнской стороны. Для меня это была новость, и для Маргарет – тоже. Нам было известно, что Милдред родилась в Перу, штат Индиана. Но она нам говорила про это Перу только то, что там родился и Кол Портер и что она была рада, когда выбралась оттуда.

Милдред нам сказала, что у нее было несчастливое детство, но это вряд ли можно было счесть хотя бы самым прозрачным намеком на то, что она, а значит, и моя жена и детишки происходили из семейства, про которое в тех местах давно пошла дурная слава – они плодили сумасшедших.

Оказалось, что моя теща встретила старого друга из родного города Перу, что в штате Индиана, во время экскурсии по стоянке полка Железнобоких. А теперь старый друг с женой сидел за соседним столиком. Когда я пошел в уборную, старый друг пошел за мной и рассказал, как трудно приходилось Милдред, когда она кончала школу, ведь у нее и мать, и бабка сидели в психбольнице штата, в Индианаполисе.

– И брат ее матери, в котором она души не чаяла, – продолжал он,

стряхивая с конца последние капельки, – тоже свихнулся в ее выпускной год, устроил массу поджогов по всему городу. Я бы на ее месте тоже сбежал в Вайоминг, как ошпаренная кошка.

Как я уже говорил, это была новость.

– Вы будете смеяться, – продолжал он, – но эта штука нападает на них исключительно в пожилом возрасте.

– Я не смеюсь только потому, – сказал я, – что встал сегодня с левой ноги.

Не успел я вернуться и сесть за столик, как юнец, проходивший позади меня, не смог удержаться от искушения потрогать мою стрижку «ежиком». Ну, тут я буквально врезался в потолок! Парень был хлипкий, длинноволосый, на шее у него болтался символ мира. Он был похож на певца Боба Дилана. Может, это и был сам Боб Дилан, только мне на это плевать. Кто бы он там ни был, я так ему врезал, что он сбил с ног официанта с полным подносом.

Китайские деликатесы разлетелись во все стороны!

Столпотворение!

Я выскочил на улицу. Все и вся стали моими врагами. Я вернулся во Вьетнам!

Но передо мной замаячила фигура, смахивавшая на Христа. Одет он был в костюм, и даже при галстукке, но у него была длинная борода, и глаза его излучали любовь и жалость. Казалось, он знает всю мою подноготную, да так оно и было. Это был Сэм Уэйкфилд, вышедший в отставку в чине генерала, примкнувший к Борцам за Мир и ставший Президентом Таркингтоновского колледжа.

И он сказал мне те же слова, что и в те далекие дни, в Кливленде, на Выставке Технического Творчества:

– Куда спешим, сынок?

Стоит мне вспомнить возвращение на родину из Вьетнама, как я тут же вспоминаю и Брюса Бержерона, моего ученика в Таркингтоне. Я о нем уже говорил. Он поступил в кордебалет «Карнавал на Льду», как только получил свидетельство об окончании Курса Гуманитарных и Естественных наук, и его убили в Дюбеке. Отец его был Президентом Федерации Охраны Природы.

Когда Брюс учился у меня слушать музыку, я поставил запись увертюры «1812 год» Чайковского. Я объяснил классу, что увертюра написана по поводу действительных событий, а именно – поражения Наполеона в России. Я предложил ученикам вспомнить какое-нибудь значительное событие в своей жизни и подумать, какая музыка могла бы это наилучшим образом выразить. Я им дал неделю на размышление. Мне хотелось, чтобы у них в голове, как в скороварке, мозги хорошенько пропитались музыкой.

Событие, которое вспомнил Брюс Бержерон и которое он превращал в музыку в своей голове, случилось, когда ему было лет 6. Он застрял в лифте между этажами вместе со своей нянькой-гаитянкой, в Универсаме Блумингдейла, по дороге на дешевую распродажу постельного белья перед Рождеством. Вообще-то они шли в Американский Музей Естественной Истории, но нянька, не спросившись у хозяев, решила сначала послать дешевое белье своим родичам, на Гаити.

Лифт застрял как раз под этажом, где шла рождественская распродажа. Лифтера не было. Кабина была набита битком. Когда все поняли, что лифт застрял всерьез и надолго, кто-то нажал на кнопку тревоги, и пассажиры слышали, как звонок заверещал далеко внизу. Брюс сказал, что тогда он в первый раз попал в переделку, из которой взрослые не смогли сразу же найти выхода.

В лифте было переговорное устройство, и из него послышался голос женщины – она просила всех сохранять спокойствие. Брюс запомнил то,

что она особенно подчеркнула: никто не должен пытаться выбраться через откидной люк в потолке. Если кто-то на это решится, Блумингтон снимает с себя всякую ответственность за его или ее дальнейшую судьбу.

Время шло. Время тянулось. Маленькому Брюсу казалось, что они просидели в западне лет 100. А прошло, наверное, не больше 20 минут.

Маленький Брюс думал, что стал участником величайшего события в истории Америки. Он вообразил, что не только его родители, но и сам Президент Соединенных Штатов следит за событиями по телевизору. Когда их спасут, думал он, его встретят ликующие толпы с оркестром.

Маленький Брюс ждал банкета и медали за храбрость, за то, что он не поддавался панике и не стал хныкать, что хочет в туалет.

Лифт внезапно дернулся вверх, остановился. Потом подскочил на метр, как от толчка. Двери разъехались, открывая мирную картину распродажи белья и лица покупателей, ожидавших лифта, даже не подозревая, что с ним случилось.

Они ждали, пока пассажиры выйдут, чтобы поскорее занять их место.

Их не встретил ни один представитель администрации, который рассыпался бы в извинениях, спрашивая, все ли обошлось. Все действия, относившиеся к освобождению застрявших в лифте, происходили где-то очень далеко – там, где был мотор, там, где был сигнал тревоги, там, где была женщина, которая уговаривала их не поддаваться панике и не вылезать в люк на потолке.

Вот так.

Нянюшка купила белье, и они с маленьким Брюсом пошли в Американский Музей Естественной Истории. Няня заставила его дать слово, что он никогда не скажет родителям про то, что они побывали и в Блумингдейле, – и он ее не выдал.

Он им до сих пор не сказал, что проговорился на занятиях по Слушанию Музыки.

– Знаешь, что ты описал лучше всего? – спросил я Брюса.

– Нет, – сказал он.

– Как себя чувствует человек, вернувшийся на родину с войны во Вьетнаме – сказал я.

Я читаю про 2 мировую войну. Все поголовно, в тылу и на фронте, даже маленькие дети, гордились тем, что принимают в ней участие. Судя по всему, людям казалось, что вообще невозможно было не принимать в ней участие, даже если ты просто жил в то время. Да, гибель или страдания солдат, и моряков, и морских пехотинцев касались, хотя бы немного, всех и каждого.

А вот война во Вьетнаме касается исключительно тех, кто там сражался. Похоже, что больше никому нет до нее никакого дела. Все остальные остались чисты, как свежеснеженный снег. Это мы, только мы, дураки, замарались, участвуя в грязной войне. Мы потерпели поражение – что ж, так нам и надо, за то, что мы ввязались в эту войну. В тот вечер, когда я временно взбесился в Китайском ресторане на Гарвардской площади, все были в восторге друг от друга, только не от меня.

Перед тем как я взорвался, старый друг Милдред из Перу, что в Индиане, разглагольствовал, как будто мы с ним не имеем ничего общего; можно было подумать, что я педикюрщик или подрядчик на стройке, а не человек, который рисковал жизнью, жертвовал здравым смыслом и честью ради него.

Как оказалось, сам он занимался ликвидацией медицинских отходов в Индианаполисе. Приятное дельце, особенно если слушаешь о нем в Китайском ресторане, где все бодро цепляют палочками для еды какие-то несусветности.

Он говорил, что его ежедневные проблемы связаны с эстетикой не меньше, чем с токсичностью. Это его собственные слова – «эстетика» и «токсичность».

Он сказал:

– Никому не придется по вкусу, если он увидит в мусорном баке или на свалке палец, или ногу, или что-либо подобное, хотя для здоровья это не опаснее, чем обглоданные ребрышки от жареной грудинки.

Он спросил меня, не хочу ли я отведать чего-нибудь, что стоит на столике у него и его жены, – они заказали слишком много.

– Нет, благодарю вас, сэр, – сказал я.

– Да ведь рассказывать все это вам – все равно что возить уголь в Ньюкасл, – сказал он.

– Как? – сказал я. Я пытался его не слушать, и уставился, чтобы отвлечься, в самую неподходящую точку – в лицо моей тещи. Ведь эта будущая жертва безумия, которой некуда податься, станет постоянной спутницей нашей жизни. Это было яснее ясного.

– Ну – вы же побывали на войне, – сказал он. По его тону было понятно, что он считал войну моим личным делом, его она не касалась. – Я хочу сказать, что вашему брату пришлосьтаки повозиться с разными отбросами.

Тут паренек как раз и погладил меня против шерсти. Мой мозг взорвался, как канистра с нитроглицерином.

Мой адвокат, который сильно приободрился, увидев мои 2 списка и узнав, что я никогда не занимался рукоблудием и любил наводить чистоту в доме, спросил меня вчера, почему я никогда не бранюсь. Когда он пришел, я мыл окна тут, в библиотеке, добровольно, без приказа.

Я ему рассказал, что мой дедушка с материнской стороны считал, что непристойности и богохульство как бы дают другим людям право пропускать мимо ушей то, что им говорят.

Я рассказал ему старую притчу, которую мне поведал Дедушка Уиллс, – про город, где в полдень ежедневно палили из пушки. Как-то раз пушкарю стало худо, и он настолько ослаб в последнюю минуту, что не смог выстрелить из пушки.

Так что в полдень пушка молчала.

Все население города света не взвидело, когда солнце достигло зенита. Люди в тревоге спрашивали друг друга:

– Так-перетак! Что стряслось?

Мой адвокат любопытствовал, какое это имеет отношение к тому, что я отказался от сквернословия.

Я ответил, что в наше время сплошного сквернословия «так-перетак»

может ударить по мозгам не хуже пушечного выстрела.

Там, на Гарвардской площади, в далеком 1975 году, Сэм Уэйкфилд снова стал кормчим моей судьбы. Он велел мне оставаться на боковой дорожке, где я чувствовал себя в безопасности. Я дрожал как лист. Мне хотелось лаять по-собачьи.

Он пошел в ресторан, как-то ухитрился всех успокоить и предложил оплатить весь причиненный ущерб из своего кармана, прямо на месте. У него была очень богатая жена, Андреа, которая стала Деканом Женского отделения после того, как он покончил с собой. Андреа умерла за 2 года до массового побега из тюрьмы, поэтому она не зарыта рядом с остальными, возле конюшни, куда достигает тень Мушкет-горы на закате.

Она похоронена рядом со своим мужем в Брин Мор, штат Пенсильвания. Но ледник и их 2-их сметет в Западную Виргинию или в Мэриленд. Bon voyage!¹²

Андреа Уэйкфилд была 2-м человеком, с которым я говорил после того, как меня выгнали из Таркингтона. Первым был Дэмон Стерн. Я снова рассказываю про 1991 год. Все остальные ели омаров. Андреа подошла ко мне после того, как повстречалась со Стерном на Главной аллее.

- Я думала, ты в Павильоне, ешь омара, – сказала она.
- Аппетита нет, – сказал я.
- Просто невыносимо, что их варят живьем, – сказала она. – Знаешь, что мне только что сказал Дэмон Стерн?
- Уверен – что-то интересное, – сказал я.
- Во времена Генриха 8-го, – сказала она, – в Англии фальшивомонетчиков варили живьем.
- Хлеба и зрелищ, – сказал я. – Их варили живьем при всем народе?
- Он не сказал, – ответила она. – А ты что тут делаешь?

– Греюсь на солнышке, – сказал я.

Она поверила мне на слово. Села рядышком. Она уже нарядилась в академическую мантию для парада выпускников. По этому наряду было сразу видно, что она окончила Сорбонну, в Париже, во Франции. В дополнение к обязанностям Декана – ей в основном приходилось разбираться с нежелательными беременностями или наркоманией – она еще преподавала Французский, Итальянский и Живопись. Она родилась в настоящей старинной, аристократической семье, в Филадельфии, ее семья дала цивилизованному миру замечательное количество просветителей, адвокатов, врачей, художников. Вполне возможно, что она и вправду была тем, чем воображали себя Джейсон Уайлдер и некоторые Попечители Таркингтона, – венцом творения, вершиной эволюции на нашей планете.

Она была намного умнее своего мужа.

Я все время собирался спросить у нее, как получилось, что квакерша вышла замуж за профессионального военного, но так и не спросил.

Теперь уже поздно.

Андреа была лучшей фигуристкой среди преподавателей, хотя ей тогда было около 60, она была на 10 лет старше меня. Мне кажется, что фигурное катание, если бы Андреа Уэйкфилд нашла подходящего партнера, заменило бы ей всю эротику, какая ей была нужна. Генерал Уэйкфилд на коньках стоять не мог. Лучшим партнером в Таркингтоне, наверно, был для нее Брюс Бержерон – мальчуган, который застрял в лифте в Блумингдейле, ставший юнцом, которого не принимали ни в один колледж, кроме Таркингтона, ставший мужчиной, который поступил в кордебалет айс-ревю, а потом был убит кем-то, кто ненавидел гомосексуалистов, а может, любил одного из них слишком сильно.

У меня с Андреа никогда не было романа. Она была слишком удовлетворена жизнью, да и старше, чем нужно.

– Я хочу, чтобы ты знал: я считаю, что ты – Святой, – сказала она.
– Почему?
– Ты так добр к своей жене и теще.
– Это полегче того, что я сделал для Президента, и Генералов, и Генри Киссинджера, – сказал я.
– Но это ты делаешь добровольно, – сказала она.
– Как и тогда, – сказал я. – Я был натуральным ура-патриотом.

– Как подумаешь, сколько мужчин в наше время расторгают брак из-за малейшего разногласия или дискомфорта, – сказала она, – то ты – настоящий Святой, по-моему.
– Знаете, они не хотели сюда переезжать, – сказал я. – Им очень нравилось в Балтиморе, и Маргарет собиралась стать физиотерапевтом.
– Но они заболели не потому, что приехали в эту долину, правда? – сказала Андреа. – Долина не виновата. Мой муж тоже не из-за нее заболел.
– Нет, в их болезни виноваты часы, – сказал я. – Они все равно пробили бы полночь для обеих, где бы это их ни застало.
– Вот и про Сэма я думаю так же, – сказала она. – Не могу почувствовать себя виноватой.
– И не надо, – сказал я.
– Когда он вышел в отставку и примкнул к движению Борцов за мир, – сказала она, – мне кажется, он хотел остановить часы. Не вышло.
– Плохо без него, – сказал я.
– Не позволяй войне убить тебя, как его, – сказала она.
– Можете не беспокоиться, – сказал я.

– Деньги так и не нашлись? – сказала она. Она спрашивала про деньги, которые Милдред выручила за дом в Балтиморе. Тогда Милдред еще была в

своим умом и вложила деньги в Сципионское отделение Первого Национального банка, в Рочестере. Но потом она забрала все наличными, после того, как банк купил султан Бруней, а мне и Маргарет ни слова не сказала. Потом она их куда-то спрятала, а куда – не помнит.

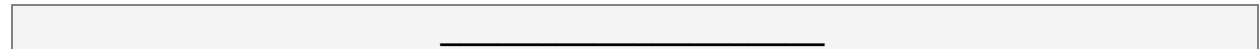
– Я о них даже не думаю, – сказал я. – Вероятнее всего, их уже кто-нибудь нашел. Может, ребяташки. Может, кто-то из прислуги. Но тот, кто нашел, с ними не прибежит.

Речь шла о 45 000 долларов, с мелочью.

– Знаю, что надо бы пожалеть, – сказал я. – Только вот ни фига мне не жалко.

– Это война тебя таким сделала, – сказала она.

– Кто знает? – сказал я.

Мы сидели на солнышке и болтали, как вдруг внизу, в долине, взревел мотор мощного мотоцикла, где-то возле кафе «Черный Кот». Потом зарычал другой, третий.

– Адские Ангелы? – сказала она. – Неужели в самом деле?..

Это была шутка: Текс Джонсон, Президент Колледжа, насмотревшись кинофильмов с мотоковбоями, искренне опасался, что когда-нибудь студенческий городок и вправду будет атакован Адскими Ангелами. Эта фантазия была для него такой реальной, что он купил снайперскую винтовку производства Израиля, с телескопическим прицелом и боеприпасами – в аптеке в Портленде, штат Орегон. Они с Зузу гостили у ее сводной сестры. Из-за этой самой винтовки его потом и распыли.

Но тогда казалось, что Текс не без оснований ждал нападения Адских Ангелов, и было не так уж смешно. Мощный, как труба архангела в Судный день, рокот 2-колесных басов в низком регистре становился все громче, все ближе. Нет сомнения! Кто бы там ни был, что бы там ни было – оно направлялось прямоком в Таркингтон!

Это были вовсе не Адские Ангелы. Вообще это не были люди из низших классов. Это была моторизованная кавалькада самых процветающих американцев, в большинстве своем на мотоциклах, но кое-кто и в лимузинах, под предводительством Артура Кларка, миллиардера, который любил всякие забавы. Сам он ехал на мотоцикле, а на заднем сиденье, вцепившись в него изо всех сил, с юбкой, задравшейся чуть ли не до пупа, ехала Глория Уайт, кинозвезда чуть ли не с пеленок и до сих пор – а ей стукнуло 60!

Процессию замыкал грузовик с громкоговорителем и автоплатформа, на которой везли оболочку воздушного шара. Когда шар надуют горячим воздухом посреди Лужайки, окажется, что это копия замка, который Кларк купил в Ирландии!

Кхе, кхе. Пауза. Еще 2 раза: кхе, кхе. Ну вот, со мной все в порядке. Кхе. Хорошо. Все о'кей, теперь уж точно. Мир.

Это был не Артур Кларк, писатель-фантаст, который написал кучу книг про участь человечества в разных концах Вселенной. Это был Артур Кларк, миллиардер, биржевой игрок и издатель журналов и книг о крупных финансовых махинациях.

Кхе. Прошу прощения. На этот раз – «немного крови». Говоря бессмертными словами Эвонского Барда:

Прочь, проклятое пятно! Прочь, говорю! один; два; значит, пора. В аду темно. Стыдно, милорд, стыдно! Воин, и вдруг испугался? Чего нам бояться, не знает ли кто-нибудь, раз никто не может призвать нашу власть к ответу? Но кто бы мог подумать, что в старике так много крови?¹³

Аминь. И особенная благодарность «Крылатым словам» Бартлетта.

В армии я прочел кучу научной фантастики, в том числе «Конец

детства» Артура Кларка, настоящий шедевр. Больше всего он прославился после киноэпопеи «2001», а это тот самый год, когда я здесь пишу и кашляю.

Во Вьетнаме я 2 раза видел «2001». Помню, на 1 из этих сеансов в первом ряду сидели 2 раненых солдата на инвалидных колясках. Весь первый ряд был составлен из инвалидных колясок. Те 2 солдата, кажется, потеряли ноги, но выше пояса все у них было в порядке, и боли они не испытывали. Они, насколько я понимаю, ждали транспортировки в Штаты, где им обещали сделать протезы. Не думаю, что им было больше 18. Один был черный, а 1 – белый.

Когда зажегся свет, я слышал, как черный сказал белому:

– А теперь скажи мне: что тут к чему?

А белый сказал:

– Не знаю, не знаю. Мне бы только добраться до Каира, что в Иллинойсе, и больше ничего не надо.

Он произносил «Каир» как «Кэйр».

А моя теща из Перу, что в Индиане, произносит название родного города «Пэйру».

Старушка Милдред и название другого города в Индиане, Брэзил, произносит как «Брезл».

Здесь Артур Кларк прибыл в Таркингтон, чтобы получить степень Великого Покровителя Искусств и Наук.

Закон не допускал, чтобы колледж присуждал какие бы то ни было ученые степени – предполагалось, что степень присуждается за серьезную работу. Помнится, Пол Шлезингер, наш прежний Приглашенный Литератор, считал, что любое высшее учебное заведение (настоящее) не имеет права выдавать почетные дипломы, где стояло бы слово «Доктор». Он предлагал заменять его выражением «важная шишка».

Во время Вьетнамской войны, однако, мальчишка мог отвертеться от мобилизации, поступив в Таркингтон. Военные Комиссии считали, что Таркингтон – такой же настоящий колледж, как МТИ. Должно быть, по политическим соображениям.

Да, все дело в политике, как видно.

Все знали, что Артур Кларк получит никому не нужную бумажку. Но только Текс Джонсон, полисмены колледжа и проректор знали заранее, с какой помпой он намерен явиться в колледж. Это была настоящая военная операция. И мотоциклы, а их было штук 30, и воздушный шар доставили на стоянку позади кафе «Черный Кот» на рассвете.

А затем Кларк, Глория Уайт и все прочие, в том числе и Генри Киссинджер, прибыли из Рочестерского аэропорта в закрытых лимузинах, в сопровождении грузовика с радиоаппаратурой. Киссинджер ехать на мотоцикле не захотел. Еще несколько человек отказались, и их доставили на Лужайку прямо в лимузинах.

Но те, кто ехал в лимузинах, были, как и мотоциклисты, в золотых защитных шлемах, украшенных знаком доллара.

Хорошо еще, что Текса Джонсона предупредили, что Кларк приедет на мотоцикле, а то он мог бы снять гостя с седла при посредстве израильской винтовки, купленной в Орегоне.

Явление Кларка во всем блеске и славе вполне сошло бы за генеральную репетицию Второго Пришествия. Св. Иоанну Богослову могла только присниться такая сногшибательная феерия, с грохотом, дымом, золотом, львами и орлами, тронами и звездами, чудесами в небесах и так далее. Но Артур К. Кларк сотворил все это на самом деле, с помощью современной технологии и кучи денег!

Мотоциклисты в блестящих золотом шлемах выстроились в каре по периметру Лужайки, спиной к центру, и их могучие машины храпели и ржали, как бешеные кони.

Рабочие в белых комбинезонах принялись надувать воздушный шар.

Грузовик с радиоустановкой растерзал воздух в клочки, транслируя оглушительный джаз из волюнок.

Артур Кларк, сидя в седле мотоцикла, смотрел в мою сторону. Оказалось, что его закадычные друзья, члены Попечительского Совета, приветствовали его из окон строения, находившегося прямо у меня за спиной. Я почувствовал себя глубоко оскорбленным очередным доказательством того, что большие деньги могут купить большую удачу.

Я нарочно зевнул. Я повернулся спиной и к нему, и к его показухе. Я пошел прочь, всем своим видом показывая, что у меня есть дела поинтереснее, чем глазеть на придурка.

Из-за этого я не видел, как воздушный шар сорвался с привязи и, свободный, как и я, поплыл над озером, над тюрьмой на том берегу.

Заключенные на том берегу внешнего мира не видели, им было видно только небо. Те, кто оказался на прогулочном дворе, видели, как там, вверху, промелькнул замок. Интересно, какое объяснение им пришло в голову?

«Есть в мире тьма, Гораций, кой-чего, что вашей философии не снилось»¹⁴. – Бартлетт, «Крылатые слова».

Надутый замок с обрывком каната, игрушка ветра, был очень похож на меня. Это сходство было настолько велико, что я тоже неожиданно явился в тюрьму в тот же день, еще засветло.

Если бы шар плыл близко к земле, как я, его бы непременно мотало из стороны в сторону, прежде чем он набрал бы достаточную высоту и настоящий ветер унес бы его за озеро. Но меня заставляли двигаться зигзагами не случайные порывы ветра, а нежелание наткнуться на того, кто мог причинить мне еще какие-то неприятные ощущения. В частности, мне совсем не хотелось столкнуться с Зузу Джонсон или с готовой к отъезду Приглашенной Художницей, Памелой Форд Холл.

Но жизнь есть жизнь, и я, конечно, столкнулся и с той, и с другой.

Я предпочел бы встретиться с Зузу, а не с Памелой, потому что Памела совсем раскисла, а Зузу – нет. Но, как я уже сказал, мне пришлось повстречаться с обеими.

Памела пришла в безутешное отчаяние вовсе не из-за меня. Всему виной была ее личная, персональная выставка в Буффало, месяца за два до того. То, что там случилось, показалось смешным всем, кроме нее, и об этом раззвонили и газеты, и ТВ. На пару дней случившееся отвлекло зрителей от сообщений о стремительном росте ледниковых шапок на полюсах и о пустынях на месте дождевых лесов Амазонки. И еще, конечно, об очередном разбитом танкере с нефтью. Эта нефть у них вроде дежурного блюда.

И если Денвер, и Санта Фе, и Гавр, что во Франции, пока еще не эвакуированы из-за загрязнения питьевой воды радиоактивными отходами, то это не за горами.

То, что случилось на персональной выставке Памелы, дало многим лишний повод для того, чтобы позубоскалить над современным искусством – мол, только богачи делают вид, что оно им нравится.

Как я уже говорил, Памела работала с полиуретаном, который легко поддается обработке и практически невесом, а при нагревании пахнет мочой. Она вытачивала небольшие фигурки, женщин в широких кринолинах, которые сидели, согнувшись, так что нельзя было рассмотреть их лица. В коробку из-под ботинок свободно помещалась 1 из них.

Их расставили по пьедестальчикам в Буффало, но приклеивать не стали. Никаких сквозняков не предвиделось, потому что между фигурками и главным входом в музей, обращенным к озеру Эри, были 3 закрытых двери.

Музей, новехонький Хэнсовский Центр Искусств, подарила городу наследница Рокфеллеров, живущая в Буффало, – она получила крупную сумму за проданный японцам Рокфеллеровский центр на Манхэттене. Это была старушка в инвалидной коляске. Нет, на mine во Вьетнаме она не подрывалась. Я думаю, она просто обезножела от старости, да и устала ждать, пока все владения Рокфеллеров будут распроданы и ей, наконец, перепадет хоть немного наличных денег.

Пресса присутствовала потому, что это было торжественное открытие Центра. Персональная выставка работ Памелы, которые она называла «Леди-Колокольчики», оказалась здесь случайно, и она разместилась в галерее, где играл струнный квартет и подавали тосты и шампанское. Все были в смокингах.

Дарительница, мисс Хэнсон, явилась последней. Ее вместе с коляской доставили на верхнюю ступеньку лестницы. А потом все 3 двери, отгораживавших Леди-Колокольчиков Памелы от Северного Полюса, распахнули настежь. И все Леди-Колокольчики слетели со своих пьедестальчиков. Они прошелестели по полу и собрались кучкой возле деревянных плинтусов, за которыми были скрыты трубы парового отопления.

Камеры телевидения запечатлели все, за исключением запаха разогретого полиуретана. Какое отдохновение от мирских забот! Кто это говорит, что ежедневные новости – сплошная чернуха?

Памела, в мрачном настроении, сидела возле конюшни. Тень Мушкет-горы пока еще сюда не достигала. До заката оставалось еще 7 часов.

До массового пробега из тюрьмы оставались годы, а в том месте уже были зарыты 2 человеческих тела и 1 голова. Про 2 тела знали все, потому что они были погребены с почестями и над ними водрузили надгробье. А вот голова явилась полной неожиданностью, когда стали рыть новые могилы после побега, с помощью эскаватора.

Чья это была голова?

Те 2 тела, которые всем были знакомы, принадлежали первому в Таркингтоне учителю Ботаники и Немецкого и Игры на флейте, мастеру-пивовару Герману Шульцу, и его жене, Софии. Они умерли почти в один день, во время эпидемии дифтерита в 1893 году. Могилы были еще довольно свежие в тот день, когда меня выгнали, хотя общее надгробье насчитывало 98 лет. Тела перезахоронили, а надгробье передвинули, чтобы освободить место для Павильона Пахлави.

Гробовщик из городка внизу, который взялся за эту работу в 1987 году, сообщил, что тела на удивление хорошо сохранились. Он звал меня посмотреть, но я сказал, что верю ему на слово.

Можете себе представить? После кучи трупов, которые я видел, а отчасти и сам нагромоздил во Вьетнаме, я не мог себя заставить взглянуть еще на 2 трупа, которые ко мне не имели ни малейшего отношения. Ничего не понимаю. Разве что я опять стал в душе маленьким, невинным мальчуганом.

Я пролистал «Библию Атеиста» и «Крылатые слова» Бартлетта, надеясь найти какой-нибудь намек на подобную неожиданную чувствительность. Лучше всего подходит к случаю то, что леди Макбет сказала своему мужу-подкаблучнику:

– Фи! Воин, и вдруг испугался?

Кстати, об Атеизме: мы с Джеком Паттоном как-то раз во Вьетнаме пошли на проповедь, которую читал самый высокопоставленный капеллан в армии. Он был в чине генерала.

Вся проповедь была построена на том, в чем он был твердо уверен: в окопах Атеистов нет.

После проповеди я спросил у Джека, что он думает, и он сказал:

– Вот тебе армейский священник, который пороху не нюхал.

Гробовщик, теперь, кстати, тоже зарытый в траншее возле конюшни, по имени Норман Апдайк, был потомком первых голландских поселенцев. Он тогда, в 1987 году, добавил, с веселой развязностью, что люди обычно не понимают, быстро ли все разлагается, превращаясь в старую добрую грязь, или в удобрение, или в прах и пыль, и так далее. Он сказал, что ученые раскопали в недрах городских свалок почти свежее мясо и овощи, выброшенные туда много лет назад. Точно так же, как Герман и София Шульц, эти теоретически скоропортящиеся творения Природы, не подверглись гниению из-за отсутствия влаги, без которой не могут жить ни черви, ни грибки, ни бактерии.

– Даже без современных методов бальзамирования праху, чтобы возвратиться в прах, нужно куда больше времени, чем думают многие люди, – сказал он.

– Приятно слышать, – сказал я. – Обнадёживает.

Когда я заметил Памелу Форд Холл возле конюшни, было слишком поздно удирать в другую сторону. Я старался не столкнуться ни с Памелой, ни с Зузу, но меня отвлек один из родителей, сбежавший от рева волюнок на Лужайке. Он сказал, что вид у меня очень огорченный.

Я пока еще никому не говорил, что меня вышвырнули, а уж чужому человеку и подавно не собирался выкладывать эту новость. Я ему сказал, что крайне расстроен ледяными шапками, пустынями, экономическими кризисами и межнациональными конфликтами и прочим в этом роде.

Он возразил: не стоит отчаиваться, потому что 1 000 000 000 Китайцев вот-вот сбросят ярмо Коммунизма. А после этого, сказал он, им всем понадобятся автомобили, и шины, и бензин и так далее.

Я заметил, что практически все предприятия американской индустрии, имеющие отношение к автомобилестроению, или скуплены или разорены Японцами.

– А что вам мешает поступить так, как поступил я? – сказал он. – У нас же свободная страна.

Он сказал, что вложил все средства в акции японских корпораций.

Представляете себе, что натворят друг с другом 1 000 000 000 Китайцев, получив автомобили, и что останется от нашей атмосферы?

Я так спешил отделаться от этого типичного представителя Правящего Класа, от этого недоумка, что не заметил Памелу, пока не оказался с ней рядом. Она сидела прямо на земле и пила черносмородиновую наливку, привалившись спиной к надгробному памятнику Шульцев. Она смотрела вверх, на вершину Мушкет-горы. Алкоголь стал серьезной проблемой в ее жизни. Я тут ни при чем. Самая страшная напасть в жизни любого алкоголика – это алкоголь.

Надгробье было обращено ко мне той стороной, где была надпись.

Эпидемия дифтерита, унесшая множество жителей этой долины, разразилась в то время, когда почти все студенты Таркингтона разъехались на каникулы.

Студентам крупно повезло. Если бы во время эпидемии шли занятия, многие, многие из них разделили бы судьбу Шульцев и упокоились сначала на месте, где теперь стоит Павильон Пахлави, а потом возле конюшни, куда достигает тень Мушкет-горы на закате.

А позже, 2 года назад, студентам опять крупно повезло. Они все разъехались на зимние каникулы, когда преступники-рецидивисты захватили наш заштатный провинциальный городишко.

Чудеса, да и только.

Я поинтересовался, кто такие Свободомыслящие. Это были члены недолговечной секты, в большинстве германского происхождения, которые, как и мой Дедушка Уиллс, считали, что в Загробной Жизни и праведных, и неправедных ждет просто непробудный сон, что наука доказала несостоятельность всех официальных конфессий, что Бог непознаваем и что человек может посвятить свою жизнь только одной великой цели: чтобы всем людям, всем членам общества, жить стало легче и веселее.

Герман и София Шульц были далеко не единственными жертвами эпидемии дифтерита. Но они были единственными, кто на смертном одре высказал пожелание быть похороненными в земле студенческого городка, потому что для них это была священная земля, как они сказали.

Увидев меня, Памела не удивилась. Алкоголь надежно защищал ее от всех неожиданностей. Она сразу же сказала мне:

– Нет.

Я еще ни слова не успел сказать. Она подумала, что я захочу заниматься с ней любовью. Понимаю, почему ей это пришло в голову.

Я и сам стал об этом подумывать.

А потом она сказала:

– Этот год был самым лучшим в моей жизни, и я благодарю тебя за то,

что ты так много для меня значил.

Она иронизировала. Она нарочно притворялась, чтобы поддеть меня побольнее.

– Когда уезжаешь? – сказал я.

– Никогда, – сказала она. – У меня полетела коробка передач.

Она имела в виду старый лимузин, марки «Бьюик», выпущенный 12 лет назад. Она получила его при разделе имущества после развода с мужем. Он всегда издевался над ней, высмеивал ее усилия стать настоящим скульптором, а случалось, угощал ее пинком или оплеухой. Так что он, должно быть, покатывался со смеху больше, чем кто-либо другой, когда ее творения слетели с пьедесталов на персональной выставке в Буффало.

Она сказала, что в городе новая коробка передач стоит 850 долларов, и механик хочет получить эту сумму в иенах, но намекнул, что ремонт обойдется намного дешевле, если она ляжет с ним в постель.

– Наверно, ты так и не нашел, куда твоя теща спрятала те деньги, – сказала она.

– Нет, – сказал я.

– Надо бы мне поискать, – сказала она.

– Я уверен, что кто-нибудь уже нашел их, и просто помалкивает, – сказал я.

– Я тебя никогда не просила платить, – сказала она. – Не хочешь купить мне новую коробку передач? Тогда, если меня спросят: «откуда у вас эта дивная коробка передач?», я могла бы ответить: «Мне подарил ее прежний любовник. Он – прославленный герой войны, но я не могу назвать его имя».

– Кто этот механик? – спросил я.

– Принц Уэльский, – сказала она. – Если я лягу с ним в постель, он не только сменит мне коробку передач, но и сделает меня Королевой Англии. Ты ведь так и не сделал меня Королевой Англии.

– Уайти ван Эрсдейл? – сказал я.

Был в городке такой механик, и он говорил всем, что у него или у нее полетела коробка передач. Со мной он сыграл ту же шутку, когда у меня, до «Мерседеса», был микроавтобус, «Шевроле» 1979 года. Я проверил, спросив одного из студентов. Коробка была в ажуре. Было нужно только одно: хорошая смазка. Теперь и Уайти ван Эрсдейл лежит под землей возле конюшни. Он устроил засаду против беглых заключенных и сам угодил в засаду. Его победа продлилась от силы 10 минут. Вот как это было: «Бах!», а потом, минуту спустя, «Бах, бах», – и все.

Памела, которая сидела прислонясь к надгробью, все же не сказала мне того, что я потом услышал от Зузу Джонсон, – а именно что я сломал ей всю жизнь. Пожалуй, самое обидное, что она мне сказала, было то, что я так и не сделал ее Королевой Англии. Зузу будет обвинять меня в том, что я никогда и не собирался на ней жениться, хотя мы без конца болтали в постели о том, как убежим в Венецию, хотя Венеции ни она, ни я в глаза не видали. Я обещал ей, что она откроет там цветочный магазин, потому что садоводство – ее конек. А я стал бы учить итальянцев Английскому или помогать местным стеклодувам пристраивать их товары в американские магазины, и так далее.

Зузу еще и отлично фотографировала, и я ей говорил, что очень скоро она будет прогуливаться по причалу, где пассажиры садятся в гондолы, и продавать туристам фотографии, сделанные тут же, на месте, Поляроидом.

Когда дело доходило до будущего, ГРИО™ нам в подметки не годился.

Для меня эти мечтания о Венеции были просто одним из любовных приемов, эротическим аналогом духов Зузу. А она приняла все это за чистую монету. Она совсем было собралась в Венецию. Но я-то ехать не мог – меня удерживали семейные обязанности.

Памела знала о моем романе с Зузу и про весь мой треп о Венеции. Зузу ей все рассказала.

– Знаешь, что ты должен говорить каждой женщине, у которой хватит ума влюбиться в тебя?

– Нет, – сказал я. И она сказала:

– Добро пожаловать во Вьетнам.

Она сидела прямо над Шульцами, на их гробах. А я стоял прямо над оторванной головой, которую через 8 лет выбросит ковш экскаватора. Голова пролежала в земле так долго, что превратилась в голый череп.

Тогда как раз у нас был специалист по судебно-медицинской экспертизе, и когда в ковше оказался череп, он осмотрел его и высказал свое мнение. Он сказал, что череп принадлежит женщине, белой, в возрасте примерно 20 лет. Голова не была пробита тяжелым орудием, и следа от пули тоже не было, так что для определения причины смерти требовался весь скелет.

Но под экскаватор не попало больше ни одной косточки.

Разумеется, чтобы убить человека, достаточно было просто отделить голову от тела.

Эксперт особенного интереса не проявил. По состоянию черепа он определил, что особа, которой он принадлежал, умерла задолго до нашего рождения. Он приехал, чтобы обследовать трупы людей, погибших после побега преступников, и сделать профессиональное заключение о том, как они погибли, от пули или по иной причине.

А тело покойного Текса Джонсона его прямо заворожило. Он сказал мне, что навидался всякого, работая по своей специальности, но никогда в жизни не видел человека, которого распяли, прибив гвоздями его руки и ноги, и так далее.

Я хотел расспросить его поподробнее о черепе, но он ни о чем не хотел говорить, кроме распятия. Да, в этом деле он был дока.

Он мне сказал такое, о чем я и понятия не имел: оказывается, не только Римляне, но и Евреи время от времени распинали тех, кто у них считался преступником. Век живи, век учись!

Почему же я никогда об этом не слышал?

Дарий, Царь персидский, сказал мне эксперт, распял 3000 человек, которые, по его мнению, были врагами Вавилона. А после того, как Римляне подавили восстание рабов под предводительством Спартака, они распяли 6000 повстанцев по обе стороны Аппиевой дороги!

Еще он сказал, что распятие Текса Джонсона совершалось не по правилам, не считая того, что Текс был мертвый или полумертвый, когда они прибили его к балкам на чердаке конюшни. Его не бичевали. Его не заставили тащить на себе крест к месту казни. У него над головой не прибили доску с надписью, где перечислялись его преступления. И в вертикальную часть креста не был вбит штырь, который врезался бы ему в седалище и промежность, когда он пытался бы устроиться на кресте поудобнее.

Как я уже говорил в начале этой книги, если бы я в те далекие века был профессиональным солдатом, я бы, наверное, запросто распинал людей, не слишком задумываясь, раз приказано.

Или сам приказывал бы подчиненным распинать и объяснял, как надлежит это делать, – если бы был офицером в чинах.

Я мог бы даже научить новобранцев, которым раньше не приходилось распинать, а может, и видеть своими глазами, как распинают, новому слову из тогдашнего армейского лексикона. Это слово – *crurifragium*. Сам я узнал его от Медицинского Эксперта, и оно показалось мне настолько интересным, что я сбегал за карандашом и записал его.

По-латыни это означает «перебить голени распятого железной палкой, чтобы сократить его мучения». Но, как ни говори, и это не превращало распятие в загородную прогулочку.

Какая тварь способна на такое? Я, собственной персоной, а кто же еще?

Покойный унициклист, Профессор Дэмон Стерн, както раз спросил меня, не кажется ли мне, что культовое изображение Христа, оседлавшего одноколесный велосипед, вместо креста со штырем, найдет хороший спрос. Это была просто шутка. Он не ждал ответа, и я ему не ответил. Должно быть, мы сразу заговорили о другом.

Но вот сейчас я бы ему сказал – если бы он не погиб, пытаясь спасти лошадей, – главный смысл распятия, по крайней мере для меня, заключается в том, что человеческие существа, по обычным меркам разумные, могут быть чудовищно жестоки, если у них есть приказ вышестоящего начальства.

Послушайте-ка: пока я тут рылся в старых газетах, я, кажется, обнаружил, чей был тот череп, явно женский, явно принадлежавший молодой женщине, предположительно белой расы. Мне захотелось выбежать на тюремный двор – прежде Лужайку посреди колледжа – с криком:

«Эврика! Эврика!»

Мое обоснованное заключение: этот череп принадлежал Летиции Смайли, не умевший читать и писать красавице, студентке последнего курса, которая исчезла из студенческого городка в 1922 году, после того, как выиграла традиционный Бег Босиком для Женщин от колокольни до Дома Президента и обратно. В награду Летицию Смайли объявили Королевой

Сирени и увенчали, а она разрыдалась по никому не известной причине. Ясно, ее что-то мучило. Все сошлись на том, что слезы Летиции Смайли – вовсе не счастливые слезы.

Одной из возможных причин, хотя в газете об этом не упоминалось, было то, что мисс Смайли была беременна – очевидно, от кого-то из студентов или преподавателей. Я играю в детектива, хотя опереться, кроме черепа и старых газет, мне не на что. Но я знаю по крайней мере одну вещь, до которой полиция тогда не докопалась: это было бы в руках опытного судебно-медицинского эксперта неоспоримым доказательством того, что Летиции Смайли больше не было в живых. Наутро после того дня, когда ей преподнесли венец Королевы Сирени, в ее постели обнаружили куклу, сделанную из скатанных махровых полотенец. А головой кукле служил футбольный мяч, подаренный ей поклонником в Юнион Колледже, в Скенектеди. На нем была надпись: «Юнион 31, Хобарт 3».

И все: ищи ветра в поле.

Для опознания черепа дантист не понадобился бы: чей бы он ни был, его обладателю или обладательнице не пришлось запломбировать ни одного зуба. Кто бы то ни был, зубы у черепа были отличные. Но найдется ли живой человек, который мог бы сказать нам, были ли у Летиции Смайли – а ей сейчас, в 2001, самой сравнялось бы 100 лет – отличные зубы?

Так идентифицировали личность наиболее исковерканных трупов во Вьетнаме: по испорченным зубам.

Говорят, что для убийства, самого ужасного из всех преступлений, срока давности не существует. А сколько лет сейчас было бы ее убийце? Если это тот, про кого я думаю, ему было бы 135. Думаю, это был не кто иной, как Кенсингтон Барбер, проректор тогдашнего Таркингтона. Свои последние дни он провел в Больнице для умалишенных Штата, в Батавии.

Я думаю, что именно он, имея право проверять постели и в женских, и в мужских дортурах, сделал куклу с футбольным мячом вместо головы.

Я думаю, что Летиция Смайли к тому времени была мертва.

А в газете официально сообщалось, что куклу нашел проректор.

Медицинский эксперт из полиции штата счел странным то, что на черепе не осталось волос. Он решил, что череп был оскальпирован или сварен перед тем, как его зарыли, чтобы труднее было узнать, чей он. А что узнал я? Что Летиция за свою короткую жизнь успела прославиться длинными золотыми волосами. Статейка в газете о соревнованиях по бегу полна упоминаний о ее длинных золотых волосах.

Да, и в той же газете Кенсингтон Барбер является единственным источником, утверждавшим, что Летиция Смайли пережила глубокую трагедию после бурного романа с мужчиной значительно старше ее, из Сципиона. Проректор хотел бы знать его имя, чтобы полиция могла его допросить.

В другой раз Барбер сказал репортеру, что он собирался поехать с семьей в Европу, но останется в Сципионе только ради того, чтобы по мере своих сил прояснить таинственные обстоятельства исчезновения Летиции Смайли. Поразительная преданность долгу!

У него была жена и 2-е детей, и он отправил их в Европу одних. А так как городок летом был практически пуст, не считая небольшого штата obsługi, находившегося под его началом, то ему ничего не стоило отослать рабочих в другой конец городка, пока он, в полной безопасности, захоранивал расчлененное тело Летиции в ямки, вырытые, возможно, приспособлением для рытья ям под столбы.

С моим опытом в том, какие фокусы-покусы устраивают в общественной и политической жизни, какой сплошной треп – вся недавняя

история нашего правительства, невольно задаешься вопросом: а не было ли и тогда, в 1922, кое-кого, кто мог так же просто сложить 2 и 2, как я теперь. И таких людей было много. Но ради поддержания репутации самого основного бизнеса в Сципионе, а именно колледжа, все, как один, молчали.

Кенсингтон Барбер стал жертвой нервного срыва в конце того же лета и был отправлен, как я уже говорил, в Батавию. Тогдашний Президент колледжа, Герберт Ван Эрсдейл, не связанный родством с жуликом-механиком Уайти ван Эрсдеилом, считал, что проректор свихнулся от непосильного напряжения, связанного с неустанными усилиями разгадать тайну исчезновения златовласой Королевы Сирени.

Что касается моей теории убийства Королевы Сирени, то моему адвокату показалась заслуживающей внимания только одна деталь: то, что все девушки, участвующие в соревнованиях по Бегу Босиком, завязывали на голове широкие лиловые ленты, и традиция сохранялась до последних соревнований, перед самым побегом заключенных. Беглые рецидивисты нашли целые километры этой ленты, множество рулонов, в кабинете Декана Женщин. Элтон Дарвин велел настричь из нее нарукавные повязки, взамен формы, чтобы отличать своих от чужих. Как будто им мало было цвета кожи.

Мой адвокат говорит, что самое главное в этой истории с повязками – то, что я никогда повязки не надевал. Это послужит доказательством моего нейтралитета.

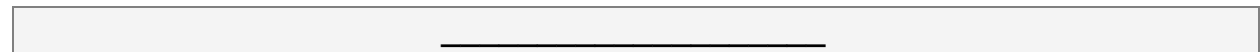
Нового флага беглые рецидивисты не учредили. Они подняли на башне Звездно-Полосатый. Элтон Дарвин сказал, что они не враги Америки. «Мы сами – Америка,» – сказал он.

С Памелой Форд Холл я распрощался в тот день, когда меня выгнали из Таркингтона. Больше я ее не видел. Мне кажется, что я оказал ей только одну услугу: посоветовал спросить кого-нибудь еще, прежде чем Уайти Ван Эрсдейл всучит ей новую коробку передач. Я слышал, она последовала моему совету, и оказалось, что старая коробка передач в полном порядке.

На машине с этой коробкой передач она проделала весь путь до Ки-Уэст, где наш Приглашенный Литератор Пол Шлезингер жил в свое удовольствие на Стипендию Гения от Фонда Макарута. Я не догадывался,

что они нашли общий язык еще в Таркингтоне, но думаю, что так оно и было. Мне-то она, конечно, об этом не говорила. Как бы то ни было, я уже работал в Афинах, когда до меня дошли вести из Сципиона, что они собираются пожениться.

Но свадьба так и не состоялась. Думаю, престарелого романиста напугало то, что она не могла отказаться ни от пьянства, ни от своей любви к искусству, хотя никакого таланта у нее не было.

Сам Шлезингер тоже был не подарок, будьте уверены.

После массового побега из тюрьмы я сообщил ГРИО™ все, что знал о Памеле, и попросил рассказать, что могло с ней случиться после разрыва с Полом Шлезингером. ГРИО™ выдал ей смерть от цирроза печени. Я еще раз ввел в машину тот же набор фактических данных, и теперь ей предстояло замерзнуть в подворотне в Чикаго.

Грош цена таким предсказаниям.

Распрощавшись с Памелой, жизнь которой разбил вовсе не я, а алкоголь, я полез на Мушкет-гору, чтобы обдумать свои дела под стенами водонапорной башни. Но тут я столкнулся с Зузу Джексон, которая спускалась вниз. Она сказала, что просидела под водонапорной башней не один час, пытаясь придумать что-нибудь хорошее взамен погибшей мечты о нашем бегстве в Венецию.

Она сказала, что, может быть, сбежит в Венецию одна и будет там

снимать Поляроидом, как туристы садятся в гондолы или вылезают из них.

Для нее предсказания были получше, чем для Памелы, во всяком случае, на ближайшее будущее. Она по крайней мере не пила горькую и не была одинока, хотя никого у нее не было, кроме Текса. И ее по крайней мере не высмеяли всенародно, по всей Америке, от одного побережья до другого.

И у нее было чувство юмора. Помню, она мне сказала, что превратилась в живой труп, когда рухнула мечта о Венеции, но для Президента Колледжа зомби – самая подходящая пара.

Она шутила в таком же духе еще несколько минут, но не плакала, да и порошу у нее хватило не надолго. Под конец она сказала, что ни в чем меня не винит.

– Сама виновата, – бросила она через плечо, спускаясь с горы, – надо расплачиваться за то, что влюбилась в такое вопиющее ничтожество.

Поделом мне.

Я не стал лезть на Мушкет-гору после этого. А пошел домой. Лучше было обдумать свои дела в собственном гараже, куда не залетят шальные снаряды из моего прошлого, где никто не помешает. Но у своего дома я застал служащего Объединенной Посылочной Компании, он звонил в звонок. Я его не знал. Он был приезжий, потому что никто из местных не стал бы спрашивать, почему в доме задернуты все занавески. Все, кто прожил в Сципионе хоть недолгое время, знали, почему задернуты занавески.

Здесь жили сумасшедшие.

Я сказал ему, что в доме больные, и спросил, чем могу быть полезен.

Он сказал, что принес мне вот эту большую коробку из Сент-Луиса, штат Миссури.

В Сент-Луисе, да и во всем штате Миссури, у меня знакомых не было, и я не ждал посылки вообще ниоткуда. Но он показал, что посылка адресована мне лично, и я сказал:

– Ладно, давай поглядим.

Оказалось, это мой старый солдатский сундучок из Вьетнама, который я бросил, когда экскременты влетели в вентилятор и мне было приказано заняться эвакуацией персонала с крыши посольства.

Это не было для меня полной неожиданностью. Несколько месяцев назад я получил сообщение, что сундучок хранится на большом армейском складе, где собрали разные вещи, забытые или брошенные на поле боя, и склад был действительно в пригороде Сент-Луиса. Какой-то идиот сунул мой сундучок в один из последних американских самолетов, покидавших Вьетнам, лишив тем самым противника таких трофеев, как моя зубная щетка, несколько пар носок и нижнего белья, а вдобавок и подарка на день рождения от покойного Джека Паттона – журнала «Черный пояс». Не прошло и 14 лет, как Армия сообщила о моем имуществе и запросила, хочу ли я получить его обратно. Я ответил: «Да». Прошло всего 2 года, и вот, сундучок доставили ко мне домой. Ледники – и те, пожалуй, ползут порезвее.

Мы с посыльным внесли сундучок в гараж. Он был не то чтобы тяжелый, просто одному было несподручно тащить.

«Мерседес» был припаркован снаружи. Я еще не заметил, что городская шпана опять напакостила. Все 4 колеса были спущены.

Кхе, кхе.

Посыльный был на самом деле желторотым юнцом. Он еще настолько не привык к своей работе, что не удержался и совсем по-детски спросил, что там внутри.

– Если бы вьетнамская война еще не кончилась, там внутри мог бы быть ты, – сказал я. Я хотел пошутить – мол, он мог бы сыграть в ящик во Вьетнаме.

– Не понял, – сказал он.

– Не бери в голову, – сказал я. Я сшиб замок молотком. Я поднял крышку ящика, который для меня и вправду был вроде гроба. Там лежали останки того солдата, которым я был когда-то. А поверх всего, вверх обложкой, красовался журнал «Черный пояс».

– Ух ты! – сказал паренек. Его наповал сразила девица на обложке. Можно было подумать, что он – астронавт, впервые запущенный в космос.

– Никогда не собирался стать солдатом? – спросил я его. – Из тебя вышел бы хороший солдат.

Я его больше не встречал. Может, его быстро выгнали, и он уехал куда-то искать работу. Не много у него было шансов удержаться на службе, если он и дальше собирался крутиться под ногами, как мальчишка у Рождественской елки, пока не увидит, что кому прислали.

Я засел в гараже. Не хотелось мне идти в дом. И на улицу выходить тоже не хотелось. Я пристроился на своем солдатском сундучке и стал читать «Протоколы Тральфамадорских Мудрецов» в «Черном пояске». Там было написано про разумные потоки энергии длиной в триллионы световых лет. Они задалась целью распространить смертные и способные к самовоспроизведению формы жизни по всей Вселенной. Так что некоторые из них, Мудрецы, назначили встречу, то есть пересеклись возле планеты, называемой Тральфамадор. Автор так и не сказал, почему это Мудрецам так приспичило заняться распространением жизни. У меня к нему претензий нет. Мне самому кажется, что стараться сделать каждую годную для обитания планету обитаемой – это все равно что стараться наградить всех без исключения грибом на ногах.

Мудрецы посовещались и решили, что единственный способ преодоления громадных расстояний в космосе для живой материи – найти мельчайшие растеньица и животных, которые могут выдержать путешествие на попутных метеорах, отскочивших рикошетом от их родных планет.

Только вот нигде не родились достаточно закаленные организмы, способные перенести подобное путешествие. У них была слишком легкая жизнь. Все они были неженки, слабаки. Для эволюции и закалки любое существо, которое они заражали, было – с химической точки зрения – все равно что питательный куриный бульончик.

Когда происходило совещание Мудрецов, на Земле уже жили люди – такая же тепленькая питательная среда для микробов, как куриный бульон. Но мозг у них был хорошо развит, и многие умели говорить. Кое-кто даже мог читать и писать! Поэтому Мудрецы обратили на них внимание и подумали: а не могут ли человеческие мозги изобрести самые что на есть ужасные тесты на выживание для микробов.

Они разглядели в нас потенциальные возможности стать отравителями Вселенной. И мы не обманули их ожидания.

Хорошенькая история!

Дальше в этой повести говорилось, что тогда же впервые была записана история Адама и Евы. Писала женщина. А до тех пор эта симпатичная ахинея передавалась из уст в уста, от поколения к поколению.

Мудрецы допустили, чтобы она записала этот миф в том виде, в каком она его слышала, как его всегда рассказывали, пока она не дошла почти до самого конца. Тут-то они и завладели ее мозгом и заставили ее написать кое-что, что до того к мифу никакого отношения не имело.

Это была речь, обращенная Богом, очевидно, к Адаму и Еве. Вот она, и из-за нее-то жизнь вскоре превратилась для микробов в сущий ад.

– Плодитесь и размножайтесь, наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными и над всяким животным, пресмыкающимся по Земле.^{[15](#)}

Кхе.

Так что люди на Земле решили, что Творец Вселенной самолично дал им указание разнести шарик ко всем чертям. Но они, на взгляд Мудрецов, занялись этим спустя рукава, поэтому Мудрецы вложили людям в голову мысль, что они-то и есть та форма жизни, которая должна завоевать всю Вселенную. Дурацкая идея, ясно. По словам безымянного автора: «Ну, могла ли эта куча мяса, которой нужна прорва еды, воды, кислорода и от которой получают горы навоза, даже мечтать о том, чтобы выжить и преодолеть хоть малое расстояние в безграничной пустоте космического пространства? Можно только удивляться, как эти ненасытные, неповоротливые увальни могут сползать в ближайшую лавочку за упаковкой пива».

Кстати, Мудрецы отказались от попыток воздействовать на гуманоидов Тральфамадора, которые находились у них, можно сказать, под рукой. У тральфамадорцев было чувство юмора, и они прекрасно понимали, какие они недотепы, а может, и вовсе недоумки. Они оказались невосприимчивыми к тем киловольтам гордыни, которыми Мудрецы обработали их мозги. Они покатались со смеху, как только у них в головах возникла мысль, что они – венец творения и слава Вселенной, что им предназначено завоевать другие планеты и покорить их своим неподражаемым величием. Они отлично знали, как они глупы и неклюжи, несмотря на то, что они умели говорить, а некоторые из них даже умели читать, и писать, и считать. Один из них даже написал серию уморительных анекдотов о том, как тральфамадорцы являются на другие планеты, чтобы сеять Разумное, Доброе, Вечное.

А вот земляне, начисто лишенные чувства юмора, попались на эту удочку.

Мудрецы заподозрили, что здешнее население готово принять на веру любую сверхъестественную галиматью, лишь бы это было для них лестно. Чтобы убедиться, они провели эксперимент. Они вложили в головы

землянам такую мысль: вся Вселенная сотворена одним большим живым существом, как две капли воды похожим на них самих. Оно сидело на троне, а кругом были расставлены троны попроще. Когда люди умирали, они оказывались на этих тронах, где и сидели до скончания веков, потому что они были самой близкой родней Творца.

И люди тут, внизу, заглотали приманку вместе с крючком!

И вот что еще пришлось по душе Мудрецам: Земляне ненавидели и боялись всех других Землян, которые не так выглядели и говорили хоть чуточку иначе, чем они сами. Они превратили жизнь в адскую пытку друг для друга и для тех, кого они прозвали «низшими животными». Собственно, всех чужих они считали низшими существами.

Так что если Мудрецы хотели обеспечить микробам суровые и жесткие условия для естественного отбора, им оставалось только научить нас делать более эффективное оружие при помощи Физики и Химии. С этим мудрецы мешкать не стали.

Они стукнули Исаака Ньютона по макушке падающим яблоком.

Они заставили юного Джеймса Уатта наострить уши, когда чайник его матушки запел и засвистел.

Мудрецы заставили нас думать, что Творец на большом троне так же люто ненавидит чужаков, как и мы, и что мы окажем Ему величайшую услугу, если постараемся истребить их любыми доступными нам

средствами.

Тут, внизу, идея имела сногшибательный успех.

Ждать пришлось недолго, пока мы состряпали смертельнейшие во всей Вселенной яды и принялись почем зря травить и воздух, и воду, и почву. Как сказал автор – хотелось бы мне знать его имя! – «Микробы дошли триллионами или переставали размножаться, потому что больше не годились для своего дела».

Но самая малость все же выжила и даже стала процветать, хотя почти все остальные формы жизни на Земле приказали долго жить. А когда все живое на Земле погибло, и наша планета стала стерильной, как Луна, эти микробы впали в зимнюю спячку в виде практически неразрушимых капсул, которые могли ждать сколько угодно, пока какой-нибудь залетный метеор не стукнется о Землю. Так, наконец, путешествия в космосе стали реальностью.

Если вдуматься, то Мудрецы опирались в своих действиях на своеобразную теорию просачивания. Когда у нас упоминают о «теории просачивания», это обычно относится к области экономики. Чем богаче становятся люди в верхних слоях социума, тем, как считают, больше богатства просачивается в нижние слои. Само собой, эта теория в жизни никогда не действует, потому что если и есть 2 вещи, которых люди на верхушке на дух не переносят, так это утечки и перепроизводство.

Но задумка Мудрецов – чтобы бедствия более высокоразвитых животных просачивались вниз до самых мелких микроорганизмов – осуществилась, как голубая мечта.

В той истории было еще много чего. Автор научил меня новому названию: «Последняя Петарда». Слова были взяты, кажется, из лексикона пиротехников – специалистов по устройству оглушительных и ослепительных, но достаточно безопасных взрывов для патриотических пароксизмов на праздниках. Эта Последняя Петарда представляла собой доску метра 3 в длину, 20 сантиметров в ширину и 5 сантиметров толщиной, к которой прибивали гвоздями разнообразные шутихи, ракеты, снаряды, соединенные гнездами одним запальным шнуром.

Когда казалось, что фейерверк уже отпыхал, Мастер Пиротехник поджигал фитиль Последней Петарды.

Автор применил этот термин, говоря о 2 мировой войне и о первых послевоенных годах. Он назвал это время «Последней Петардой так называемого Прогресса Человечества».

Если автор был прав, и единственная цель жизни на Земле заключалась в том, чтобы путем отбора подготовить микробов к путешествию в космосе, тогда любой, даже самый великий представитель человечества – Шекспир, или Моцарт, или Линкольн, или Вольтер и кто бы там ни было – служил всего лишь чашечкой Петри в Великом Замысле Бытия.

В этой повести Мудрецы проявили, мягко говоря, полное безразличие ко всем страданиям жителей Земли. Когда в старом добром 71 году до Рождества Христова 6 000 взбунтовавшихся рабов были распяты по обе стороны Аппиевой дороги, Мудрецы были бы очень довольны, если бы кто-нибудь из распятых плюнул в лицо Центуриону и заразил его гриппом или ТБ.

Если бы мне предложили угадать, когда написаны «Протоколы Тральфамадорских Мудрецов», мне пришлось бы сказать: «Давным-давно, после 2 мировой войны, но перед войной в Корее, которая началась в 1950 году, когда мне было 10». Там не упоминалась Корея, как составная часть Последней Петарды. Там было много разглагольствований про то, как сделать планету раем, истребив всех вредных насекомых и микробов, как получать на атомных электростанциях такую дешевую энергию, что даже электросчетчики больше не понадобятся, и как сделать, чтобы у каждого был автомобиль мощностью больше 200 лошадей и в 3 раза резвее, чем гепард, и как попутно испепелить другую половину планеты, если там людям взбредет в голову, что именно их образ мыслей должен быть распространен по всей Вселенной.

Возможно, эту историю перепечатали пиратским образом из другого издания, так что фамилию автора не назвали умышленно. Какой уважающий себя писатель, между нами говоря, согласится, чтобы его произведение опубликовали в «Черном пояске»?

В тот момент я еще не понимал, как сильно подействовала на меня эта история. Я читал, чтобы еще немного оттянуть время, когда придется искать новую работу и новое жилье, и это в 51 год, с 2 сумасшедшими на шее! Но где-то в глубине чтение начинало забирать, как мягкое обезболивающее. С каким облегчением я узнал, что кто-то разделяет мое мнение, зародившееся еще в конце вьетнамской войны и окрепшее после того, как я увидел голову человека, водруженную на кучу кишок домашнего буйвола на окраине камбоджийской деревушки: то, что Человечество идет к прекрасному будущему, – сказка для детишек до 6 лет, вроде Феи-Крестной, Пасхального Кролика и Санта Клауса.

Кхе.

Я вам назову одного микроба, который вполне готов отправиться к Поясу Ориона, или Ручке ковша Большой Медведицы, или в любую точку Земли хоть сейчас – это возбудители гонорреи, которых я привез домой из Тегусигальпы, столицы Гондураса, еще в 1967 году. Похоже было на то, что они останутся со мной на всю жизнь. А теперь они, наверное, могут жрать битое стекло и бритвенные лезвия.

А микробы ТБ, от которых я все время кашляю, форменные домашние котята. В аптеках есть несколько лекарств, к которым они так и не приспособились. Мне заказали самые сильные из них уже несколько недель назад, так что их могут доставить из Рочестера в любую минуту. И если кто-нибудь из моих микробов воображает себя первопроходцем космоса, пусть с этой мыслью распрощится. Им открыт только один путь – в туалет.

Von voyage!

Послушайте-ка – вы уже знаете, что я составляю 2 списка: 1 – женщин, с которыми я занимался любовью, и 1 – мужчин, женщин и детей, которых я убил? И я все яснее вижу, что оба списка будут одинаковой длины! Вот это совпадение! Когда я начал составлять список тех, кого я любил, я хотел, чтобы общий итог мог послужить мне эпитафией – просто цифра, и все. Но разрази меня Бог, если та же самая цифра не обозначает число тех, кого я убил!

Это еще одно чудо, вроде того, что студенты Таркингтона были на каникулах во время эпидемии дифтерита, и 2-й раз, когда заключенные сбежали из тюрьмы. Долго ли мне еще быть Атеистом?

«Есть в мире тьма, Гораций, кой-чего»...¹⁶

А вот как вышло, что я получил работу в тюрьме за озером в тот же день, как только меня выгнали из Таркингтоновского колледжа.

Я вышел из гаража, прочитав, что не люди, а микробы – любимчики Вселенной. Я сел в «Мерседес», собираясь подъехать в кафе «Черный Кот», послушать разговоры – может быть, кто-нибудь ищет работника на любую работу в этой долине. Но все 4 шины только сделали «пуф-ф, пуф-ф, пуф-ф».

Все 4 колеса были ночью «выпотрошены» городскими подонками. Я вылез из «Мерседеса», и мне вдруг захотелось в уборную. Но я не хотел входить в свой собственный дом. Не хотел говорить с психами. Не соскучишься, верно? Какой микроб может похвастаться такой богатой испытаниями и возможностями жизнью?

Но в меня по крайней мере никто не стрелял, и меня не разыскивала полиция.

И я пошел на пустой участок, через дорогу от моего дома и пониже, потому что мой дом стоял на склоне. Там рос густой бурьян. Я вытащил свой диндон и увидел, что он нацелен прямо на чудесный итальянский гоночный велосипед, лежавший на боку. Велосипед прятался там, сказочный и бесхитростный. На его месте мог быть единорог.

Облегчившись в другом месте, я поставил это совершенное механическое животное на ноги. Он был новехонький. Сиденье у него было в форме банана. Как у кого-то хватило духу его выбросить? До сих пор не могу понять. Несмотря на то что у нас громадный мозг и библиотеки ломаются от книг, есть вещи, которых нам, постоянным дворам для микробов, просто не понять. Я думаю, что какой-нибудь мальчишка из бедной семьи, из Сципиона, набрел на него, когда шатался по студенческому городку. Он решил – и я бы так подумал на его месте, – что велосипед принадлежит таркингтоновскому студенту, у которого денег куры не клюют, и наверняка есть еще дорогая машина и больше красивых шмоток, чем парню достанется за всю жизнь. Ну, он и взял велосипед, как я его возьму в свою очередь. А потом струхнул, что мне не грозило, и спрятал его в бурьяне, чтобы не загромоздить в тюрьму за грабеж.

Как я вскоре убедился, велосипед на самом деле принадлежал бедняку, подростку, который работал после школы на конюшне, и он наскреб, накопил денег на этот роскошный велосипед, самый лучший из всех, какие

были в Таркингтоне.

Разыграем дальше мой сценарий, основанный на ошибке, будто велосипед принадлежит богатому мальчишке: мне казалось вполне вероятным, что богатенький студент потерял счет своим дорогим игрушкам и просто не желал заниматься еще и этой. Может, велик не влезал в багажник его «Феррари Гран Туризмо». Вы не поверите, сколько дорогих вещей – бриллиантовых сережек, часов фирмы «Ролекс» и прочего скопилось в Бюро Находок колледжа, и никто за ними так и не явился.

Испытываю ли я неприязнь к богатым? Нет. Достаточно того, что я их замечая. Я согласен с великим писателем-социалистом Джорджем Оруэллом, который считал, что богатые – это просто бедняки при деньгах. Я потом узнал, что большинство населения тюрьмы за озером придерживалось того же мнения, хотя никто из них слыхом не слыхал про Джорджа Оруэлла. Многие обитатели тюрьмы и сами были «бедняками при деньгах» до того, как их поймали, и машины у них были самые дорогие, и драгоценности, и часы, и одежда. У многих – например, у подростков, торговавших наркотиками, – были, конечно, такие же сказочные велосипеды, как тот, что я нашел в бурьяне на склоне холма над Сципионом.

Когда заключенные узнавали, что у меня всего-то 6-цилиндровый «Мерседес», они презирали или жалели меня. Точь-в-точь как студенты в Таркингтоне. Я мог бы с тем же успехом ездить на потрепанном допотопном пикапе.

Я вывел велосипед из бурьяна на крутой склон Клинтон-стрит. Чтобы оказаться у крыльца «Черного Кота», мне не надо было нажимать на педали или заворачивать за угол. А вот тормоза были нужны, и я их опробовал. Если тормоза не в порядке, я вылечу со старого грузового причала птичкой,

прямо в озеро Мохига.

Я сел в похожее на банан седло, которое оказалось на удивление удобным для моего чувствительного седалища. Плавный полет с холма на этом велосипеде ни в малейшей степени не напоминал распятие.

Я поставил велосипед на самом виду перед дверью кафе «Черный кот» и заметил несколько пробок от шампанского на дорожке и в канаве. Во Вьетнаме это были бы стреляные гильзы. Здесь Артур К. Кларк собирал свою моторизованную бригаду для не встретившего сопротивления штурма Таркингтона. Здесь его вояки со своими дамами выпили первые бутылки шампанского. Там валялись и объедки сэндвичей, я даже наступил на один такой – то ли с огурцом, то ли с кресс-салатом. Я соскреб его о край тротуара, оставил микробам на пропитание. Но я вам вот что скажу: ни один микроб, вскормленный этой детской размазней, не вырвется из Солнечной Системы.

Плутоний! Вот это жратва, которая сделает из микроба настоящего крутого парня.

Я вошел в кафе «Черный Кот» впервые в жизни. Теперь это был и мой клуб, так как меня вышибли вниз, к Городским. Может, пропустив стаканчик-другой, я взберусь на холм и выпущу воздух из нескольких мотоциклов и лимузинов Кларка.

Я протолкался к стойке и сказал:

– Налей-ка мне «итальяшку».

Я слышал, как горожане называли так пиво Будвейзер, с тех пор, как итальянцы закупили Анхейзер-буш, компанию, производившую Будвейзер. Вдобавок итальянцы получили еще и команду «Кардиналов» из Сент-Луиса.

– Италияшка-милашка, – сказала барменша. Это была женщина, за

которой я бы приударил хоть сейчас, не будь у меня ТБ. Ей было под сорок, в последнее время ей жутко не везло, и она не знала, к кому приткнуться. Мне все про нее было известно. Как, впрочем, и всему городу. Они с мужем ремонтировали старинное кафе-мороженое через 2 дома от кафе «Черный Кот». Потом ее муж умер – надышался растворителя для масляной краски. Микробам, которые жили у него внутри, тоже, видно, не поздоровилось.

Впрочем, как знать? Вполне возможно, что Тральфамадорские Мудрецы специально заставили ее мужа реставрировать кафе-мороженое, чтобы у нас появился новый штамм микробов, способных выжить, если им придется пролетать через облако растворителя где-нибудь в космосе.

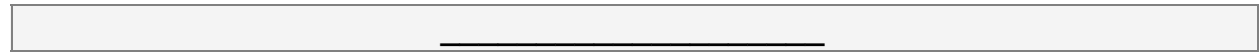
Звали ее Мюриэль Пэк, а ее муж Джерри Пэк был прямым потомком первого Президента Таркингтоновского Колледжа. Отец его вырос в нашей долине, но сам Джерри воспитывался в Сан-Диего, в Калифорнии, и там же поступил на работу в компанию по производству мороженого. Компанию купил президент Заира Мобуту, и Джерри отказали от места. Тогда он вернулся сюда с женой и 2 детьми, искать свои корни.

Так как он уже имел дело с мороженым, было совершенно естественно и разумно – купить старое кафе-мороженое. Для всех, кого это затронуло, было бы лучше, если бы он знал чуть поменьше о мороженом и чуть побольше о растворителе.

Мы с Мюриэль станем любовниками, но после того, как я проработаю

в Афинской тюрьме 2 недели. Я наконец набрался смелости и спросил ее, зная, что и она и Джерри имели высший балл по литературе в Суортморском колледже, нашлось ли у кого-нибудь из них время, чтобы прочитать надпись на банке с растворителем.

– Нашлось, когда было уже поздно, – сказала она.

Там, в тюрьме, я познакомился со множеством заключенных, которые пострадали не от растворителя, а от самой краски. В детстве они грызли щепки или дышали пылью свинцовых белил. Свинцовое отравление сделало их умственно неполноценными. Все они угодили в тюрьму за самые дурацкие преступления, какие можно вообразить, и мне так не удалось ни 1-го из них выучить читать или писать.

Может быть, благодаря им у нас теперь завелись микробы, которые могут есть свинец?

Я знаю, что есть микробы, которые едят нефть. Откуда они взялись, я понятия не имею. Может, это потомки гондурасских гонококков.

На торжественном открытии Кафе-Мороженого «Мохига» Джерри Пэк присутствовал в инвалидной коляске, с кислородной подушкой на коленях. Но они с Мюриэль стали владельцами славного маленького заведения. И таркингтонцы, и городские были в одинаковом восторге от интерьера и от роскошного мороженого.

Однако через 6 месяцев после открытия туда явился человек и все сфотографировал. Потом он вытащил рулетку, все промерил, а цифры занес в книжечку. Пэки, польщенные, спросили его – откуда он, не из архитектурного ли журнала? Он сказал, что работает у архитектора, который делает проект нового центра отдыха для студентов там, на холме, который назовут Павильон Пахлави. Семейство Пахлави пожелало, чтобы там тоже было кафе-мороженое, точь-в-точь такое, как у них, до мелочей.

Похоже, что Джерри Пэка прикончил вовсе не растворитель.

Этот Павильон разорил и владельцев единственного в долине кегельбана. Нельзя было сделать бизнес за счет одних горожан. Так что всем, кто хотел играть в кегли и не был вхож в Таркингтон, приходилось ехать за 30 километров к северу, в кегельбан рядом с Кинокомплексом Медоудейл, через дорогу от Арсенала Национальной Гвардии.

В это время дня в кафе «Черный Кот» было затишье. Может, там были несколько проституток на стоянке, но в кафе – ни одной.

Владелец, Лайл Хупер, по совместительству Шеф Добровольной Пожарной Бригады и Нотариус, сидел в уголке, что-то писал в бухгалтерской книге. Он так до конца своей жизни и не признался, что

благодаря девицам на стоянке он зарабатывал большую часть денег за счет продажи спиртного и закусок, да и автомат для продажи презервативов в мужской уборной тоже не простаивал.

Само собой, с точки зрения Тральфамадорских Мудрецов, этот автомат представлял реальную угрозу для их космических программ.

Лайл Хупер был полностью в курсе моих сексуальных подвигов, потому что заверял, как нотариус, все свидетельские показания в той папке. Но со мной он об этом ни словом не обмолвился, да и с другими тоже, я уверен. Он был нем как могила.

Пожалуй, Лайл был самым популярным человеком в нашей долине. Горожане, и мужчины, и женщины, так его любили, что никто из них ни разу не назвал его заведение бардаком. На холме, разумеется, его иначе не называли.

Горожане поддерживали и сохраняли тот имидж, который он сам себе создал, несмотря на рейды полиции штата и визиты представителей Департамента Здравоохранения округа: мол, я человек семейный, владелец закусочной, которая процветает только благодаря высокому качеству напитков и закусок, которые там подают. Эта доброжелательная круговая порука заодно защищала и сына Лайла, Чарлтона. Чарлтон вымахал на 2 метра ростом и к окончанию Сципионской средней школы был уже центральным нападающим команды Звезд Школьного Баскетбола штата Нью-Йорк, а об отце всегда говорил только одно: он – владелец ресторана.

Чарлтон был таким феноменальным баскетболистом, что его пригласили сыграть за команду «Никербокеров» из Нью-Йорка, которая тогда еще принадлежала Американцам. А он вместе этого пошел в Мичиганский Технологический Институт, учился на полном государственном содержании и стал ведущим ученым. Он заведовал колоссальным ускорителем субатомных частиц под Ваксахачи, что в Техасе, который прозвали «Сверхвышибалой».

Насколько мне известно, тамошние ученые испытывали тайны элементарных частиц, заставляя их расщепляться на фотопластины. Почти то же самое мы иногда делали во Вьетнаме с теми, кого подозревали в шпионаже.

Я, кажется, уже говорил, как я вышвырнул одного такого из вертолета?

Горожанам не приходилось держать языки за зубами и не выдавать причин процветания «Черного Кота», ради того, чтобы поберечь нежные чувства жены Лайла. Она от него ушла. Прожив полжизни, она вдруг обнаружила, что она – лесбиянка, и сбежала на Бермудские острова с учительницей гимнастики из женской средней школы; они там давали уроки парусного спорта, а может, и до сих пор этим занимаются.

Я как-то раз попробовал за ней приударить на ежегодном балу для студентов и горожан у нас на холме. Я понял, что она лесбиянка, еще до того, как она сама догадалась.

Но перед самой смертью, 2 года назад, когда Лайл Хупер был захвачен беглыми рецидивистами и сидел здесь, в башне, они называли его «Котом». Например: «Эй, Кот, как тебе нравится видок?» или: «Как считаешь, Кот, что бы нам с тобой сделать?» и прочее в том же роде. Там, наверху, было холодно и мокро. Когда на колокольню заносило ветром снег или дождь, он просеивался через изрешеченный, как сито, потолок. Это беглые заключенные палили вверх почем зря, когда сообразили, что среди колоколов засел снайпер.

Электричества не было. Вся электропроводка и телефонная сеть была оборвана. Когда я зашел туда навестить Лайла, он уже знал, откуда взялись эти бесчисленные дырочки, знал и про то, что снайпер был распят на чердаке. Он знал, что беглые преступники еще не решили, как с ним быть.

Он знал, что совершил, по их меркам, самое натуральное убийство. Он с Уайти ван Эрсдейлом подкараулил и застрелил 3 беглых заключенных, которые шли по старой выючной тропе к верховьям озера, на переговоры с полицией, политиками и армейскими, стоявшими у блокированной дороги. Эти будущие парламентареры несли белые флаги – наволочки, привязанные к палкам от метел, а Лаил Хупер и Уайти ван Эрсдейл взяли да и уложили их на месте.

Потом Уайти тоже получил пулю и тут же скончался, а Лайла захватили в плен.

Но больше всего Лайла, как я понял из нашего разговора, обижало то, что все заключенные называли его «Котом», не иначе.

Здесь настало время, для простоты изложения, назвать беглых рецидивистов, обосновавшихся в Сципионе, так, как они сами себя называли, а именно: «Борцы за Свободу».

Так что Лайл Купер нес прямую ответственность за смерть 3 Борцов за Свободу, которые несли белые флаги. Борец за Свободу, который стоял на страже у башни, когда я заходил к Лайлу, был, в довершение всего, сводным братом и партнером, вместе с их общей бабулей, по наркобизнесу 1-го из Борцов за Свободу, которого убил сам Лайл или Уайти, профессионального «медвежатника».

Но Лайл ни о чем не мог говорить, кроме того, как ему больно и обидно, что его зовут «Котом». Хотя ведь для многих, если не для большинства, Борцов за Свободу ничего обидного в этой кличке не было. Что они, сутенеров не видали?

Лайл рассказал мне, что вырастила его бабка с отцовской стороны, и она заставила его дать слово, что он сделает мир хоть немного лучше, чем он был раньше.

– Сдержал я слово, Джин? – сказал он. Я сказал, что да. Он ждал смертной казни, и я не собирался ему втолковывать, что всякие засады, насколько я знаю по собственному опыту, делают мир куда хуже, чем он был до того.

– У меня было приличное, чистенькое заведение, я воспитал чудесного сына, – сказал он. – А сколько пожаров потушил!

Члены Попечительского Совета сказали Борцам за Свободу, что Лайл держал бардак. Если бы не это, они думали бы, что он был просто ресторатором и Брандмайором.

Глядя, как мучается Лайл Хупер на колокольне, я вспомнил, в каком настроении был мой отец, когда ему отказали от места в Барритроне, и он отправился в путешествие по внутренним водным путям с Восточного побережья, от Сити-Айленда в Нью-Йорке до Палм Бич, во Флориде. Его взял с собой на моторную яхту бывший сосед по комнате в колледже, которого звали Фред Хэнди. Хэвди тоже учился на инженера-химика, но потом занялся наркобизнесом. Он узнал, что отец впал в глубокую депрессию. И решил, что прогулка на яхте его подбодрит.

Но всю дорогу до Палм Бич, где у Хэнди было поместье на самом берегу, вниз по Ист-ривер, вниз по Заливу Барнкет, вверх по Заливу Делавар, через Чесапикский Залив и по каналу сквозь Непроходимые

болота, и дальше, и дальше – яхте приходилось раздвигать носом сплошной ковер пляшущих на волнах пластиковых бутылок – от берега до берега, от горизонта до горизонта. Бутылки были из-под тормозной жидкости, из-под отбеливателя для стирки и прочего в этом роде.

Отец принимал большое участие в создании этих бутылок. И он, конечно, знал, что они могут болтаться на волнах еще 1 000 лет. Гордиться тут было нечем.

И эти бутылки на своем языке называли отца так же, как Борцы за Свободу – Лайла Хупера.

Последние слова, которые вырвались у Лайла в момент отчаяния, когда его вели из колокольни к месту казни у стен Самоза-Холла, сошли бы за неплохую эпитафию моему отцу:

Последние слова Лайла Хупера, по моему мнению, подкрепленному преимуществом обзора отсюда, из 2001 года, могли бы стать достойной эпитафией подавляющего большинства взрослых людей, жителей стран с развитой индустрией, в 20 веке. Ну куда им было деваться, если почти всякая работа, какую они или их родные могли получить, была связана с крупным мошенничеством, наглым разбазариванием народного достояния под видом законной деятельности или с разрушением пищевых связей, почвы, вод, атмосферы?

После казни Лайла Хупера (он получил пулю в затылок) я навестил Попечителей, сидевших в конюшне. Текс Джонсон был все еще приколот гвоздями к крестовине на чердаке, над их головами, и они об этом знали.

Но прежде чем рассказывать об этом, я, пожалуй, расскажу, как я поступил на работу в Афинскую тюрьму.

Значит, сижу я тогда, в 1991, у стойки бара в кафе «Черный Кот», потягиваю свой Будвейзер, то есть «итальяшку». Мюриэль Пэк рассказывает, как это было здорово – она сама видела все мотоциклы, лимузины, всех знаменитостей прямо перед входом в кафе. Она поверить не могла, что находится в двух шагах от Глории Уайт и Генри Киссинджера.

Несколько веселых гуляк вошли в кафе – кому надо было выпить воды, кому в туалет. Артур К. Кларк обеспечил все, кроме воды и туалета. И Мюриэль осмелилась спросить кое-кого из гостей, кто они такие и чем занимаются.

Трое из них были Черные. Одна из них, Черная женщина, только что выиграла 57 000 000 долларов в Лотерее Штата Нью-Йорк, а 2 других Черных были игроки в бейсбол, и зашибали они по 3 000 000 долларов в год.

Белый, который держался в сторонке и, похоже, не знал, куда приткнуться, по словам Мюриэль, оказался обозревателем книжного отдела «Нью-Йорк Таймс». Он написал восторженный отзыв на автобиографию Кларка, «Не стыдитесь своих денег».

Один из тех, кто зашел воспользоваться туалетом, был автором страшных рассказов, по которым было снято множество фильмов ужасов, пользовавшихся неслыханным успехом. Я вспомнил, что читал несколько его книжек во Вьетнаме – как ни в чем не повинных людей убивали ожившие мертвецы, разгуливающие с топорами, кинжалами и прочим оружием.

Одну из книжечек я передал Джеку Паттону, а потом спросил, какого он о ней мнения. Но не стал ждать ответа, а сказал сам:

– Не стоит трудиться, Джек. Я сам знаю. Ты чуть не лопнул со смеху.

– Это не все, майор Хартке, – ответил он. – Я придумал, про что ему надо написать в следующей книжке.

– Про что? – спросил я.

– Про Б-52, – сказал он. – Кругом сплошная кровь и расплющенные кишки.

Один из посетителей туалета, который по секрету сказал Мюриэль, что у него понос, и спросил, нет ли у нее в аптечке какого-нибудь лекарства, оказался Космонавтом на пенсии, она его узнала в лицо, но фамилию не вспомнила. Она то и дело видела его в рекламных роликах – он рекламировал лекарства от головной боли и дом для престарелых в Какао-Бич, во Флориде, неподалеку от мыса Кеннеди.

Похоже, что Артур К. Кларк, помимо своих многочисленных занятий, имел еще и причуду – коллекционировать людей. Он приглашал людей, которых почти не знал, но которые чем-то привлекли его внимание, и они шли на его приемы, да как! Еще 1, как Мюриэль мне сказала, получил в наследство от отца картину Марка Ротко¹⁷, и продал ее только что за

37 000 000 долларов – это рекордная цена за работу американского художника.

Сам Ротко давным-давно покончил с собой.

С него хватило.

Он вышел из игры.

– Она такая коротышка, – сказала мне Мюриэль. – Я прямо удивилась, какая она маленькая.

– Кто? – сказал я.

– Глория Уайт, – сказала она.

Я спросил, как ей понравился Генри Киссинджер. Она сказала, что у него голос обалденный.

Я его видел, на Лужайке в колледже. И хотя я послужил пешкой в его политической игре, я не чувствовал, чтобы нас что-то связывало. Его лицо показалось мне знакомым. Он вполне мог оказаться, как Глория Уайт, актером, которого я видел во множестве фильмов.

Однажды он мне приснился, уже здесь, в тюрьме. Он был женщиной. Он был цыганкой-гадалкой и смотрел в свой хрустальный шар, не говоря ни слова.

Я сказал Мюриэль:

– Не нравится мне ваш вид.

– Что? – сказала она.

– Вид у вас очень усталый, – сказал я. – Спите хорошо?

– Спасибо, нормально, – сказала она.

– Простите, – сказал я. – Конечно, это не мое дело. Просто вы так живо рассказывали про этих мотоциклистов. А потом вы замолчали, как будто сняли маску, и мне показалось, что вы измотались вконец.

Мюриэль знала, кто я такой. Она видела меня не меньше двух раз в неделю в обществе Милдред и Маргарет, пока кафе-мороженое еще работало. Так что мне не пришлось говорить ей, что и я, как она, практически одинок. Она своими глазами видела, как я добр и терпелив со своими более чем бесполезными родственницами.

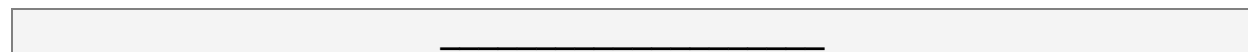
Так что она была заранее ко мне расположена. Она мне доверяла и с неподдельной благодарностью откликнулась на мою заботу о ее благополучии.

– Если хотите знать правду, – сказала она, – я почти и не сплю, все переживаю за детишек. Их у нее было 2.

– Сейчас дела так плохи, – сказала она, – что я даже не знаю, смогу ли послать хоть 1 из них в колледж. Я из семьи, где все учились в колледже, не видя в этом ничего особенного. Теперь все позади. И ни 1 из них не занимается спортом.

Мы могли бы стать любовниками прямо в ту ночь, а не 2 недели спустя, если бы в кафе не ворвался разъяренный, похожий на чудовищную глыбу толстяк, с воплем:

– Где он, этот щенок? Подавайте его сюда! Он спрашивал про мальчишку, который работал после школы в Таркингтоновской конюшне, чей велосипед я украл. Я оставил велосипед на самом виду, возле входа. Все заведения и лавки на Клинтон-стрит были закрыты, от причала до середины холма. Так что единственное место, где мог быть этот паренек, – кафе «Черный Кот», или, что еще хуже, один из фургончиков на стоянке за домом.

Я сделал вид, что я тут ни при чем.

Мы с ним вышли на улицу, посмотреть, о каком таком велосипеде он говорит. Я выдвинул теорию, что мальчик ни в чем не виноват, он хороший малый, и его тут духу не было, а какой-то злодей стащил у него велосипед и

бросил здесь. Тогда он кинул велосипед в кузов своего потрепанного пикапа и сказал, что опаздывает, надо договориться о работе в тюрьме, на том берегу.

– А какая работа? – спросил я. И он сказал:

– Они там набирают учителей.

Я спросил, можно ли мне поехать с ним. Он сказал:

– Только если ты не собираешься учить тому, чему могу учить я.

– Возьмусь за все, что тебе не подойдет, – сказал я.

– Я хочу учить столярному делу, – сказал он. – Ты хочешь учить столярному делу?

– Нет, – сказал я.

– Честное слово? – сказал он.

– Честное слово, – сказал я.

– О'кей, – сказал он. – Давай, влезай.

Чтобы вам стало понятно, как рядовые охранники в Афинах относились к белым людям – а о Черных и говорить нечего, – вы должны знать, что почти все они были родом с самого северного из островов Японии – Хоккайдо. Примитивные аборигены на Хоккайдо, айны, считаются ужасными уродами, потому что они такие бледнолицые и волосатые – настоящие Белые люди. С генетической точки зрения они такие же белые, как Нэнси Рейган. Их далекие предки совершили ошибку: когда их стали угнетать и унижать более высокоразвитые цивилизации Востока, они подались на север, вместо того, чтобы уйти на запад, в Европу, а затем, само собой, и в Западное полушарие.

Эти Белые люди с Хоккайдо здорово просчитались. Они отстали практически ото всех. А когда человек, собиравшийся учить столярному делу, и я появились у ворот, которые выходят на дорогу через Национальный лесной заповедник, там стояли на часах 2 свеженьких новобранца, только что с Хоккайдо. Благодаря нашей Белой коже мы им внушали не больше уважения, чем пара пьяных и буйных Арапахо.

Человек, собиравшийся преподавать столярное дело, назвался Джоном Доннером. По дороге он меня спросил, не видел ли я его в шоу Фила Донахью по телевизору. Эта программа шла ежедневно во второй половине дня, кроме выходных, в течение 1 часа, и там всегда выступали настоящие люди, а не актеры. С ними стряслось примерно одно и то же несчастье, и они вышли победителями, или едва справились, или еще как-то вышли из положения. Были еще 2 программы, соперничавшие с шоу Донахью, и старый романист Пол Шлезингер умудрялся смотреть все 3 разом, переключаясь с одной на другую.

Я спросил, зачем он это делает. Он сказал, что старается подловить момент, когда им там будет вдруг совершенно не о чем говорить.

Я сказал Джону Доннеру, что, к сожалению, ни одной из этих программ посмотреть не мог, потому что учил Умению Слушать Музыку как раз во второй половине дня, а после этого еще и преподавал Военные Искусства. Я его спросил, о чем была та передача, в которой он участвовал.

– Про тех, кто вырос в приютах для сирот и кого драли без передышки, с утра до ночи, – сказал он.

В тюрьме мне придется посмотреть много записей программ Донахью, но той, с Доннером, я так и не видел. В Афинах показывать эту программу было все равно что возить уголь в Ньюкасл – там же практически каждого драли регулярно и жестоко, с малых лет.

Доннера я там не видел, а вот самого себя раза 2 заметил, или это был кто-то, издали очень похожий на меня, в старых съемках времен Вьетнамской войны.

Я даже 1 раз закричал на всю тюрьму:

– Вон он я! Вон он я!

Заключенные столпились у меня за спиной, уставились на экран, спрашивая:

– Где? Где? Где?

Но они опоздали. Меня уже не было.

Куда я девался?

А вот он я.

Джон Доннер вполне мог быть патологическим лгуном. Он мог наврать, что участвовал в Донахью-шоу. Что-то в нем было в высшей степени подозрительное. А с другой стороны, он мог находиться под охраной Федеральной Программы Защиты Свидетелей, тогда у него было новое имя и фальшивая биография, которую ему написал ГРИО™. Статистически ГРИО™ должен был достаточно часто, я думаю, вставлять в биографию вымышленного лица участие в «Донахью-шоу».

Он уверял, что мальчишка, который живет у него, – его родной сын. Но он вполне мог и похитить его, как я стащил у него велосипед. Они приехали в город всего 18 месяцев назад и ни с кем не общались.

Я уверен, что его фамилия вовсе не Доннер. Я знал нескольких Доннеров. Один из них учился в Академии, на курс младше меня. Другой был старшим сержантом во Вьетнаме, и ему оторвало руку самодельной гранатой, которую бросил маленький мальчишка. И каждый Доннер знал позорную историю Отряда Доннера, застигнутого пургой в 1846 году, когда они пытались перевалить в фургонах горы Сьерра-Невады, чтобы добраться до Калифорнии. Вполне вероятно, что их фургоны были сделаны здесь, в Сципионе.

Я только что, чтобы освежить в памяти детали, прочел об этом в Британской Энциклопедии, изданной в Чикаго, которая принадлежит таинственному торговцу оружием из Египта, живущему в Швейцарии. Правь, Британия!..

Оставшиеся в живых после пурги выжили только потому, что стали людоедами. По окончательным подсчетам, учитывая, что были съедены несколько женщин и детей, в живых осталось 47 человек из 87, отправившихся в путь.

Неплохая тема для Донахью: люди, которые ели людей.

Люди, которые могут есть других людей, – самые счастливые люди на свете.

Но когда я спросил этого типа, который говорил, что его фамилия – Доннер, не родственник ли он тому Доннеру, что возглавлял Отряд Доннера, он обо всем этом понятия не имел.

Кто бы он там ни был, мы с ним оказались рядышком на жесткой скамье в приемной офиса начальника Афинской тюрьмы, Хироси Мацумото.

А пока мы там сидели, какой-то из поставщиков тюремных припасов свистнул велосипед из кузова доннеровского пикапа.

Пустячок!

Про 1 вещь по крайней мере Доннер сказал правду. Начальник тюрьмы приготовился к собеседованию с претендентами на должность учителей. Но нас было всего 2 человека. Доннер сказал, что услышал про эту вакансию по национальному радиовещательному каналу в Рочестере. Хотя те, кто ищет работу, вряд ли слушают эту станцию. Слишком серьезная станция.

Кстати, это единственная из всех радиостанций, которая назвала случившееся с выставкой Памелы Форд Холл трагедией, не видя в этом ничего смешного.

Прямо перед нами стоял японский телевизор. Японские телевизоры были понатыканы по всей тюрьме. Они походили на иллюминаторы океанского лайнера. Пассажиры обычно находятся в полном отрыве от жизни, пока громадное судно следует в пункт назначения. Но в любой момент, когда пожелают, пассажиры могут посмотреть в иллюминатор на живой, реальный мир.

Конечно, для многих из тех, кто не сидит в тюрьме, жизнь тоже похожа на океанский лайнер. И у них телевизоры – тоже вроде иллюминаторов, в которые они могут выглянуть, когда делать нечего, и посмотреть, что поделявает весь Мир, без малейшего участия с их стороны.

– Вы посмотрите, что творится!

Однако в Афинах показывали только очень старые видеозаписи, хранившиеся в богатой видеотеке, через 2 двери от офиса начальника Мацумото.

Записи гоняли наугад без разбору. Охранник, часто не знавший ни слова по-английски, тащил в центральную аппаратную что под руку попадет, словно видеокассеты были брикетами торфа, а аппарат – печкой-хибаси дома, на Хоккайдо.

Но саму идею японцы переняли у американцев, вместе с аппаратной и телевизорами. В те времена, когда тюрьмы еще не комплектовались по расовому признаку, в Афины угодил приемный сын члена Совета Директоров Музея Теле– и Радиовещания – за то, что задушил свою подружку на задах Государственного Музея Искусств. И его папаша велел скопировать сотни телевизионных видеопрограмм и подарил копии тюрьме. Очевидно, он мечтал, чтобы этими кассетами пользовались в Афинах для чтения курса Теле– и Радиовещания, на тот случай, если кто-нибудь из заключенных захочет заняться этим делом по выходу из тюрьмы – конечно, если его не засадили пожизненно.

Но курса Теле– и Радиовещания в Афинах так и не осуществили. А

видеокассеты крутили напропалую, чтобы заключенным, отбывающим срок, было что посмотреть. Все же это лучше, чем ничего.

Приемный сын дарителя видеотеки был мельком упомянут в выпусках новостей в связи с тем, что тюрьмы начали разделять по расовому признаку. Пошли разговоры о помиловании для него и многих других, вместо перевода в другие тюрьмы.

Но у родителей девушки, которую он задушил за Музеем, были крупные связи, и они настояли на том, чтобы он отбыл полный срок – если не ошибаюсь, 99 лет. Как я уже говорил, он был приемным сыном. А его родной отец, как выяснилось, тоже был убийцей.

Так что теперь он, наверно, сидит на каком-нибудь из авианосцев или крейсеров-ракетоносцев, стоящих в Нью-Йоркской Гавани и превращенных в плавучие тюрьмы.

Пока мы с Доннером ждали приема у начальника тюрьмы, нам показывали убийство Джона Ф. Кеннеди. Бах! И затылок у него снесло пулей. А его жена, в круглой шляпке, выскочила из машины через борт.

Потом съемки перенесли нас в полицейское отделение в Далласе, где Ли Харви Освальд, бывший моряк, который якобы застрелил Президента из итальянской винтовки, заказанной по почте, получил пулю в живот от содержателя местного казино со стриптизом. Освальд сказал «Ох!». И это «Ох!» опять слышали во всем мире.

Кто говорит, что история непременно должна быть скучной?

А тем временем снаружи, на стоянке для машин, кто-то из поставщиков продуктов или чего-то еще вытащил велосипед из кузова доннеровского пикапа, сунул его в кузов своего грузовика и преспокойно уехал. Это было такое же идеальное преступление, как убийство Королевы Сирени в 1922 году.

Кхе.

Сейчас поговаривают и о том, чтобы превратить наши атомные подводные лодки в тюрьмы для тех, кто, как я, находится в предварительном заключении. Конечно, они не станут погружаться, а торпедные и ракетные люки и всю электронную начинку продадут на металлолом – так больше места останется для камер.

Если даже весь подводный флот превратят в плавучие тюрьмы, они мигом наполнятся. Когда студенческий городок из колледжа превратили в тюрьму, он был набит битком, не успели мы глазом моргнуть.

Меня вызвали в кабинет Начальника первым. Когда я вышел оттуда, обеспеченный не только работой, но и жильем, по телевизору показывали программу, которую я видел еще мальчишкой, «Здрасьте-здрасьте». Буффало Боба, ведущего, обливал водой из сифона Клоун Кларабелл.

Пленка была черно-белая. Вот какая древность! Я сказал Доннеру, что начальник ждет его, но он, похоже, меня в упор не видел. Мне показалось, что я стараюсь привести в чувство мертвецки пьяного. Во Вьетнаме это было для меня дело привычное. Иногда вдрызг напивались и Генералы. А хуже всех был заезжий Конгрессмен.

Я уже решил, что придется хорошенько вздуть Доннера, чтобы он осознал: «Здрасьте-Здрасьте» – не самое главное, что творится в мире.

Начальник тюрьмы, Хироси Мацумото, пережил взрыв атомной бомбы над Хиросимой – мне тогда было 5, а ему 8. Когда бомбу сбросили, они гонял в футбол на перемене, в школе. Побежал за мячом, закатившимся в канаву на дальнем конце поля. Наклонился поднять мяч. Что-то сверкнуло, рванул порыв ветра. Когда он выпрямился, его родного города не было. Он стоял один на бескрайнем пустыре, и вокруг плясали маленькие пыльные смерчки. Но он рассказал мне об этом только через два с лишним года после того, как мы познакомились.

Его учителя и одноклассники были казнены без суда и следствия за общее преступление – Преданность Императору.

Они были сожжены заживо, как Святая Жанна д'Арк.

Распятие, как вид казни для самых страшных преступников, отменил первый христианский император Рима, Константин Великий.

А жечь на кострах или варить живьем было в порядке вещей.

Если бы у меня было время подумать, я бы, может, и не явился просить работу в Афины – понял бы, что придется признаться, что я служил во Вьетнаме, где убивал или пытался убить исключительно представителей желтой расы. А мой наниматель будет, несомненно, представителем этой расы.

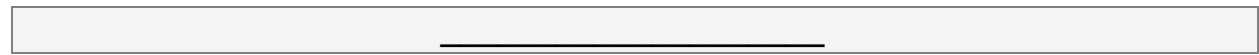
Да, и как только Начальник Мацумото услышал, что я учился в Уэст-Пойнте, он сказал с устрашающей суровостью:

– Значит, вы служили во Вьетнаме. Я сказал себе: «Ну, начинается заварушка». Я глубоко ошибался. Я не знал, что японцы считают себя

генетически абсолютно отличными от остальных рас Востока, как и от меня, или Доннера, или Нэнси Рейган, или, скажем, от бледнолицых, бородатых айнов.

– Солдат делает то, что ему приказано, – сказал я. – Я никогда не получал удовольствия от того, что приходилось делать.

Тут я покривил душой. Случалось, что в сражении я ловил настоящий кайф. Я 1 раз даже убил человека голыми руками. Он пытался прикончить меня. А я после этого захлебывался от хохота и лаял по-собачьи, а потом меня вывернуло наизнанку.

Признавшись, что я служил во Вьетнаме, я стал для начальника Мацумото ближе родного брата! Он вышел из-за стола, подошел ко мне, взял меня за руку, заглянул в глаза. Для меня это было очень странное ощущение, чисто с физической стороны, – ведь на нем были резиновые перчатки и маска, как в операционной.

– Значит, мы оба знаем, что это такое, – сказал он, – когда тебя сажают на корабль и везут к черту на куличики ради смертоносной прихоти маниакального тщеславия!

Ну и денек!

Всего 3 часа назад я тихо и мирно сидел у себя на колокольне. А сейчас я оказался внутри тюрьмы особо строгого режима, и японский гражданин в маске и перчатках уверяет меня, что Соединенные Штаты для него – Вьетнам!

Мало того – он был еще активным участником студенческих антивоенных выступлений во время Вьетнамской войны. Корпорация послала его на экономический факультет Гарвардского университета, чтобы он разобрался, как и чем думают плуты и проныры, которые пустили под откос нашу экономику ради своих сиюминутных выгод, тащат деньги, предназначенные на научные исследования и культуру и новую технику и прочее и уstraивают на эти деньги роскошные санатории, раздают самим себе громадные пенсии и премии в конце года.

Во время нашей беседы он пользовался всеми штампами антивоенной пропаганды 60-х годов, описывая, в какую беду попала Япония из-за своих заокеанских авантюр. Наша страна – гнилое болото. Здесь никому не светит никакой свет в конце тоннеля, и так далее, и тому подобное.

До тех пор я как-то не задумывался над тем, что творится в головах неуклонно растущей армии граждан Японии в нашей стране – а ведь они должны были получить прибыль от всех предприятий и прочей собственности, которые были скуплены у нас их корпорациями. Им и вправду все это казалось чем-то вроде войны за океаном, Бог знает ради чего, а особенно потому, что они, как и я во Вьетнаме, отличались от местного населения условно-опознавательным цветом кожи.

Кстати, по поводу условно-опознавательной окраски: вы имеете все основания думать, что после побега заключенных подстрелили множество ни в чем не повинных чернокожих, которые и в тюрьме-то не сидели. Ничего удивительного, если Белые в нашей долине готовы были принять любого мужчину черного цвета за беглого рецидивиста.

Стреляй, а вопросы – потом. Я-то всегда так делал.

Но единственный, кого подстрелили только за то, что он – чернокожий, хотя к беглецам он не имел никакого отношения, был племянник мэра Трои. Его, собственно, не подстрелили, а подранили. Правой рукой он с тех пор не владел, а потом ему ее выправили – микрохирургия творит чудеса.

А вообще-то он был левша.

Его ранили, когда он находился в таком месте, где не полагалось находиться ни одному человеку, какой бы то ни было расы. Он разбил лагерь на территории Национального Лесного Заповедника, нарушив закон. А о массовом побеге из тюрьмы он и слыхом не слыхал.

А тут как БАБАХНЕТ!

Я на этих страницах иногда пишу «Черный» или «Белый» с большой буквы, а потом – с прописной, и мне все время кажется, что тут что-то не то, как бы я их ни писал. Возможно, причина в том, что иногда кажется – раса имеет громадное значение, а иногда как будто это не так уж важно. И мне все время хочется сказать «так называемые Черные» или «так называемые Белые». Дело в том, что, на мой взгляд, больше чем половина заключенных в Афинах, а теперь и здесь, на нашем берегу, имели белых – или Белых – предков. С виду многие из них почти совсем белые, только пользы им от этого мало. Вы только вообразите, каково им приходится. Я выдумал себе чернокожего предка – ведь здешняя тюрьма только для Черных, а я не хочу, чтобы меня отсюда переводили. Мне нужна эта библиотека. Сами подумайте, что у них там называется библиотекой – на авианосцах и ракетносцах, переоборудованных в тюрьмы.

Здесь мой дом.

Мой адвокат считает, что я очень умно поступил, предотвратив перевод в другую тюрьму. Но по другой причине: история с переводом может опять заставить прессу перемывать мои косточки, и публика поднимет шум, требуя суда и расправы.

А сейчас все спокойно: широкая публика позабыла и обо мне, как, кстати, и о массовом побеге заключенных. Этот побег занимал публику и ТВ дней 10, и все.

А потом на смену нам пришли крикливые заголовки – героиней была одинокая Белая девушка. Она была дочкой какого-то типа, помешанного на оружии, из Калифорнийской глубинки. Она смела с лица земли Комиссию по организации выпускного бала в своей школе, подорвав их Китайской ручной гранатой времен 2 мировой войны.

У ее папаши был одна из самых богатых в Море коллекций ручных гранат.

Теперь его коллекция стала неполной, хотя, конечно, у него могла быть и не 1 единственная Китайская ручная граната из Последней Петарды.

Наше собеседование продолжалось, и Начальник Мацумото прямо на глазах становился все общительнее. До того, как его послали в Афины, сказал он, ему пришлось возглавлять коммерческую больницу в Луисвилле.

Кентуккийское Дерби ему страшно понравилось. Но свою работу он ненавидел.

Я сказал ему, что в Сайгоне ходил на скачки, как только удавалось выбраться. Он сказал:

– Мне бы хотелось, чтобы Председатель Совета из Токио провел бы со мной всего один час в приемном покое: пусть бы он попробовал отказывать в помощи умирающим только потому, что наши услуги им не по карману.

– Во Вьетнаме вы считали трупы, насколько я знаю? – сказал он.

Он был прав. Нам было приказано подсчитывать, сколько людей мы убили, чтобы начальство, вплоть до самого Вашингтона, Округ Колумбия, могло оценить, приблизились ли мы к победе, хотя бы и на самый жалкий шаг. Другого способа оценки своих побед у них не было.

– А мы теперь ведем счет долларам, как вы там вели счет трупам, – сказал Мацумото. – А к чему мы-то приближаемся? Зачем все это? Надо бы нам поступить со своими долларами, как вы – с трупами. Закопать и забыть! Вам с вашими убитыми повезло куда больше, чем нам – с нашими долларами.

– Как это? – спросил я.

– Трупы можно только похоронить или сжечь, и дело с концом, – сказал он. – А ведь главный кошмар начинается после, когда вам приходится вкладывать доллары во что-то и ждать, пока они принесут прибыль.

– Хорошенькую ловушку подстроил нам ваш Правящий Класс, – продолжал он. – Сначала – атомная бомба. А теперь – вот это.

– Ловушку? – недоверчиво переспросил я.

– Они разграбили и присвоили все государственное и корпоративное имущество, отдали всю индустрию в руки недоумков, – сказал он. – Потом заставили ваше Правительство брать у нас займы так беспардонно, что нам пришлось поневоле послать сюда оккупационную армию в штатском. Впервые в истории Правящий Класс одной страны ухитрился свалить на другие страны всю ответственность за собственное богатство, и при этом

сохранить это богатство, которое и во сне не приснится! Ничего удивительного, что коматозный Рональд Рейган казался им Великим Президентом!

По-моему, он попал не в бровь, а в глаз.

Когда Джейсон Уайлдер и прочие Попечители сидели на конюшне в качестве заложников и я их там навестил, у меня сложилось отчетливое убеждение, что они считают Американцев чужаками. Трудно сказать, к какой нации они принадлежат после этого.

Все они были Белые, все Мужчины – мать Лоуэлла Чанга уже умерла, от столбняка. Доктора так и не успели понять, от чего она умирает. Никто из них никогда не видел больного столбняком, потому что в прежнее время практически все население прививали.

А теперь, когда государственная система здравоохранения почти уничтожена, а иностранцам до этого – по вполне понятным причинам – нет никакого дела, снова стали появляться такие болезни, как столбняк, особенно среди детей.

Теперь-то почти все врачи знают, как выглядит больной столбняком. Миссис Чанг не повезло – она оказалась первой ласточкой.

О ее смерти мне сообщили заложники. Первое, о чем я их спросил:
– А где мадам Чанг?

Я считал, что должен подбодрить заложников после казни Лайла Хупера. Им показали его мертвое тело, насколько я понимаю, для того, чтобы они выбросили из головы всякие отчаянные и геройские замыслы. Это зрелище было, так сказать, глазурию на пирожном из ужаса. В конце концов, там, на чердаке, висел на гвоздях сам Президент Колледжа.

Один из заложников после освобождения сказал в своем интервью для ТВ, что никогда не забудет, как голова Текса Джонсона билась о ступеньки, когда его волокли по лестнице на чердак ногами вперед. Он попытался изобразить этот звук. Он сказал: «шлеп, шлеп, шлеп» – точь-в-точь, как шлепает спущенное колесо.

Ну и планета!

Заложники выразили сожаление по поводу смерти Текса, но ни словом не помянули ни Лайла Хупера, ни учителей или горожан, которые тоже погибли. Для таких важных персон, сливок общества, местные жители были слишком ничтожны, чтобы о них думать. Но я их за это не виню. Мне кажется, они вели себя, как свойственно людям.

Вьетнамская война не затянулась бы надолго, если бы людям от природы не было свойственно думать: все, кого я не знаю и не желаю знать, не стоят внимания, даже если они умирают в муках. Некоторые представители человечества боролись с этой совершенно естественной склонностью и проявляли жалость к несчастным чужакам. Но вот о чем свидетельствует История, о чем История кричит во весь голос: «Их всегда было так мало!»

Еще один недостаток человеческой природы – все рвутся строить, а вот содержать хозяйство в порядке желающих нет.

Но самый наш вопиющий недостаток – глупость, в чистом виде. Признайтесь!

Или вы считаете, что Освенцим и разум – совместимы?

Когда я попытался рассказать заложникам хоть немного про бывших заключенных, про их детство, про психические болезни, про то, что им безразлично, жить или умирать, и что такое тюрьма и так далее, Джейсон Уайлдер буквально закрыл глаза и замкнул себе слух. Впрочем, это было скорее представление, как в театре. Уши он заткнул не настолько плотно, чтобы не слышать, что я говорю.

Остальные качали головами и старались как можно более выразительно показать, что эта информация не просто утомляет их, а очень даже обижает. Можно было подумать, что над нами гремит гроза, а я им читаю лекцию о перераспределении электрических зарядов в тучах, о зарождении капель ливня, о траекториях молний, о природе грома и прочее. Они хотели знать только одно: когда же гроза кончится и они смогут заняться своими делами.

То, что сказал Начальник тюрьмы Мацумото о них и им подобных, было абсолютно верно. Они ухитрились превратить свое богатство, которое некогда существовало в форме заводов и запасов товаров или других трудоемких предприятий, в нечто столь неуловимое и абстрактное, как денежные спекуляции на бумаге, и им почти ничто уже не напоминало о том, что они несут ответственность за что бы то ни было, за пределами узкого круга друзей и знакомых.

На заключенных они не злились. Они были глубоко возмущены тем, что Правительство не сумело сделать побег из тюрем практически невозможными. Но по мере того, как они все яростнее поносили Правительство, становилось все очевиднее, что Правительство – ихнее, а не мое, не заключенных, не горожан. Выходило, что первейший долг Правительства – защищать их от низших классов, и не только в нашей стране, но и повсеместно.

А разве хоть когда-нибудь «сливки общества» вели себя иначе?

Вспомните-ка еще раз про распятие Христа и 2 разбойников! А 6 000 рабов, взбунтовавшихся под предводительством гладиатора Спартака?

Кхе.

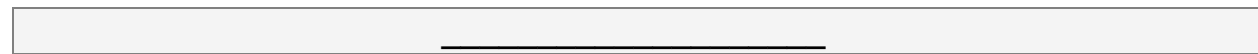
Насколько я понял, мое тело старается изолировать микробов ТБ, одевая их крохотными капсулами. Стенки этих капсул состоят из кальция, а это самый привычный компонент всех тюремных стен, в том числе и здесь, в Афинах. Наша тюрьма обнесена колючей проволокой. Точь-в-точь как Освенцим.

Если я помру от ТБ, то лишь потому, что мой организм не справился – не смог построить достаточное количество тюремных камер и не уложился в сроки.

Можно ли извлечь из этого урок? Не очень-то веселый.

Но если Попечители были плохие люди, то заключенные были много хуже, Я и не подумаю это отрицать. Они разрушали собственное общество – затевали разборки с огнестрельным оружием, грабили, насиловали, торговали убийственными для человека наркотиками и так далее, и гому подобное.

Но они-то по крайней мере видели, что творят, а люди вроде наших Попечителей напоминали скорее Б-52, бомбардировщики, летавшие на страшной высоте. Они почти никогда не видели, какие чудовищные разрушения производят, перемещая мощные пласты богатств нашей страны, которыми они распоряжались, то туда, то сюда.

Я, в отличие от моего дедушки-социалиста Бена Уиллса, который был никем, не собираюсь предлагать реформы или перестройки. Я считаю, что любая форма правления, а не только Капитализм, – это то, что сегодня решают делать люди, которым принадлежат все деньги, – в трезвом или в пьяном виде, в своем уме или вовсе без ума.

Начальник Мацумото, был, конечно, чужак. Многие его странности, разумеется, объясняются тем, что в раннем детстве на него сбросили атомную бомбу. Здания и деревья и мосты и все прочее, казавшееся таким незыблемым, исчезло, как мираж.

Как я уже говорил, Хиросима вдруг превратилась в неоглядный пустырь, по которому гуляли пыльные смерчи.

После вспышки маленький Мацумото остался единственной реальной фигурой на пустом месте. И он пошел в дальний, дальний путь – искать еще что-нибудь столь же реальное, как он сам. Добравшись до городских окраин, он очутился вдруг среди реальных, но совершенно фантастических структур и созданий: там были живые люди, у которых кожа свисала, как

драпировка, с обнаженных мышц и костей, и прочее в этом роде.

К слову сказать, все эти образы, рожденные бомбежкой, принадлежат ему. Я услышу от него об этом только после того, как проработаю учителем в тюрьме и проживу с ним бок о бок у озера еще долгих 2 года.

Как бы ни повредила ему атомная бомбежка, на его совесть она не повлияла. Он мучился, когда приходилось отказывать в приеме беднякам, доставленным в коммерческую больницу, которой он заведовал в Луисвилле. Когда он принял на себя должность начальника коммерческой тюрьмы в Афинах, он решил, что нужно организовать в тюрьме какую-то систему образования, хотя по контракту его корпорации со Штатом Нью-Йорк ему предписывалось только охранять заключенных и препятствовать побегам.

– Штат Нью-Йорк, – сказал он, – не верит, что образование может исправить таких преступников, которые содержатся в Афинах, или в Аттике, или в Синг-Синге.

Аттика и Синг-Синг предназначались для лиц латиноамериканского происхождения и Белых, соответственно, которые, как и заключенные в Афинах, были осуждены по крайней мере за 1 убийство и 2 преступления насильственного характера. Чаще всего остальные 2 были тоже убийствами.

– Я и сам в это тоже не верю, – сказал он. – Но вот что я твердо знаю: 10 процентов людей в стенах этой тюрьмы еще сохранили разум и душу, а заняться им тут нечем. Так что для них наказание, которое они здесь отбывают, вдвое тяжелее, чем для остальных. Хороший учитель мог бы дать их уму и сердцу новые игрушки – Математику, Астрономию или Историю, или что угодно еще, чтобы время для них тянулось здесь не так мучительно. Как вы считаете?

– Вы хозяин, вам решать, – сказал я.

А он и вправду был хозяином. Он вел финансовые дела Афинской тюрьмы так успешно, что начальство корпорации предоставило ему полную самостоятельность. Они обязались по контракту со Штатом содержать заключенных всего на 2 трети той суммы, в которую обходился каждый из них, пока тюрьма принадлежала Штату. А сумма была примерно такая же, как стоимость обучения студента на медицинском факультете или в Таркингтоне. А Хироси Мацумото, пользуясь трудом молодых, вывезенных из провинции и не охваченных профсоюзами рабочих по кратковременным контрактам и покупая припасы по самым низким ценам у обычных производителей, а не у Мафии, срезал расходы на каждого заключенного до минимума – больше, чем в половину.

Он ничего не упустил. Когда я нанялся к нему на работу, он как раз купил для тюремных нужд небольшой крематорий. Раньше монополия на сжигание тел, за которыми не явились родственники, принадлежала крематорию в пригороде Рочестера, на западе Медоудейлского Кинокомплекса, через дорогу от Арсенала Национальной Гвардии. Крематорием заправляла Мафия.

Когда Японцы перекупили Афинскую тюрьму, банда удвоила цены, ссылаясь на эпидемию СПИДа. Мол, приходится принимать особые меры предосторожности. Они драли двойную цену даже тогда, когда тюрьма представляла свидетельство доктора, что тело не было инфицировано СПИДом, а причиной смерти, очевидной и несомненной, явился удар ножом или тупым орудием.

В Японии специалистов по производству крематориев не было, так что Начальник Мацумото закупил оборудование у фирмы «А. И. Топф и Сын» в Эссене, в Германии. Это та самая компания, которая в пору своего расцвета

строила печи в Освенциме.

Послевоенные модели крематориев Топфа были снабжены поглотителями дыма, так что жители Сципиона так и не догадывались о том, что рядом работает весьма продуктивная установка для превращения трупов в дым. О жителях окрестностей Освенцима этого не скажешь.

Мы вполне могли бы газировать и сжигать заключенных круглосуточно, и никто бы не догадался.

Никто бы и внимания не обратил.

Я недавно говорил, что мать Лоуэлла Чанга умерла от столбняка. Добавлю, пока не позабыл, что у возбудителей столбняка есть шансы стать заправскими космонавтами, потому что в несовместимых с жизнью условиях они образуют исключительно устойчивые споры.

Возбудителей СПИДа я не назвал бы многообещающими покорителями Космоса, потому что они на данной стадии развития не могут выжить вне живого человеческого тела.

Однако при совместных усилиях истребить их все новыми и новыми ядами, в случае только частичного успеха, их шансы могут значительно повыситься.

Теперь вся работа на тюрьму в нашей долине опять перешла к мафиозному крематорию на задах Медоудейльского Кинокомплекса. Часть заключенных, оставшихся в Афинской тюрьме или поблизости после

великого побега, вместо того чтобы идти в атаку на Сципион по льду озера, решили, что на их долю выпала честь хотя бы взорвать к чертям крематорий фирмы «А. И. Топф и Сын».

Мэдоудейлский Кинокомплекс тоже приказал долго жить, потому что почти никто не мог себе позволить ни владеть автомобилем, ни смотреть кино прямо из машины.

Та же судьба постигла и торговые ряды, расположенные вдоль шоссе.

Меня очень интересует один вопрос, хотя я так и не сумел разобраться, в чем тут дело: почему Мафия никогда ничего не продает иностранцам? Все остальные, едва получив в наследство или создав свой бизнес, торопятся как можно скорее сбыть его с рук и уйти на покой задолго до старости, Мафия же держится мертвой хваткой за все, чем владеет. Так, например, настил асфальта остался целиком в руках Американцев.

Как и оптовая продажа мяса, салфеток и скатертей для ресторанов.

Я сразу же сказал Начальнику, что меня вышибли из Таркингтона. Я объяснил, что обвинения в сексуальных излишествах – всего лишь предлог. На самом деле Попечители обозлились на меня за то, что я подорвал веру студентов в разум и порядочность властей, рассказав им правду о Вьетнамской войне.

– По эту сторону озера никто не верит, что в этой жалкой стране есть что-либо похожее, – сказал он.

– Похожее, сэр? На что? – спросил я.

– На власть, – ответил он. Что же касалось моих сексуальных подвигов, то они были исключительно гетеросексуальными, а на той стороне озера женщин не было.

Сам он холостяк, а персоналу запрещалось привозить с собой жен, если они у них и были.

– Так что здесь у нас, – сказал он, – вы окажетесь в положении Дон-Жуана в Аду. Как полагаете, сможете выдержать?

Я сказал, что смогу, и он предложил мне работу с испытательным сроком. Мне предстояло взяться за дело как можно скорее, заняться общеобразовательными предметами на уровне начальной школы, что я, собственно, делал и в Таркингтоне. Первоочередной проблемой была проблема жилья. Его подчиненные жили в казармах под тюремными стенами, а сам он поселился в отремонтированном доме на берегу и стал единственным обитателем вымершего городка, точнее, деревушки, которая дала тюрьме свое имя: Афины.

Если я по какой-нибудь причине не подойду для этой работы, сказал он, ему все равно нужен будет учитель, который, конечно, не пожелает ютиться в казарме. Поэтому он начал ремонт в доме по соседству, в вымершем городке. Только жить там можно будет не раньше августа.

– Как вы думаете, сможет колледж оставить вас в старом доме до тех пор? А на работу сможете ездить – автомобиль у вас есть?

– «Мерседес», – сказал я.

– Вот и отлично! – сказал он. – Это поможет вам с первых дней найти общий язык с нашим контингентом.

– Как? – сказал я.

– Они практически все были владельцами «Мерседесов», – сказал он. Он вовсе не преувеличивал. Он сказал чистую правду:

– У нас тут есть человек, который купил свой первый «Мерседес», когда ему было 15 лет.

Это был Элтон Дарвин, который потом скажет на катке, после побега, свои последние перед смертью слова:

«Смотрите, как Черномазый летает на аэроплане».

Колледж разрешил нам остаться в старом доме в Сципионе на все лето. Летнего семестра в Таркингтоне не было. Все равно на занятия никто бы не явился. Так что я каждый день ездил в тюрьму.

В прежние времена, пока Японцы не купили Афинскую тюрьму, там все служащие были из Сципиона или из Рочестера, все ездили на работу. Все они были членами профсоюза и непрерывно выдвигали все новые и новые требования, требуя повышения заработной платы и разных льгот, в том числе и возмещения расходов на поездки из дома на работу и обратно. Из-за этого Штат и решил продать всю шарашку Японцам.

Жалованье у меня осталось то же, что и в Таркингтоне. Я мог позволить себе сохранить наш «Голубой Крест-Голубой Щит», тем более что корпорация, владеющая тюрьмой, владела и собственным «Голубым Крестом-Голубым Щитом». Нет проблем!

Кхе.

Среди вещей, которых я лишился из-за массового побега, был и наш «Голубой Крест-Голубой Щит».

Все складывалось как нельзя лучше. Когда я перевез Маргарет и Милдред в наш новый дом в пустом городке и задернул занавески, им показалось, что мы и не уезжали из Сципиона. На нашем только что политом газоне перед домом меня ждал сюрприз – лодка. Начальник нашел лодку в бурьяне за развалинами афинского почтового отделения, где она валялась надо полагать, уже задолго до моего рождения. Он приказал нескольким охранникам покрыть ее снаружи стеклопластиком, так что она опять стала водонепроницаемой, несмотря на то, что простояла долгие годы под открытым небом.

Лодка очень напоминала обтянутый кожами эскимосский умиак, который стоял обычно в беседке возле Офиса Декана Женщин, – каркас лодки был виден сквозь стеклопластик.

Я знаю, что случилось со многими принадлежавшими колледжу предметами, с ГРИО™ и прочим, а вот куда девался умиак, понятия не имею.

Если бы его не выставили для всеобщего обозрения в беседке, то и я, и сотни Таркингтонских студентов и их родителей так бы и прожили всю жизнь, никогда не увидев настоящего эскимосского умиака.

Мы с Мюриэль Пэк занимались любовью в этой лодке. Я улегся на дно, а она сидела с удочкой моей тещи в руках, как настоящая леди, в полном одиночестве и невинности.

Этот трюк придумал я. А уж она не подвела, молодчина!

Не знаю, как сложилась жизнь человека, который назвался Джоном

Доннером и хотел учить столярному ремеслу в Афинской тюрьме, за 8 лет до побега. Насколько я помню, Начальник разобрался с ним очень быстро, потому что в тюрьме только и не хватало что стамесок, и дрелей, и ножовок, и двуручных пил, и молотков-гвоздодеров, и так далее.

Мне пришлось ждать Доннера в приемной, за дверью офиса. Он был для меня единственной ниточкой связи с цивилизацией, с моим домом и семьей, с журналом «Черный пояс». Я не смотрел «Здрасьте-здрасьте» на маленьком экране. Я заинтересовался еще одним лицом, ожидавшим своей очереди к Начальнику. Чтобы догадаться, что он – заключенный, достаточно было бы его условно-опознавательной окраски, но на нем были еще и ножные кандалы и наручники. Он тихо сидел на скамье напротив, у противоположной стены коридора, с двумя стражниками по бокам, в масках и резиновых перчатках.

Он читал дешевенькую брошюрку. Я подумал, что раз он грамотный, то, видимо, будет одним из тех, кого я обязался развлекать своими занятиями. Так и оказалось. Его звали Абдулла Акбар. Я даже воодушевил его настолько, что он написал несколько интересных рассказов. Один из них, помнится, был написан от лица говорящего оленя, обитателя Национального Лесного Заповедника, который зимой сбивался с ног в поисках пропитания, а летом то и дело запутывается в колючей проволоке, пытаясь добраться до разных вкусностей на фермерских полях. Его подстрелил охотник. Умирая, он думает, зачем он вообще появился на свет. Рассказ заканчивается словами, которые олень произнес перед самой смертью. Это были его последние слова на Земле. Охотник стоял довольно близко и потрясся, услышав, как олень говорит человеческим голосом:

– На кой хрен все это нужно, так-перетак?

3 преступления, связанных с насилием, за которые Абдулла угодил в Афины, были убийствами в сражениях за наркотики. Его самого впоследствии, после побега, подстрелят зарядом дробы и картечи, когда он пройдет с белым флагом в руках мимо засады, устроенной Уайти ван Эрсдейлом, механиком, и Лайлом Хупером, брандмайором.

– Простите, – сказал я, – нельзя ли узнать, что вы читаете?

Он показал мне обложку брошюрки, чтобы я мог прочесть название.

Она называлась «Протоколы Сионских Мудрецов».

Кхе.

Кстати, Абдуллу вызвали к Начальнику, так как он был 1 из тех, кто уверял, что видел, как над тюрьмой пролетел замок. Начальник хотел выяснить, не пронесли ли в тюрьму контрабандой какое-нибудь новое галлюциногенное средство, или все разом окончательно свихнулись, и вообще, что тут творится, в конце концов.

«Протоколы Сионских Мудрецов» – антисемитская книжонка, впервые напечатанная в России лет 100 назад. Ее выдавали за протоколы секретного съезда Евреев, которые съехались со всех концов света и задались целью создать интернациональную организацию, чтобы устраивать войны, революции, экономические кризисы и тому подобное и чтобы в конце концов весь мир оказался в руках у Евреев. Как название, так и параноидальный тон этого документа скопировал в своей пародии автор опуса в «Черном пояске».

Великий американский изобретатель и промышленный магнат Генри Форд считал эти протоколы подлинными. Он помог напечатать их у нас, когда мой отец был еще мальчишкой. И вот передо мной чернокожий заключенный в кандалах, грамотный, и он тоже считает, что это серьезная литература. Как оказалось, в тюрьме ходили по рукам не 1 сотня таких брошюр, напечатанных в Ливии, а распространяла их самая влиятельная бандитская группировка в Афинах – Черные Братья Ислама.

В то лето я занялся ликвидацией неграмотности в тюрьме, а заключенные вроде Абдуллы Акбара служили моими вербовщиками: они ходили по камерам, агитируя всех учиться читать и писать и даже предлагая давать уроки. Благодаря моим стараниям ко времени массового побега больше 1000 бывших неграмотных смогли прочесть «Протоколы

Сионских Мудрецов».

Я объявил книжку фальшивкой, но никак не мог изъять ее из обращения. Куда мне было тягаться с Черными Братьями – ведь они регулярно приводили в исполнение то, что Государство применить не решалось, – а именно смертную казнь.

Абдулла Акбар потряс своими цепями, так что они зазвенели, загремели.

– Можно так обращаться с ветераном, а? – сказал он.

Он служил во Вьетнаме, в рядах морской пехоты, поэтому ему ни разу не пришлось слушать мои зажигательные речи. Я работал исключительно для Армии. Я спросил, слышал ли он когда-нибудь про армейского офицера, которого прозвали «Проповедник» – это был, как вы знаете, я сам. Мне было любопытно узнать, насколько широко разнеслась слава обо мне.

– Нет, – сказал он. Но, как я уже говорил, нашлись и другие ветераны, которые обо мне слышали, и, кроме всего прочего, знали, что я как-то раз, забросив гранату в подземный ход, убил женщину, ее мать и грудного младенца, прятавшихся там от вертолетов, которые расстреляли деревню с бреющего полета как раз перед тем, как мы туда вошли.

Такое не забудешь.

А знаете, кто в то время был Правящим Классом?

Правящим Классом был Юджин Дебс Хартке.

Долой Правящий Класс!

Джон Доннер сидел за рулем всю дорогу от тюрьмы до Сципиона насупись. Я получил работу, а он – нет. И велосипед его сына стибрили на тюремной стоянке.

У Мексиканцев есть национальное блюдо под названием «дважды жаренные бобы». По моей милости, о чем Доннер так и не узнал, велосипед был теперь «дважды краденный велосипед». Через неделю Доннер вместе с сыном дематериализовался из нашей долины так же таинственно, как и материализовался, и нового адреса не оставил.

Должно быть, кто-то или что-то шло по его следам, наступало на пятки.

Мне стало жаль этого мальчугана. Но если он еще жив, то он стал взрослым мужчиной, как я.

И по моим следам кто-то шел, только не спеша. Я имею в виду своего незаконнорожденного сына в Дюбеке, штат Айова. Ему тогда было всего 15. Он еще не знал, как меня зовут. Чтобы узнать имя своего отца и место, где он живет, ему еще предстояло провести детективное расследование, не менее сложное, чем то, которое я предпринял, чтобы узнать, кто убил Летицию Смайли, Королеву Сирени в Таркингтоне, в 1922 году.

Я познакомился с его матерью, когда сидел в одиночестве возле стойки бара в Маниле, вскоре после того, как экскременты влетели в вентилятор во Вьетнаме. Мне не хотелось говорить ни с 1 человеком, независимо от пола и возраста. Мне все человечество стало поперек горла. Хотел я только одного – чтобы меня оставили в покое, наедине со своими мыслями.

Можете и это прибавить к моей коллекции Знаменитых Последних Слов.

На табурет рядом с моим взобралась довольно хорошенькая, но немного потерявшая свежесть женщина.

– Простите, что нарушаю ваше уединение, – сказала она, – но мне говорили, что вы – тот самый человек, которого прозвали «Проповедником».

И она показала на старшего сержанта, который сидел в отдельной кабинке с 2 проститутками, которым было никак не больше 15.

– Я его не знаю, – сказал я.

– А он не говорил, что знаком с вами, – сказала она. – Он слышал ваши речи. Тут многие солдаты слышали ваши речи.

– Кому-то надо было произносить речи, – сказал я. – Без них и войны бы не было.

– Вас из-за этого прозвали «Проповедником»? – сказала она.

– Кто знает? – сказал я, – В мире невпроворот пустой болтовни.

Меня прозвали так еще в Уэст-Пойнте, за то, что я никогда не сквернословил. В первые 2 года, что я провел во Вьетнаме, мои зажигательные речи слушали только те солдаты, которые находились в моем непосредственном подчинении. Они называли меня «Проповедником», потому что в этом слове было что-то мрачное, словно я был пуританским Ангелом Смерти. А ведь так оно и было, так оно и было.

– Хотите, чтобы я ушла? – сказала она.

– Да нет, – сказал я, – наоборот, я думаю, что мы могли бы закончить этот вечер в постели. Сразу видно, что вы – человек интеллигентный, а значит, на вас нагнала такую же тоску, как и на меня, великая пиррова победа нашего народа. Я вам сочувствую. Я был бы рад вас немного подбодрить.

А что?

Удалось!

Не сломано – не починяй.

Мне нравилось учить заключенных. Я поднял уровень грамотности примерно на 20 процентов, причем каждый из моих учеников в свою очередь начинал учить еще кого-то. А то, что они читали, мне далеко не всегда нравилось.

Один парень заявил, что, только когда научился читать, стал ловить натуральный кайф от рукоблудия.

Я не отлынивал. Я люблю учить.

Многих заключенных, из тех, кто поумнее, я вызывал на спор, заставлял их доказывать мне, что Земля – круглая, объяснять, в чем разница между шумом и музыкой, рассказывать, как передаются по наследству физические признаки, как измерить высоту сторожевой вышки, не влезая на нее, и какое несообразие они видят в греческой легенде про мальчишку, который каждый день таскал на плечах теленка и вырос мужчиной, которому ничего не стоило каждый день носить на плечах быка, и прочее.

Я им показал таблицу, составленную проповедником-фундаменталистом из центра Сципиона, которую он как-то дал Таркингтоновским студентам после занятий, в Павильоне. Я предложил им отыскать в этой таблице примеры фактов, подогнанных под определенную идею.

Наверху были написаны имена вождей воюющих наций в период Последней Петарды, т.е. во время 2 мировой войны. Под каждой фамилией шли столбиком дата рождения, сколько лет он прожил, и дата вступления в должность, и сколько лет он эту должность занимал, а в самом низу была помещена сумма всех цифр. Оказалось, что она каждый раз равнялась 3 888.

Вот как это выглядело:

	Черчилль	Гитлер	Рузвельт	Дуче	Сталин	Тойо
Родился	1874	1889	1882	1883	1879	1884
Прожил	70	55	62	61	65	60
Начали правления	1940	1933	1933	1922	1924	1941
Годы правления	4	11	11	22	20	3

Как я уже говорил, каждый столбик в сумме дает 3888. Тот, кто составил эту таблицу, отмечает, что половина этого числа равна 1944, это год окончания войны. А первые буквы имен вождей воюющих армий составляют анаграмму имени Всевышнего, Спасителя Вселенной¹⁸.

Самые неспособные, точно так же, как и дурачки в Таркингтоне, использовали меня как ходячую Книгу Рекордов Гиннеса, Они меня спрашивали, кто самый старый человек в мире, кто самый богатый, у какой женщины было больше всего детей, и так далее. Ко времени побега, я думаю, 98 процентов заключенных в Афинской тюрьме знали, что самый преклонный возраст, подтвержденный документами, составлял около 121 года и что этот непревзойденный долгожитель был Японец, как и наш Начальник и охранники. На самом деле до 121 года он не добрал 128 дней. Его рекорд служил в Афинах неистощимым источником самых разнообразных шуток – многие сидели пожизненно, а кое-кто отсиживал 2 или 3 пожизненных срока, отчасти поглощавших друг друга или следовавших впритык один за другим.

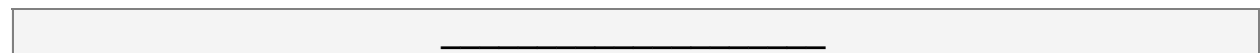
Они знали, что самым богатым человеком в мире был тоже Японец, а примерно за столетие до того, как на противоположных берегах озера были основаны колледж и тюрьма, в далекой России женщина родила младшенького из своих 69 детей.

Эта русская женщина, обставившая весь мир по количеству младенцев, родила 16 пар двойняшек, 7 раз разродилась тройней, 4 раза родила четверых близнецов. И все они остались в живых, чего не скажешь о членах Отряда Доннера.

Из всего тюремного персонала только Хироси Мацумото окончил колледж. С остальными он не общался, он и обедал один в свободные дни, и гулял один, и рыбачил один, и под парусом ходил в одиночку. Он не пользовался возможностью посещать японские клубы в Рочестере и Буффало, или роскошные санатории, которые устроили на Манхэттене для Японской Оккупационной Армии в Штатском. Он сделал громадные деньги для своей корпорации и в Луисвиле, и в Афинах, и так блестяще использовал понимание психологии американских дельцов, что я не сомневаюсь – если бы он выразил желание, то занял бы высокий пост в Министерстве внутренних дел. Благодаря работе в Афинах он узнал о чернокожих Американцах больше, чем любой другой Японец, а на тех предприятиях, которые все скупала и скупала его корпорация, успех зависел от труда чернокожих рабочих или по меньшей мере от хороших отношений с местными чернокожими. Благодаря той же Афинской тюрьме он знал больше любого другого Японца о самой развитой индустрии в нашей стране – поставках и распространении химических препаратов, которые, будучи так или иначе введены в кровь, позволяли тем, кому это было по карману, чувствовать себя стоящими людьми, которым улыбается удача.

Из этих химических препаратов только 1 был, как вы догадываетесь, разрешен законом, и благодаря ему было создано состояние, принадлежавшее 1 семейству, которое подарило Таркингтону и форму для оркестрантов джаз-банда, и водонапорную башню на Мушкет-горе, и хорошие должности в Деловом Мире, и уж не знаю что еще.

Этим элексиром жизни был алкоголь.

За те 8 лет, что мы прожили с ним бок о бок в покинутом городке на берегу озера, Хироси ни разу не обмолвился ни словом о том, что ему хочется домой, на родину. Вряд ли можно принять за тонкий намек то, что он 1-нажды мне сказал: развалины шлюзов в верховьях озера, где громоздились в живописном беспорядке колоссальные бревна и громадные валуны, могли бы быть творением великого Японского садовника.

В Японской Оккупационной Армии он был офицером высокого ранга,

бригадным генералом в штатском, не меньше, а может быть, и генерал-майором. Но он мне напоминал некоторых старых служак, старших сержантов, которых я знал во Вьетнаме. Они крыли почем зря и Армию, и войну, и вьетнамцев. Но потом я уезжал на год-другой, а когда возвращался, они оказывались на месте, по-прежнему ругая все и вся на чем свет стоит. Их оттуда можно было только вынести ногами вперед или выбить превосходящими силами противника.

Как же они ненавидели свой родной дом! Они боялись родного дома больше, чем врага.

Хироси Мацумото прозвал нашу долину «преисподней» или «дырой в заднице Вселенной». Но он не желал с ней расставаться, пока его отсюда не вышибли.

Мне иногда приходит в голову, что Долина Мохига, возможно, была единственным его домом после бомбежки Хиросимы. Теперь он на пенсии, живет в родном городе, восстановленном из руин, обе ноги ему ампутировали после побега заключенных, – он обморозил их в лесу. Вполне возможно, что он сейчас думает о том же, о чем думал я не раз и не 2:

– Какой это город, и что это за люди, и что я тут делаю?

Я видел его в последний раз ночью, когда заключенные сбежали из тюрьмы. Мы проснулись от грохота – это люди с Ямайки брали штурмом тюрьму. Мы оба выскочили на улицу прямо в ночном белье и босиком, хотя мороз был не меньше 10 градусов по Цельсию.

Главная улица вымершего городка называлась Клинтон-стрит, и так же называлась главная улица в Сципгонц. Можете себе представить: при такой географической близости два сообщества людей были настолько разобщены социально и экономически, что из всего богатства названия для

улиц не могли выбрать ничего, кроме «Клинтон-стрит»?

Начальник попытался связаться с тюрьмой по радиотелефону. Никто не отвечал. Его домашняя прислуга, 3 человека, глядела на нас из окон верхнего этажа. Это были заключенные старше 70 лет, отбывающие пожизненное заключение без надежды на амнистию, давным-давно позабытые миром и до зубов наспигованные Торазином.

Моя теща вышла на крыльцо. Она крикнула мне:

– Скажи им про ту рыбу! Скажи им про рыбу, которую я поймала!

Начальник сказал мне, что в тюрьме, как видно, взорвался котел бойлерной, а может, и крематорий. Я понял, что в ход пошло армейское вооружение, но ему-то откуда было знать? Он даже не слышал, как взорвалась атомная бомба. Он только почувствовал, как пронесся горячий ветер.

И тут свет на нашем берегу озера разом вырубился. А потом мы услышали, как из погруженного во тьму тюремного здания несутся звуки «Звездно-полосатого флага»¹⁹.

Мы с Начальником не могли даже в страшном сне или под ЛСД вообразить, что там происходит. Нам потом вменили в вину, что мы не подняли по тревоге весь Сципион. А между прочим, город Сципион, услышав взрыв и звуки «Звездно-полосатого флага» и прочий шум, долетевший до него через скованное льдом озеро, мог бы и сам о себе позаботиться. Как бы не так!

Те, кто остался в живых, рассказывали мне после, что они просто нырнули поглубже под одеяла и снова заснули. Совершенно естественная человеческая реакция, верно?

Как я уже рассказывал, на том берегу происходил форменный штурм тюрьмы гражданами Ямайки, переодетыми в форму Национальной Гвардии, которые размахивали Американскими флагами. Из рупоров, пристроенных на бронетранспортере, гремел Национальный Гимн. А ведь большинство из них даже не были американскими гражданами!

Скажите, какой деревенский парень из японской глубинки, которого послали служить 6-месячный срок на Черном континенте, может настолько потерять разум, чтобы качать палить в натуральных туземцев в полной боевой выкладке, которые размахивают своими знаменами и играют свою раздирающую уши адскую музыку?

Такого парня не нашлось. Во всяком случае, в ту ночь.

Если бы Японцы открыли огонь, они поплатились бы за это жизнью, как защитники Аламо. А чего ради?

Ради фирмы «Сони»?

Хироси Мацумото набросил на себя что под руку попало! Он въехал на холм на своем джипе Изуцу!

Ямайкские авантюристы его обстреляли!

Он выскочил из своего Изуцу! Он бросился бежать в Национальный Лесной Заповедник!

Он заблудился в кромешной тьме. На нем были сандалеты на босу ногу.

Только через 2 дня он выбрался из леса, где днем было почти так же темно, как ночью.

Да. И его обмороженные ноги пожирала гангрена.

Я-то остался на берегу озера.

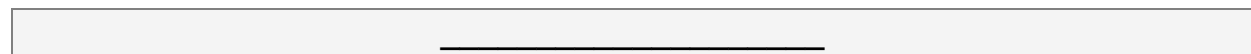
Я велел Милдред и Маргарет ложиться спать.

Я слышал беглый огонь – должно быть, это ямайки обстреливали «Изуцу». Это был их прощальный привет. После этого наступила тишина.

У меня в голове сложился такой сценарий: попытка побега

предотвращена, возможно, ценой нескольких жизней. В самом начале взорвалась начиненная рублеными гвоздями или игральными картами или чем угодно бомба, которую изготовили заключенные.

Бомбы и спиртное они могли делать из любого подручного материала, и, как правило, в туалете.

Я сделал неверное заключение: раз тихо – значит, все в порядке.

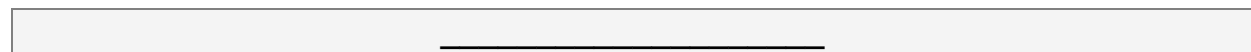
Я смертельно боялся, что перестрелка разгорится – по моим понятиям, это значило бы, что парни из японских деревушек вдруг увлеклись возможностью убивать из винтовок и что это им, не нюхавшим пороху, показалось очень просто и весело.

Я представил себе, что заключенные, снующие по камерам, превратились в движущиеся мишени в тире.

Теперь, когда воцарилась тишина, я вообразил, что порядок восстановлен и Японец, владеющий английским, сообщает в Отделение полиции в Сципионе и в Полицию Штата и Шерифу Округа, что мятеж подавлен, и, возможно, просит прислать врачей и машины скорой помощи.

А на самом деле Японцев так быстро ошеломили и одолели, что, пока они приходили в себя и прежде чем они могли хоть с кем-то связаться, телефонные провода были уже перерезаны, а радиопередатчики расплющены в лепешку.

В эту ночь на небе стояла полная луна, но лучи ее не достигали земли

под пологом Национального Лесного Заповедника.

Японцам не причинили вреда. Ямайки обезоружили их и велели им бежать по залитой лунным светом дороге к верховьям озера. Они им велели бежать и не останавливаться до самого Токио.

Почти никто из них Токио и в глаза не видал. И они не прибежали толпой к шлюзам, вопя благим матом и пытаясь остановить мчащиеся мимо машины. Они там затаились. Если Соединенные Штаты против них, то кто с ними?

У меня оружия не было.

Я подумал, что несколько заключенных вырвались на волю и их до сих пор не поймали, и если они забредут в вымерший городок и узнают меня, ничего плохого они мне не сделают. Я им дам все, что они захотят, – еду, деньги, бинты, одежду, «Мерседес».

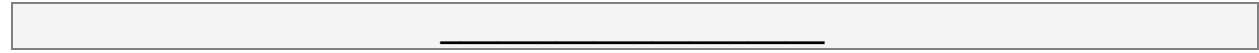
Но что бы я им ни отдал, подумал я, их условно-опознавательная окраска не даст им сбежать из этой долины, из этого лилейно-белого мешка. Здесь ведь все до одного местные жители – Белые.

Я пошел к своей лодке, которую на зиму вытащил и перевернул вверх килем. Я оседлал ее скользкий, блестящий хребет, направленный в сторону старого причала для барж в Сципионе.

Там, в Сципионе, все еще горели огни, и это подбодрило меня, вселило уверенность в своей правоте.

Там не заметно было никакой паники, несмотря на шум, доносившийся из тюрьмы. В некоторых дома свет погас. Ни одно окно не загорелось снова. Я заметил только 1 движущуюся машину. Она ползла потихоньку по Клинтон-стрит. Она остановилась и выключила фары на стоянке позади кафе «Черный Кот».

Красный огонек на верхушке водонапорной башни, на Мушкет-горе, мигал как ни в чем не бывало. Ритмичное подмигиванье стало для меня своего рода мантрой, и я все глубже и глубже погружался в медитацию, лишенную мыслей, словно плыл с аквалангом в тепловатом питательном бульоне.

Этот огонек то гас, то вспыхивал, раз-два, раз-два.

Долго ли он приводил меня в экстаз из своего далекого далека? Три минуты? Десять минут? Трудно сказать.

Я мгновенно вернулся к ясному пониманию действительности, заметив странные изменения на льду к северу от меня. Лед как будто зашевелился, но совершенно бесшумно.

А потом я понял, что у меня на глазах 100-ни людей осуществляют план, который я не раз разрабатывал и осуществлял во Вьетнаме: внезапную атаку.

Тишину нарушил мой голос. С моих губ сорвалось имя, прежде чем я прикусил язык. Какое имя? «Мюриэль!»

Мюриэль Пэк больше не работала в баре. Она была постоянным профессором Английского в Таркингтоне – пригодилось ее образование, полученное в Суортморе. Во время внезапной атаки она спала, совершенно одна в учительском корпусе – оплетенном плющом коттедже в начале Клинтон-стрит. Она, как и я, отослала своих 2 детей в дорогие интернаты.

Я ее как-то спросил, не собирается ли она второй раз выйти замуж. А она сказала:

– Ты что, не заметил? Я вышла за тебя.

Она не получила бы работу в Таркингтоне, если бы Попечители не выставили оттуда меня. Преподаватель Английского, по имени Дуайт Кейси, так ненавидел своего начальника, что попросился на мое освободившееся место, только бы быть от него подальше. Таким образом освободилось место и для Мюриэль.

Если бы они меня не выставили, она бы, вернее всего, не переезжала из этой долины и была бы жива по сей день.

Если бы они меня не выставили, я бы, вернее всего, лежал там, где покоится она, возле конюшни, куда достигает тень Мушкет-горы на закате.

Дуайт Кейси, я думаю, жив. Вскоре после того, как он заменил меня, жена его раздобыла кучу денег. Он уволился в конце учебного года и переехал на юг Франции.

Его жена была важной шишкой в Мафии. Она могла бы преподавать, но не хотела, у нее была степень Магистра Политических Наук из Ратгерского Университета. А у него – всего-навсего диплом Управляющего

Отелем, из Корнелла.

Битва при Сципионе продолжалась 5 дней. Это на 2 дня дольше, чем битва при Геттисберге, когда солдат армии конфедератов подстрелил Элиаса Таркингтона, приняв его за Авраама Линкольна.

В ночь массового побега из тюрьмы я был всего лишь беспомощным зрителем, как Роберт И. Ли при Геттисберге или Наполеон Бонапарте при Ватерлоо.

Кто-то в Сципионе все же выстрелил – 1 раз. Я никогда не узнаю, кто это был. Может, человек маялся бессонницей, а ружье оказалось под рукой. Кто бы он ни был, его, должно быть, очень быстро прикончили, а то он обязательно бы хвастался напропалую, что встретил врага во всеоружии.

Те, кто шел в атаку по льду, были хорошими солдатами. Некоторые побывали во Вьетнаме, а значит, изучили курс Военных Наук на полном государственном содержании. У других был богатый жизненный опыт – они зачастую с раннего детства привыкли стрелять сами и попадать под обстрел, поэтому 1-стенный выстрел их не встревожил. Они берегли боеприпасы и готовились стрелять только по видимой цели.

Когда эти вышколенные вояки выбрались на берег, они открыли стрельбу. Но они берегли заряды. Раздавалось «бах!», а потом на несколько минут наступала тишина, до тех пор, пока не появлялась новая цель – может быть, непрспавшийся житель выползал на крыльцо или выглядывал из окна, – и тогда раздавалось «бах!» или 2 или 3 «бах!» подряд, и снова становилось тихо. Беглые рецидивисты, или, как они сами вскоре себя называли Борцы за Свободу, считали, и не без оснований, что во многих, если не во всех домах хранилось огнестрельное оружие, владельцы которого только и мечтают пустить его в ход, стреляя на поражение, – такая уж обстановка тогда сложилась. У Борцов за Свободу просто не было

выбора. Я бы и сам поступил точно так же на их месте.

«Бах!» И еще одна человеческая фигурка дернется и свалится навзничь, как профессиональный актер на ТВ.

Самая оживленная перестрелка, как я определил на расстоянии, завязалась на стоянке кафе «Черный Кот», где проститутки парковали свои фургончики. Мужчины, посещавшие фургончики в столь поздний час, прихватывали с собой, на всякий случай, револьверы. Лучше перестараться, чем недостараться.

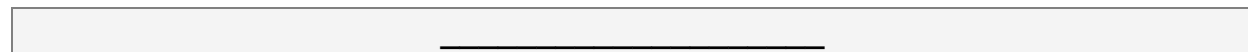
А потом по доносившимся до меня отдельным выстрелам я понял, что Борцы за Свободу начали подниматься на высоту, где стоит наш колледж. Он всегда был залит светом по ночам, чтобы отпугнуть всех, кто хотел устроить какую-нибудь пакость. Таркингтон, раскинувшийся на том берегу озера, казался мне в ту ночь похожим на сверкающий Изумрудный Город, или на Град Божий, или на Камелот²⁰.

Сами понимаете, что я в ту ночь уже не спал. Я без конца прислушивался – не донесется ли до меня вой сирен, треск вертолетных винтов, рокот бронетранспортеров, возвещающий о том, что силы закона и порядка вскоре подавят вспышку насилия еще более жестоким насилием. На рассвете в долине стояла привычная тишина, а красный огонек на водонапорной башне, венчавшей Мушкет-гору, все так же, как ни в чем не бывало, подмигивал: раз-два, раз-два...

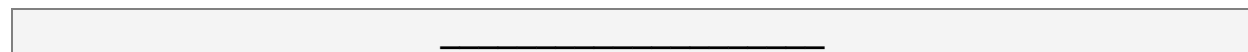
Я пошел в соседний дом, к Начальнику. Я разбудил его 3 слуг. Когда Начальник помчался вверх по склону холма на своем «Изуцу», они опять легли спать. Они были старые, совсем старые люди, и их приговорили к пожизненному заключению в тюрьме без надежды на помилование, еще в те времена, когда я бегал мальчишкой в Мидленд Сити. Я, наверно, еще не умел читать и писать, когда они погубили несколько жизней, или их в этом обвинили, а потом, в наказание, обрекли на жизнь, которая не стоила того, чтобы за нее цепляться.

Чтоб неповадно было.

Но их по крайней мере не посадили на великое изобретение дантиста – на электрический стул.

«Пока есть жизнь – есть и надежда». Так утверждает Джон Гэй в Библии Атеиста. Какой неистребимый оптимизм!

Этих 3 убогих старичков за много десятков лет никто не навестил, даже по телефону не позвонил. От такой жизни они как-то не соображали, что им самим хотелось бы сделать, и были рады и счастливы, когда ими кто-то помыкал. Желания других людей были для них вроде пересадки мозгов. Они прямо на глазах оживали, приободрялись.

Я первым делом заставил их выпить побольше черного кофе. А так как я беспокоился за Начальника, они тоже мне подыгрывали, волновались. Без меня они о нем бы и не вспомнили. Я им не сказал, что заключенные сбежали из тюрьмы и Сципион захвачен преступниками. Для них это были бы пустые слова, как очередной треп по телевидению. Им было положено оставаться там, куда их поместили, независимо от того, что творилось в реальном мире.

Эти 3 были, как это называется у психологов, «ориентированы на других».

Я отвел их в свой дом и приказал поддерживать огонь в камине и кормить Маргарет и Милдред, когда те проголодаются. Консервов у нас было вдоволь. О скоропортящихся продуктах в холодильнике беспокоиться не приходилось: в кухне уже стояла жуткая холодина. Кухонная плита, однако, работала на баллонах со сжатым пропаном, и у нас был месячный запас этого чуда научной фантастики.

Вообразите: сжатая энергетика!

Маргарет и Милдред, слава Богу, относились к тюремным зомби с полным безразличием, как и ко мне. Не то чтобы хорошо, но в общем и не плохо. Так что все опять пришло в норму. Я гарантировал им систему жизнеобеспечения на тот случай, если я буду отсутствовать несколько дней или буду ранен или убит.

Я не боялся, что меня ранят или убьют – разве что по ошибке. Обе воюющие стороны в Сципионе будут считать меня мирным и безобидным существом: Белые – благодаря моей условно-опознавательной окраске, а Черные – потому, что они меня знали и любили.

Фигуры были расставлены. Они были Белые и Черные.

А все Желтые разбежались.

Я надеялся, что мне удастся улизнуть из дому, пока Маргарет и Милдред крепко спят. Но когда я проходил мимо своей лодки, спускаясь к озеру, одно окно наверху распахнулось. Я увидел свою бедную старую жену, помешанную, похожую на огородное пугало. Я думаю, она почуяла, что творится нечто необычайное и важное. Иначе она не впустила бы в свою комнату холод и дневной свет. Мало того: ее голос, который много лет терзал уши, как хрипая рыночная брань, вдруг стал нежным, ласковым, точь-в-точь как во время нашего медового месяца. И она окликнула меня по имени. Этого она уже давно, давно не делала. Я был сбит с толку.

– Джин... – сказала она. Мне пришлось остановиться.

– Что, Маргарет? – сказал я.

– Куда ты, Джин? – сказала она.

– Да так, прогуляться, подышать свежим воздухом, Маргарет, – сказал я.

– Идешь на свидание к женщине, да? – сказала она.

– Нет, Маргарет. Честное слово! – сказал я.

– Ничего, ничего, я понимаю, – сказала она.

У меня просто сердце зашло! Меня сразила острая жалость, и этот дивный голос, который я почти позабыл, и юная Маргарет в обличье старой ведьмы! И я крикнул ей, от всего сердца:

– О, Маргарет, я тебя люблю, я тебя люблю!

Это были последние слова, которые она от меня услышала в этой жизни, потому что мне не суждено было возвратиться.

Она не ответила. Она закрыла окно и спустила глухую черную штору.

Больше я ее не видел.

После того как тот берег озера был освобожден 82-й воздушно-десантной дивизией, ее вместе с матерью посадили в стальную коробку в кузове одного из тюремных грузовиков и отвезли в приют для умалишенных, в Батавии. Им там будет хорошо, пока они вместе. А может, им будет хорошо и друг без друга. Этого нам не узнать, пока кто-нибудь или что-нибудь не поставит специальный эксперимент.

С того утра я не бывал на той стороне озера, и, вполне возможно, больше туда не попаду, хотя до того берега рукой подать. Так что мне вряд ли удастся узнать, куда девался мой старый солдатский сундучок, гроб, в котором лежит солдат, каким я когда-то был, и мой драгоценный, редчайший экземпляр журнала «Черный пояс».

Я перешел через озеро – чтобы никогда не возвращаться, как выяснилось, – чтобы сообщить беглым преступникам нечто важное, ради спасения жизни людей и их имущества. Я знал, что студенты разъехались на каникулы. Остались только те, кто не имел никакого социального положения, кто был пустым местом – а к этой категории я, конечно, относил весь преподавательский состав, представителей Обслуживающего Персонала.

Я знал, что подобная смесь представителей низших классов очень опасна. Во Вьетнаме, и позже, во время театрализованных налетов на Триполи и Панама-Сити и прочее, наши доблестные летчики запросто отправляли в Царство Небесное толпы мирных, незначительных жителей, не интересуясь, на чьей они стороне.

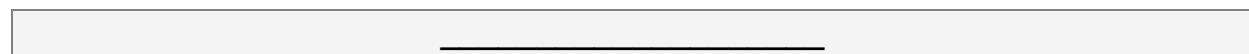
Мне казалось, что если правительство решит бомбить Сципион, то было бы целесообразно разбомбить заодно и тюрьму. Полный порядок, и дело с концом.

Какие будут приказания?

Много ли Американцев знали или интересовались тем, где находится Долина Мохига, или Лаос, или Камбоджа, или Триполи, и как там живет? Благодаря нашей великолепной системе народного образования и телевидению, половина Американцев не сумеет даже показать свою родную страну на карте мира.

А три четверти нашего населения не смогут завинтить крышечку на бутылке виски, не сорвав резьбы.

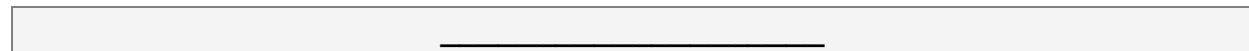
Как я и ожидал, завоеватели Сципиона обращались со мной как со старым мудрым шутком. Преступники звали Меня «Проповедником» или «Профессором», как привыкли звать на том берегу.

Я увидел, что многие надели на рукава повязки из ленты, так что получилось нечто вроде формы. Когда мне попался один из них без перевязи на рукаве, я его спросил, в шутку:

– А где твоя форма, солдат?

– Проповедник, – сказал он, – я в своей форме родился.

Он имел в виду цвет кожи.

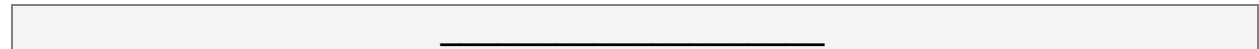

Элтон Дарвин обосновался наверху, в кабинете Текса Джонсона в Самоза-Холле, в качестве Президента новой державы. Он пил без просыпу. Я вовсе не хочу сказать, что кто-либо из беглых преступников вел себя разумно или подавал надежду на исправление. Им было без разницы, жить или умереть. Элтон Дарвин мне обрадовался. Ничего удивительного, он

радовался всему и всем.

Тем не менее я был обязан предупредить его, что придется подготовиться к бомбежке, если он и все прочие немедленно не отступят из города. Я сказал, что единственная надежда остаться в живых – вернуться в тюрьму и вывесить побольше белых флагов. Если они сделают это без проволочек, то можно будет сделать вид, что они не имеют никакого отношения к избиению жителей Сципиона. Количество людей, убитых преступниками в Сципионе, кстати сказать, было на 5 меньше, чем количество людей, которых я лично и без посторонней помощи убил на Вьетнамской войне.

Так что Битва при Сципионе была просто-напросто «бурей в стакане воды» – это одна из пословиц, приведенных в Библии Атеиста.

Я сказал Элтону Дарвину, что, если он со своими ребятами не хочет попасть под бомбежку или вернуться в тюрьму, пусть заберут всю еду, которая им попадется, и слинянут поодиночке на север или на запад. Я сказал ему и то, что он уже знал: к востоку и к югу от нас тянется дремучий Лесной Заповедник, в котором свет не доходит до земли и нет никакой живности, так что они помрут с голоду, прежде чем выберутся оттуда. Я сказал ему еще кое-что, что он знал и без меня, – на западе и на севере скоро появятся толпы белых, которые примутся с превеликой радостью охотиться на него с товарищами, как охотились на оленей.

Вторую мысль мне внушили, собственно говоря, сами заключенные. Они все были твердо уверены, что Белые люди, настоявшие на своем праве держать в домах огнестрельное оружие армейского образца, согласно Конституции, ждут не дождутся великого дня, когда они смогут палить в других Американцев, у которых нет имущества, как у них самих, и кто не походит на их друзей и родичей, на своеобразном открытом полигоне – во Вьетнаме мы называли это «Зоной Свободного Огня». Ты мог стрелять по любому движущемуся объекту во имя блага более многочисленного сообщества, которое всегда находилось Бог знает где, как Рай.

Элтон Дарвин выслушал меня внимательно. Потом он сказал, что я верно говорю и тюрьму, наверно, разбомбят. Но он гарантировал мне, что Сципион не станут ни бомбить, ни брать штурмом и что Правительство будет держаться на расстоянии и удовлетворит все требования, которые он собирается выдвинуть.

– Почему ты так думаешь? – сказал я.

– Мы захватили знаменитость с ТВ, – сказал он. – Они не рискнут причинить ему вред. Слишком много народу увидит.

– Кто это? – сказал я. И он ответил:

– Джейсон Уайлдер.

Я тогда впервые услышал, что они захватили в заложники не только Джейсона Уайлдера, но и всех Членов Попечительского Совета Таркингтона. Теперь я понял, что Элтон Дарвин знал про то, что Уайлдер знаменитость, только потому, что в тюрьме за озером то и дело гоняли старые видеозаписи его передач. На свободе бедняки, все равно, белые или цветные, никогда не смотрели его программы дольше нескольких минут, потому что он неизменно внушал зрителям одну мысль: из-за этих бедняков у нас такая кошмарная жизнь.

– Звездные Войны, – сказал Элтон Дарвин. Он хотел напомнить мне мечту Роналда Рейгана: чтобы ученые построили над нашей страной невидимый купол, оснащенный электроникой и лазерами и прочими штуками, и чтобы этот купол не мог пробить ни один вражеский самолет, ни одна ракета. Дарвин был уверен, что высокое общественное положение заложников – это такой невидимый купол над Сципионом.

Я думаю, он не ошибался, хотя у меня не было возможности выяснить, насколько серьезно Правительство собиралось стереть Сципион с лица земли. Несколько лет назад я мог бы воспользоваться Актом о свободном доступе к информации. Но Верховный суд закрыл этот глазок.

Дарвин и его товарищи знали, что жизнь заложников представляет большую ценность для Правительства. Почему, он не знал, да и я не уверен, что знаю. Мне кажется, что людей, обладающих властью и деньгами, стало так мало, что они чувствуют себя одной семьей. Для беглых преступников, которые ничего о них не знали, они могли вполне быть ящерами-панголинами или другими неведомыми зверями, которых они в жизни не видели.

Дарвин выразил сожаление, что мне тоже придется остаться здесь, в Сципионе. Он сказал, что не может меня отпустить, потому что я слишком много знаю о его системе укреплений. Я вообще ничего подобного не заметил, а по его словам можно было подумать, что вокруг нас сплошные траншеи, противотанковые рвы и минные поля.

А его представление о будущем еще больше смахивало на галлюцинации. Он хотел восстановить в нашей долине прежние производства, вдохнуть в нее жизнь. Она станет Утопией, причем только для Черных. А всех Белых выселят в другие места.

Он намеревался вставить выбитые стекла фабрик, починить прохудившиеся крыши, чтобы не протекали. Деньги же на все это и множество других чудесных дел он выручит от продажи драгоценных

пород дерева в Национальном Лесном Заповеднике Японцам.

Эта последняя его мечта теперь осуществляется. Мексиканские рабочие валят Национальный Лес японскими пилами под руководством Шведов. А прибыль пойдет на уплату позавчерашних процентов Национального Долга.

Тут я немного преувеличил, шутки ради. Я понятия не имею, пойдут ли какие-то деньги, полученные от продажи леса, на уплату Национального Долга – как я слышал недавно, сумма долга превышает общую стоимость собственности, находящейся в Западном полушарии, – а все из-за сложных процентов.

Элтон Дарвин окинул меня взглядом с головы до ног, а потом выпалил с импульсивностью, достойной социопата:

– Профессор, не могу я вас отпустить, вы мне очень нужны!

– Зачем? – сказал я. Я испугался, что он собирается произвести меня в Генералы.

– Поможете составить план, – сказал он.

– Какой план? – сказал я.

– План построения светлого будущего, – сказал он. Он попросил меня пойти сюда, в библиотеку, и разработать детальный план перестройки нашей долины на зависть всему миру.

Чем я, собственно говоря, и занимался в продолжение Битвы при Сципионе.

Тем более что высовывать нос наружу было опасно, того и гляди, угодишь под шальную пулю.

Моим самым удачным утопическим изобретением для идеальной Черной Республики было «Пиво Борцов за Свободу». Они должны были, как я предполагал, пустить в ход старинную пивоварню и производить на ней самое обычное пиво, только под названием «Пиво Борцов за Свободу». Волшебное название для пива, не примите за бахвальство. Я воображал, что настанет время, когда во всем мире все усталые, труждающиеся и обремененные будут взбадривать себя хоть немного кружечкой Пива Борцов за Свободу.

Пиво на самом-то деле действует угнетающе, это депрессант. Но бедняки никогда не теряют надежды на лучшее.

Элтон Дарвин погиб прежде, чем я успел закончить свой грандиозный план. Предсмертные слова Дарвина, как я уже говорил, были: «Смотрите, как Черномазый летает на аэроплане». Но я показал план заложникам.

– Не понимаю, к чему это? – сказал Джейсон Уайлдер.

– Я хочу, чтобы вы своими глазами видели, чем они заставили меня заниматься, – сказал я. – Вы все время говорите, что я мог бы вас выпустить, если бы захотел. А я был таким же пленником, как вы.

Он просмотрел бумаги, а потом сказал:

– Они что, и вправду думали, что все это сойдет им с рук?

– Нет, – сказал я. – Они знали, что это их Аламо. Он поднял свои знаменитые брови, как удивленный клоун. Мне всегда казалось, что он похож на несравненного комика, Стенли Лоурела.

– Мне бы и в голову не пришло сравнивать взбесившихся шимпанзе,

которые держат нас в узилище, с Дэви Крокеттом и Джеймсом Бови и с пра-прадедушкой Текса Джонсона, – сказал он.

– Я просто имел в виду безнадежное положение, – сказал я.

– Надеюсь, что это так, – сказал он.

Я мог бы еще добавить, хотя промолчал, что мученики Аламо пожертвовали жизнью за право владеть Черными рабами. Они не желали входить в состав Мексики, потому что там рабство в любой форме было запрещено законом.

Я думаю, Уайлдер об этом не знал. Это известно немногим в нашей стране. В Академии я точно ни разу об этом не слышал. Я бы так и не знал, что битва при Аламо имела отношение к рабству, если бы мне не сказал профессор Стерн, унициклист.

Не удивительно, что в Аламо так мало Черных туристов!

Части 82-го военно-воздушного дивизиона, доставленные прямо из Южного Бронкса, к тому времени заняли противоположный берег озера и загнали заключенных обратно в тюрьму. Самой тяжелой проблемой там оказалось вот что: почти все туалеты в тюрьме были разбиты вдребезги. Зачем – кто знает?

Что прикажете делать с громадным количеством экскрементов, которые выделяют, час за часом и день за днем, все эти подонки общества?

На нашей стороне озера туалетов было достаточно, и по этой причине колледж почти сразу же превратили в филиал тюрьмы. Сроки играют существенную роль, как считают юристы.

Представьте себе, что было бы, если бы такое стряслось на громадном ракетном корабле, направляющемся к Бетельгейзе.

В последний день осады, ближе к вечеру, подразделение Национальной Гвардии сменило части военно-воздушных сил на том берегу. Той же ночью парашютисты незаметно заняли позиции за Мушкетгорой. За два часа до рассвета они бесшумно обошли гору с двух сторон, захватили конюшню, освободили заложников, а затем овладели и Сципионом. Им пришлось убить только 1 человека – часового, который подремывал у дверей конюшни. Они его сняли, задушив при помощи стандартной единицы вооружения. Я сам пользовался им во Вьетнаме. Это был кусок рояльной струны метровой длины, с деревянными ручками на концах.

Ничего не попишешь.

У осажденных не осталось боеприпасов. Да и самих осажденных почти не осталось. Человек 10, не больше.

Повторяю: я не уверен, что все эти микрохирургические тонкости военной операции были бы пущены в ход, если бы не высокий социальный статус Попечителей.

Их перебросили вертолетом в Рочестер, а там показали по ТВ. Они возблагодарили Бога и Армию. Они заявили, что не теряли надежды. Они сказали, что чувствуют себя усталыми, но счастливыми и мечтают только принять горячую ванну и лечь в чистую постель.

Все Национальные Гвардейцы, которые находились во время осады южнее Медоудейлского Кинокомплекса, получили боевые награды. Уж как они были рады!

Парашютисты уже свои награды получили. Когда они надели парадную форму по случаю триумфального шествия, их грудь украшали разноцветные колодки наград за участие в боях в Коста Рике, и в Бимини, и в Эль Пасо и так далее, и, само собой, за битву в Южном Бронксе. Эта, битва продолжалась пока что без них.

Несколько людей, которые ничего собой не представляли, вроде пустого места, попытались сесть в вертолеты вместе с Попечителями. Мест было много. Но на борт приняли только тех, кто был поименно перечислен в списке, присланном из самого Белого Дома. Я видел список. Из местных там были только Текс и Зузу Джонсон.

Я смотрел вслед улетающим вертолетам. Хэппи энд. В это время я был на колокольне, проверял, какой ущерб нанесен имуществу. Раньше я не рискнул взобраться наверх. Кто-нибудь мог снять меня 1 выстрелом, и это мог бы оказаться великолепный выстрел.

А когда вертолеты превратились в точки на горизонте, я вздрогнул, услышав женский голос. Женщина была у меня за спиной. Она была маленькая, в белых теннисных туфлях, и подошла совершенно бесшумно. Я не ожидал, что встречу здесь кого-то. Она сказала:

– Мне всегда было интересно знать, что тут такое. Конечно, все вверх дном, но вид прекрасный, если вам нравится, когда много воды и солдат.

Голос у нее был усталый. Да и все мы порядком измотались.

Я обернулся, посмотрел на нее. Она была Черная. Нет, я не хочу сказать «так называемая Черная». Кожа у нее была очень темная. Вполне возможно, что в ней не было ни капли белой крови. Если бы она была мужчиной и попала в Афинскую тюрьму, то заняла бы место на самой низшей ступени кастовой лестницы.

Она была такая маленькая и казалась такой юной, что я было принял

ее за одну из Таркингтоновских студенток – может быть, это неграмотная дочка какого-нибудь свергнутого Карибского или Африканского диктатора, который дал деру в США, прихватив с собой всю казну своего умирающего с голоду народа.

Опять ошибся!

Если бы ГРИО™ был в рабочем состоянии, он бы нипочем не угадал, кто она такая и что она здесь делает, – я уверен. Она жила вне той статистики, на которой ГРИО™ строил свои призрачные и хитроумные прогнозы. Когда ГРИО™ встречал кого-то настолько далекого от среднестатистических ситуаций, как эта девушка, он чувствовал себя загнанным в тупик, вырубался, начинал гудеть. Загоралась маленькая красная лампочка.

Ее звали Элен Доул. Ей было 26. Не замужем. Родилась в Южной Корее, выросла в Западном Берлине. Получила Докторскую степень по Физике в Берлинском университете. Ее отец был старшим сержантом в Квартирмейстерском Корпусе регулярной Армии, служил сначала в Корее, а потом в нашей оккупационной Армии в Берлине. Когда ее отец, прослужив 30 лет, ушел на покой и поселился в довольно приличном домике и в довольно приятном местечке в Цинциннати, и она увидела, в какой жуткой нищете и обреченности живут и умирают почти все чернокожие, она вернулась в Берлин – уже просто Берлин – и получила степень доктора наук.

Многие люди там относились к ней не лучше, чем здешние, но там-то по крайней мере ей не лезли в голову мысли о людях в гетто, совсем под боком, где шансы выжить были гораздо ниже, а средняя продолжительность жизни куда меньше, чем в беднейшей стране нашей планеты – в Бангладеш.

Доктор Элен Доул приехала в Сципион за день до побега заключенных и должна была пройти собеседование с Тексом и Попечителями, чтобы, представьте себе, занять мое прежнее место учителя физики. Она узнала об открывшейся вакансии из «Нью-Йорк Таймс». Перед тем, как выехать, она говорила с Тексом по телефону. Она хотела убедиться, что он знает, что она Черная. Он сказал, что все хорошо, нет проблем. Сказал, что это просто

прекрасно: женщина, чернокожая, и доктор наук!

Если бы она успела получить эту работу и подписать контракт до того, как Таркингтон приказал долго жить, она стала бы последней из длинной череды Таркингтоновских преподавателей физики, после меня.

Но доктор Доул вместо этого накричала на Попечительский Совет. Они просили ее дать слово, что она ни при каких обстоятельствах, ни на занятиях, ни во внеурочное время, не станет обсуждать со студентами политические, экономические или социальные проблемы. Она должна была предоставить это тем лицам, которые соответственно владели этими специальностями.

– Я просто в потолок врезалась, – сказала она мне.

– Ничего особенного они не просили, – сказала она, – только чтобы я перестала быть живым человеком.

– Надеюсь, вы им спуска не дали, – сказал я.

– Еще бы! – сказала она. – Я их назвала бандой европейских плантаторов.

В Совете больше не было матери Лоуэлла Чанга, так что все, кто сидел перед доктором Доул, были и вправду потомками европейцев.

Она заявила им в лицо, что европейцы вроде них – разбойники, вооруженные до зубов, и они расползлись по всему миру, отнимая чужую землю, которую они называли своими плантациями. И ограбленных ими же людей они называли своими рабами. Конечно, она имела в виду далекую историческую перспективу. Попечители Таркингтона, во всяком случае, не скитались по морям и океанам с оружием в руках, в поисках плохо охраняемой недвижимости. Она хотела сказать, что они унаследовали богатства тех разбойников и их отношение к жизни, даже в том случае, если родились в бедности и совсем недавно развалили жизненно необходимую индустрию, или обчистили сберегательный банк, или сорвали жирные комиссионные с продажи иностранцам самых любимых Американских традиций или памятников природы.

Она рассказала Попечителям, которые, естественно, проводили отпуска на Карибском море, про вождя карибских Индейцев, которого Испанцы собирались сжечь на костре. Его сочли преступником, потому что он не хотел понять, какая честь и благодать для его народа – сделаться рабами на собственной земле.

Этому вождю поднесли крест, чтобы он его поцеловал, прежде чем профессиональный солдат – а может, и священник – подожжет кучу хвороста и дров, наваленных выше его колен. Он спросил, почему он должен целовать крест, и ему пояснили, что этот поцелуй обеспечит ему Рай, где он встретит Господа Бога, и так далее.

Он спросил, много ли там, в Раю, людей, похожих на Испанцев.

Ему сказали, что много.

В этом случае, сказал он, он предпочитает не целовать крест. Он не хочет попадать еще в одно место, где живут такие жестокие люди.

Еще она рассказала им про Индонезийских женщин, бросавших свои украшения под ноги голландским морякам, которые высаживались на берег с огнестрельным оружием, только бы они удовлетворились этим доставшимся даром богатством и убрались восвояси.

Но Голландцам в придачу была нужна их земля и их труд.

Они это получили и назвали плантациями.

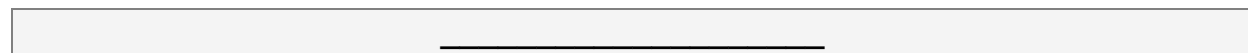
Я об этом слышал еще от Дэмона Стерна.

– А теперь, – сказала она Попечителям, – вы распродаете эти плантации, потому что почва истощена, а местные жители с каждым днем

все больше болеют и голодают, выпрашивают, как милостыню, хлеб насущный, лекарства и крышу над головой, а все это вздорожало до безобразия. Водопроводные магистрали лопаются. Мосты проваливаются. А вы забираете свои денежки и удираете отсюда.

Один из Попечителей – кто, она не знает, знает только, что не Уайлдер, – сказал, что намерен провести всю оставшуюся жизнь в Соединенных Штатах.

– А хоть бы вы и остались, – сказала она, – и вы сами, и ваши денежки, и ваши душонки бегут отсюда куда попало.

Таким образом, мы с ней, совершенно независимо друг от друга, сделали одно открытие: даже уроженцы нашей страны, стоило им взобраться на верхушку или родиться на верхушке, относились к Американцам как к чужому народу. Похоже, что это касается и людей на верхушке бывшего Советского Союза: для них простые люди, их собственный народ, были как неродные, они их не очень-то понимали и не очень-то любили.

– А что Джейсон Уайлдер на это сказал? – спросил я ее. На телевидении он обычно с лету ловил любую мысль, которую ему бросали, слюнявил ее, если можно так выразиться, и бросал обратно, так дьявольски подкрутив, что отпарировать ее было уже невозможно.

– Он выдержал паузу, – сказала она.

Я представил себе, как он был огорошен, раздавлен этой маленькой негритяночкой, которая говорила на множестве языков, чего он не умел, знала в 1 000 раз больше о Науке, чем он, и уж по крайней мере не хуже, чем он, разбиралась в истории, и литературе, и искусстве. Он никогда в жизни не приглашал таких людей на свою программу. Ему, может, в жизни не приходилось спорить с человеком, чье будущее ГРИО™ признал бы непредсказуемым. Наконец он сказал:

– Я Американец, а не Европеец. А она ему:

– Почему же вы тогда не поступаете как Американец?

Ну вот, а теперь и Японцы отступают. Их оккупационная Армия в Штатском отправляется домой. Массовый побег из Афинской тюрьмы был, по-моему, последней соломинкой, которая сломала спину верблюда, но они и до того бросали свои приобретения, просто бросали и уходили, не дожидаясь разорения, которое ударило бы их по карману.

Для меня остается тайной, зачем им понадобилось скупать страну в состоянии крайнего физического, духовного и интеллектуального оскудения. Может, они хотели таким образом свести с нами счеты за то, что мы сбросили на них не 1, а 2 атомных бомбы.

Таким образом, мы имеем пока что две группы, которые по доброй воле отказались владеть этой страной – главным образом потому, думается мне, что вместе с собственностью, движимой и недвижимой, им пришлось взять в придачу слишком много несчастных, озлобленных и все более пренебрегающих законностью людей всех рас и национальностей, у которых никакой собственности вообще не было.

Похоже, что они оставят за собой атолл Оаху, нечто вроде сувенира времен расцвета их империи, точно так же, как Британцы оставили за собой Бермудские острова.

Что касается несчастных и нищих людей всех рас и народов, то я часто старался себе представить, что ожидало бы Попечителей Таркингтона, если бы тюрьма в Афинах была предназначена не для Черных, а для Белых. Латиноамериканцы, я думаю, отнеслись бы к ним так же, как Черные, как будто они – ящеры-панголины, экзотические существа, не имеющие ни

малейшего отношения к той жизни, какую прожили заключенные.

А вот Белые преступники, мне кажется, могли бы их убить или по крайней мере избить до полусмерти за то, что они думали об их судьбе не больше, чем о судьбе Черных или Латиноамериканцев.

Доктор Доул вернулась в Берлин. По крайней мере она мне сказала, что возвращается туда.

Я ее спросил, где она пряталась во время осады. Она сказала, что забралась в топку под старым котлом в подвале этой библиотеки. Бойлерной перестали пользоваться еще до моего поступления сюда, но демонтаж обошелся бы в кругленькую сумму. А здесь терпеть не могли расходы на улучшения, которые не бросались бы в глаза.

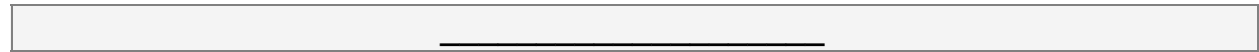
Так что во время осады она была всего в нескольких метрах от того места, где сидел я, занимаясь чудесной новой наукой – Футурологией.

Доктор Доул была невысокого мнения о своей стране. Она с возмущением говорила о неслыханном росте самоубийств, и убийств, и наркомании, о чудовищных показателях детской смертности, о низком уровне образованности, о том, что у нас в местах заключения находится больший процент населения, чем в любой другой стране, не считая Гаити и Южной Африки, что мы потеряли способность производить что бы то ни было и вкладываем в науку и начальное образование меньше средств, чем Япония или Корея, да и любая страна в Восточной или Западной Европе, и

прочее в таком духе.

– Зато у нас по крайней мере есть свобода слова, – сказал я. А она сказала:

– Это не то, что кто-то преподносит вам сверху. Этого приходится добиваться самим.

Пока не забыл: во время собеседования, когда она поступала на работу, она спросила Джейсона Уайлдера, какой институт он окончил. Он ответил: «Йейль».

– Знаете, как надо бы назвать это заведение?

– Нет, – сказал он. А она ему:

– «Техникум для Плантадоров».

Она мне рассказывала, что, когда жила в Берлине, приходила в ужас, видя вопиющее невежество Американских туристов и солдат – они не знали ни истории, ни географии, ни одного иностранного языка, никаких обычаев других народов. Она меня спросила:

– Почему большинство Американцев гордятся своим невежеством? Они ведут себя так, будто невежество придает им особое очарование.

Этот же вопрос, вполне серьезно, мне задавал и Элтон Дарвин, когда я работал в Афинской тюрьме. Там одновременно на всех телеэкранах запустили фильм времен 2 мировой войны. Фрэнк Синатра попал в плен к немцам, и его допрашивал майор СС, который говорил по-английски не хуже Фрэнка Синатры, играл на виолончели и рисовал акварелью в свободное время, и он признался Синатре, что ждет не дождется, когда кончится война и он вернется домой, к своей первой любви, лепидоптерологии.

Синатра не знал, что такое лепидоптерология. А это наука, изучающая ночных и дневных бабочек. Майору пришлось объяснять ему, что это такое.

И Элтон Дарвин задал мне вопрос:

– Как это получается, что во всех фильмах Немцы и Японцы всегда такие дошлые ребята, а Американцы – шуты гороховые, а под конец все же Американцы выигрывают войну?

Дарвин не считал, что его лично это касается. Все кадровые Американские солдаты были Белые. И не то чтобы это была пропаганда Белых. Это соответствовало исторической правде. Во время «Последней Петарды» Американские боевые части были разделены по расовому признаку. В те времена полагали, что Белые будут считать себя отбросами общества, если им придется жить, питаться и прочее вместе с Черными. Да и у штатских было то же самое. Для Черных были отдельные школы, их не пускали в большинство отелей, ресторанов и парков, где развлекались Белые. Их пускали только на сцену да в кабинки для голосования.

Их также периодически вздергивали или жгли живьем или как-то иначе напоминали им, что их место – на самом дне общества. Когда их заставляли надеть солдатскую форму, считалось, что у них нет ни решительности, ни инициативы в боевой обстановке. Так что их обычно заставляли заниматься неквалифицированным трудом или водить грузовики, в то время как на переднем плане Дюки Уэйны и Фрэнки Синатры совершали героические подвиги.

Была, впрочем, эскадрилья истребителей, целиком состоявшая из Черных. Многие почему-то удивлялись, но сражались они отлично.

Видал, как Черномазый летает на аэроплане?

Вернемся к вопросу Элтона Дарвина – почему Фрэнк Синатра оказался победителем, хотя ничего не знал. Я сказал:

– Мне думается, Фрэнк заслужил победу, потому что он похож на Дэви Крокетта при Аламо.

Фильм Уолта Диснея про Дэви Крокетта гоняли в тюрьме почему зря, и все заключенные знали, кто такой Дэви Крокетт. Было бы полезно на заседании суда подчеркнуть, что я никогда не говорил заключенным, что Мексиканский Генерал, атаковавший Аламо, пытался безуспешно сделать то, что впоследствии удалось Аврааму Линкольну, – а именно сохранить единство своей страны и покончить с рабством.

– Чем же это Синатра похож на Дэви Крокетта? – спросил меня Элтон Дарвин. И я ответил:
– Он чист сердцем.

Вот такие дела. Мне еще есть о чем рассказать. Я только что получил от моего адвоката сообщение, которое едва дух из меня не вышибло. После Вьетнама я думал, что мне все на свете нипочем. Я считал, что привык к мертвым телам, чьи бы они ни были.

Опять ошибся.

Ну и ну!

Если я сейчас вам скажу, кто умер и как этот человек умер, а умер он только вчера, моя история будет как бы закончена. С точки зрения читателя, мне останется только написать:

КОНЕЦ

Но я хочу еще кое о чем рассказать. Поэтому буду писать дальше, как будто это известие до меня не дошло, буду продолжать. И вот что я пишу:

Подполковник, возглавлявший атаку на Сципион, а потом не пустивший никого из местных в вертолеты, кончил мою Академию, может, лет на 20 позже меня. Когда я назвал ему свое имя и он увидел кольцо моего класса, он вдруг понял кто я такой и кем я был раньше.

– Боже ты мой да это Проповедник! – воскликнул он.

Если бы не он, я не знаю, что бы со мной было. Возможно, я последовал бы примеру большинства жителей долины, отправился бы в Рочестер, или Буффало, а то и подальше, в поисках любой работы, за самую низкую плату, конечно. Весь район Медоудейлского Кинокомплекса был и до сих пор находится на военном положении.

Офицера звали Харли Уилок III. Он поведал мне, что и сам он, и его жена не могли иметь детей, поэтому усыновили двух сирот, двойняшек, из Перу, что в Южной Америке, а не из того Перу, что в штате Индиана. Это были славненькие девчушки, Инки. Но ему почти не удавалось вырваться домой, его дивизион все время был в деле. Он уже собирался съездить в отпуск домой из Южного Бронкса, когда получил приказ отправиться сюда, подавить бунт в тюрьме и освободить заложников.

Отец его, Харли Уилок II, был в Академии на 3 курса впереди меня, и погиб, как я уже знал, от какого-то несчастного случая в Германии, так что служить во Вьетнаме ему не пришлось. Я спросил Харли III, как именно погиб Харли II. Он рассказал, что его отец утонул, пытаясь спасти шведку, которая решила покончить с собой, открыв окно своего «Вольво» и пустив его с пристани прямо в реку Рур, в городе Эссене: кстати, это был родной город основателей первой компании по производству крематориев «А. И. Топф и Сын». Как тесен мир!

И вот Харли Уилок III сказал мне:

– Ты что-нибудь знаешь про эту яму с экскрементами?

Естественно, он не сказал «с экскрементами». Он раньше и не подозревал о существовании Долины Мохига, пока его сюда не перебросили. Как многие другие, он слышал о Таркингтоне и Афинах, но очень смутно представлял себе, где они находятся.

Я ответил, что эта яма с экскрементами – мой дом родной, хотя родился я в Делаваре, а рос в Огайо, и что я надеюсь кончить свои дни и быть похороненным именно здесь.

– А где Мэр? – сказал он.

– Погиб, – сказал я. – И все полисмены тоже, в том числе и двое из студенческого городка. И Брандмайор.

– Выходит, у вас тут нет никакого Правительства? – сказал он.

– По-моему, ты и есть Правительство, – сказал я. Он помянул имя Бога нашего всуе, и очень громогласно, и добавил:

– Куда бы я ни попал, меня с ходу назначают Правительством. Я уже – Правительство Южного Бронкса, и мне надо туда возвращаться, побыстрому. Так что я назначаю тебя Мэром этой ямы с экскрементами.

На этот раз он и сам сказал «с экскрементами», принял мою поправку.

– Ступай в Ратушу, где она там у вас, и начинай управлять.

Он был такой решительный! Такой оглушительный! Разговор и без

того звучал достаточно дико, а вдобавок у него на голове красовался один из тех шлемов, смахивающих на ведерки для угля, которые ввели в Армии после того, как мы проиграли войну во Вьетнаме, – должно быть, надеялись, что это вернет нам потерянную удачу.

Сделайте так, чтобы Черные, Евреи и все прочие выглядели точь-в-точь, как Нацисты, и поглядите, что из этого выйдет.

– Не могу я управлять, – сказал я. – Меня никто слушаться не будет. Анекдот получится.

– Верно, старина! – рявкнул он. Ну и голос!

Он связался по радио с офисом Губернатора в Олбани. Сам Губернатор уже вылетел в Рочестер вертолетом, чтобы попасть в программу ТВ вместе с заложниками. Но там, в офисе, умудрились связать Харли III с Губернатором прямо на лету, в небе. Харли III доложил обстановку в Сципионе и сказал, кто я такой.

В двух словах.

А потом Харли III обернулся ко мне и сказал:

– Поздравляю! Отныне ты – Бригадный Генерал Национальной Гвардии!

– У меня на том берегу осталась семья, – сказал я. – Я должен посмотреть, как они там.

Он мог мне точно сказать, что с ними. Он вчера видел своими глазами, как Маргарет и Милдред посадили в стальной ящик в кузове тюремного грузовика и повезли в «Академию Смеха», в Батавию.

– Они в полном порядке! – сказал он. – Ты нужен родной стране больше, чем своей родне. Так что, генерал Хартке, грудь колесом и вперед шагом марш!

Энергия у него была через край! Можно было подумать, что под шлемом, похожим на угольное ведро, бушует гроза.

Ни одной минуты не теряет! Не успел он уговорить Губернатора произвести меня в Бригадные Генералы, как тут же понесся на конюшню, возле которой захваченные в плен Борцы за Свободу рыли могилы для мертвых. Усталые могильщики могли не без оснований считать, что роют могилу и для себя. Они насмотрелись фильмов о «Последней Петарде», где люди в шлемах, похожих на ведерки для угля, стояли и смотрели, как другие люди, в лохмотьях, готовили себе место последнего упокоения.

Я слышал, как Харли III орал на могильщиков, приказывая глубже копать, края подровнять и так далее. Мне приходилось наблюдать такие истерические припадки лидерства во Вьетнаме, да я и сам временами вел себя так же, поэтому я совершенно уверен, что Харли III принял какой-то препарат, вроде амфетамина.

Поначалу управлять мне было почти нечем. Этот колледж, единственный из всех предприятий большого и малого бизнеса в нашей долине, сохранился и остался в полном запустении. Вполне возможно – надолго. Большинству местных жителей удалось удрать после побега заключенных. Однако, когда они вернулись, жить им оказалось не на что. Владельцы домов или доходных предприятий не могли сбыть их с рук. Они разорились вчистую.

Так что большинство штатских, которыми я мог бы управлять, поскорее собрали свои пожитки, побросали их в автомашины и трейлеры и заплатили по ценам черного рынка фантастические цены за бензин, только бы хватило, чтобы убраться отсюда подобра-поздорову.

Своего войска у меня не было. На этой стороне озера были размещены подчиненные Лукаса Флорио – командора Дивизиона Национальной Гвардии, 42 Дивизиона, «Радужного Дивизиона». Свою штаб-квартиру он устроил в бывшем офисе Хироси Мацумото, в тюрьме. В Уэст-Пойнте он не учился, был слишком молод, чтобы воевать во Вьетнаме, а родом он из Скенектеди, так что мы с ним раньше не встречались. Все его солдаты были Белые, а представители Восточных рас считались почетными Белыми. То же касалось и 82 воздушно-десантного дивизиона. Где-то были и Черные, и Латиноамериканские части, согласно теории, утверждавшей, что на свободе, как и в тюрьме, люди всегда чувствуют себя комфортнее среди представителей своей расы.

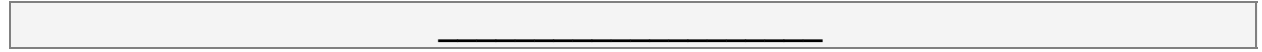
Я считаю, что эта новая сегрегация – хотя и не слышал, чтобы кто-нибудь из выдающихся деятелей признал это, – превратила Вооруженные Силы в нечто вроде набора клюшек для гольфа. Можно было выбирать тот или другой батальон – в зависимости от того, какой цвет кожи у их предполагаемого противника.

А вот в Советском Союзе с его многонациональным населением – где можно встретить кого угодно, кроме Черных и Латиноамериканцев, – власти убедились на горьком опыте, что солдаты не очень-то охотно сражаются с людьми, которые и выглядят, и думают, и говорят точь-вточь как они сами.

«Радужный Дивизион» начал свое существование еще в 1 мировую войну, в качестве экспериментального объединения нестандартных Американцев, не принадлежащих к кадровым военным. Созданные в те времена Резервные Дивизионы были распределены по различным округам страны. Потом кому-то пришла в голову мысль собрать Дивизион из мобилизованных и волонтеров со всей страны, чтобы доказать, как они прекрасно ладят друг с другом.

Тогда Радуга должна была символизировать дружбу между Белыми людьми, которые, как считалось, недолго любили друг друга. Как оказалось, «Радужный Дивизион» сражался не хуже любого другого во время Войны против всех Войн, которая послужила лишь вступлением к «Последней

Петарде».

Позже, когда эксперимент был завершен, 42 Дивизион стал просто одной из частей Национальной Гвардии и был передан приказом в распоряжение Штата Нью-Йорк, вместе со своими боевыми наградами.

Но символический кусочек радуги остался на их погонах.

До того, как меня арестовали за подстрекательство к бунту, я тоже носил кусочек радуги, рядом со звездой Бригадного Генерала!

За первые две недели пребывания в должности Военного Главнокомандующего Сципионского Округа – простиравшегося до самых верховьев озера и до самого Национального Лесного Заповедника – самое лучшее, по-моему, было то, что я сделал некоторых солдат пожарниками. Кое-кто даже был пожарником на гражданке, и я дал им возможность ознакомиться с хозяйством нашей пожарной части, которая не пострадала во время осады. Нам притом еще и сказочно повезло: у всех пожарных машин баки были доверху заполнены бензином. Казалось бы, в обществе, где народ, от подонков и до верхушки, тащит все, что не прибито гвоздями, кто-то должен был подсуесться и пересифонить весь бесценный бензин до последней капли.

Случается, и нередко, что среди полного хаоса, «потока и разграбления» вы вдруг натываетесь на поразительное и необъяснимое проявление чувства гражданской ответственности. Быть может, изверившиеся люди еще хоть капельку доверяют только своим пожарникам.

Я наблюдал также за эксгумацией тел, зарытых возле конюшни. Они пролежали в земле всего несколько дней, а потом Правительство в лице Коронера и Медицинского Эксперта из Полиции Штата, того самого специалиста по распиятиям, приказало нам выкопать их обратно. Правительство было обязано добыть их фотографии и отпечатки пальцев, а также описание зубоветческой работы над их зубами, ран на теле, если таковые найдутся, и так далее. Нам не пришлось выкапывать Шульцев, которых уже один раз перезахоранивали, чтобы освободить место для Павильона.

Тогда мы еще не нашли черепа молодой женщины. Еще не вкопались достаточно глубоко, чтобы наткнуться на то, что осталось от пропавшей Королевы Сирени.

Правительство, в лице всего лишь 2-х приезжих, – коронера и судебно-медицинского эксперта, велело похоронить все трупы глубже, чем раньше, когда они их обработают. Этого требовал закон.

– Мы не хотели бы нарушать закон, – сказал я.

Коронер был Черный. Но я бы нипочем не догадался, если бы он мне сам не сказал.

Я спросил, не сможет ли он устроить так, чтобы Округ или Штат или еще кто-нибудь взял на себя заботу о телах до тех пор, пока близкие родственники, если они найдутся, не решат, что с ними делать. Я надеялся, что их увезут в Рочестер, а там их можно или набальзамировать, или заморозить, или кремировать, или, на худой конец, хотя бы похоронить в порядочных гробах. Тут они лежали просто в одежде, которая на них оказалась.

Коронер заверил, что подумает, но не советовал мне особенно на это надеяться. Он сказал, что Округ разорен, и Штат разорен, и страна разорена, да и сам он остался ни с чем. То небольшое, что у него было, он потерял на Космическом Телемаркете.

После того как Правительство отбыло восвояси, передо мной встала проблема – как бы половчее вырыть более глубокие могилы. Я не решался предложить Национальным Гвардейцам снова взять в руки лопаты. Они и так неохотно согласились выкапывать трупы, и делались все мрачнее по мере того, как им становилось ясно, что гражданская жизнь им не светит. Честь и слава боевых наград линяла на глазах.

Я не мог использовать и труд заключенных с того берега. Это тоже было предусмотрено законом. И тут я вспомнил, что в колледже был экскаватор, работавший на дизельном топливе, цена которого на черном рынке не взлетела под потолок, как цена бензина. Оставалось только найти этот экскаватор и посмотреть, не осталось ли там хоть немного топлива.

Солдат нашел экскаватор, и бак был полон!

Чудеса!

Я вас еще раз спрашиваю: «Долго ли мне оставаться Атеистом?»

Бак был полон потому, что в Сципионе оказался всего один дизельный автомобиль к началу всеобщего исхода. Это был «Кадиллак» фирмы Джeneral Моторс, выпущенный примерно в том году, когда нас вышвырнули из Вьетнама пинком под зад. Он до сих пор на месте. Раскатывать на этом драндулете – все равно что ехать на воскресную загородную прогулку на египетской пирамиде.

Он был собственностью одного из Таркингтоновских родителей. Тот ехал на выпускной бал своей дочери, когда драндулет сломался окончательно возле кафе «Черный Кот». Он уже не раз останавливался сам собой по дороге сюда из Нью-Йорк Сити. Родитель пошел в скобяную лавку, купил кисть и желтую краску, размалевал свою развалюху и сбыл ее Лайлу Хуперу за 1 доллар.

И этот человек был в Совете Директоров фирмы Джeneral Моторс!

В тот короткий период, когда все тела снова оказались на поверхности, за 1 из них приехал человек на катафалке Тойота, с гробовщиком, из Рочестера. Это был доктор наук Чарлтон Хупер, тот самый, которого приглашали в баскетбольную команду «Нью-Йорк Никербокерз», а он предпочел стать Физиком. Как я уже говорил, он был 2-метрового роста.

Долговязый!

Я спросил у гробовщика, где он раздобыл бензин на эту поездку.

Он сначала не признавался, но я взял его измором. Наконец, он сказал:

– Загляни в крематорий на задах Медоудсилского Кинокомплекса. Спросишь Гвидо.

Я спросил Чарлтона, неужели он приехал прямо из Техаса, из Ваксахачи. У меня были сравнительно свежие новости о том, что он заведует мощным атомным ускорителем, «Сверхвышибалой», в тех местах. Он сказал, что Сверхвышибала сожрал все фонды, и он перебрался в Женеву, штат Нью-Йорк, а это не так уж далеко отсюда. Он преподавал Физику на первом курсе в колледже Хобарта.

Я его спросил, не собираются ли переоборудовать Сверхвышибалу в тюрьму.

Он ответил, что при желании можно загнать туда десяток-другой нехороших мальчиков, а потом врубить установку, так что у них волосы встанут дыбом, а температура подскочит на пару градусов по Цельсию.

Примерно через неделю после того, как Чарлтон увез тело своего отца, а остальных мы перезахоронили на предписанной законом глубине при помощи экскаватора, я проснулся от оглушительного треска и скрежета, непривычного в нашем некогда мирном городке. Я тогда жил в Ратуше и любил соснуть после обеда.

Шум доносился отсюда, с холма. Рычали циркулярные пилы. Стучали молотки. Судя по звукам, там орудовала целая армия. А насколько я знал, там должны были дежурить всего 4 часовых, на случай пожара.

Солдата, который дежурил в моей приемной, чтобы сообщать, если меня потребуют по важному делу, и след простыл. Он побежал на холм, чтобы разведать, что там творится. Нас ни о каких шумных мероприятиях не предупреждали.

Так что я побрел по Клинтон-стрит в полном одиночестве. На мне были ботинки гражданского образца и маскировочный костюм, который мне уступил Генерал Флорио, как и две генеральские звезды со своего плеча. Это и была моя форма.

Взобравшись по Клинтон-стрит на холм, я увидел Генерала Флорио, раздававшего приказы солдатам, переброшенным с того берега озера. Одни

разбивали на Лужайке палаточный городок. Другие обносили его колючей проволокой.

Я не стал спрашивать, зачем. Было ясно, что Таркингтоновский колледж, так долго остававшийся неизменным, пока тюрьма на том берегу все росла и расширялась, теперь сам стал тюрьмой.

Генерал Флорио взглянул на меня и расплылся в улыбке.

– Привет, Начальник Хартке, – сказал он.

Глядя на эти 10-местные палатки, которые привезли из Арсенала, что напротив Мэдоудейлского Киноцентра, и расставили на центральной Лужайке в шахматном порядке, я подумал, что в этом есть своя логика. Окружавшие зеленый квадрат Лужайки здания – Самоза-Холл, библиотека, книжный магазин. Павильон и прочие, в дверях и окнах которых маячили охранники с пулеметами, – вполне заменяли тюремные стены, да вдобавок Лужайку обнесли колючей проволокой.

Генерал Флорио сказал мне:

– Жди гостей!

Вспоминаю лекцию, когда Дэмон Стерн рассказывал о посещении с группой студентов Освенцима, позорного нацистского концентрационного лагеря в Польше, во время «Последней Петарды». Стерн подрабатывал, выезжая в Европу с теми студентами, чьи родители или опекуны не хотели их видеть во время Рождественских или летних каникул. Он ловил настоящий кайф, когда удавалось свозить их в Освенцим. Он всегда делал это неожиданно, никого не спросив. В маршрутах Освенцим не значился, и многие студенты после этого долго не могли прийти в себя.

На лекции он сказал, что если бы снести заборы и виселицы и газовые камеры, оставив только аккуратненькие, чистенькие, как шахматная доска, улички и старые беленые двухэтажные бараки, то получилась бы вполне приличная школа-интернат для низкооплачиваемых или малоинициативных жителей. Домики были построены задолго до 1 мировой войны, чтобы разместить с комфортом солдат Австро-Венгерской империи. Среди многочисленных титулов их Императора, сказал Стерн, был и титул Герцога Освенцимского.

Что понадобилось Генералу Флорно на нашем берегу? Санитарно-гигиеническое оборудование. Заключенные в палатках будут пользоваться парашами, но зато можно будет выливать их в туалеты в зданиях по соседству и смывать в общую канализационную сеть Сципиона. А на том берегу все это приходилось закапывать.

И душевых не было.

А у нас тут душевых предостаточно.

Одна деталь, скорее трогательная, чем ужасная, среди всех ужасов, которые здесь творились: беглые преступники очень бережно отнеслись к студенческому городку. Как будто они и вправду верили, что он будет принадлежать им и их потомкам.

Это напомнило мне еще одну лекцию Дэмона Стерна, когда он рассказывал, как вели себя озверелые и изголодавшиеся бедняки Петрограда в России, ворвавшиеся в царский дворец в 1917. Они впервые увидели все сокровища в дворцовых покоях и пришли в такую ярость, что едва все не уничтожили.

Но тут один из них, выстрелив в потолок, чтобы на него обратили внимание, крикнул:

– Товарищи! Товарищи! Это же теперь все наше! Не трогайте!

Они переименовали Петроград в «Ленинград». А теперь опять переименовали – в Санкт-Петербург.

Беглые преступники оказались чем-то вроде нейтронной бомбы. Они не знали жалости к живым существам, но собственности они нанесли на

удивление малый ущерб.

А Дэмон Стерн, унициклист, наоборот, отдал свою жизнь за живые существа. Это были даже не люди. Это были лошади. Причем не его лошади, а совершенно чужие.

Его жена с детьми успела уехать, и, как я слышал, они живут теперь у родственников, в Лакаванне. Хорошо, когда у людей есть родственники, к которым можно убежать.

Но Дэмон Стерн похоронен глубоко в земле, поблизости от того места, где он пал, – возле конюшни, куда достигает тень Мушкет-горы на закате.

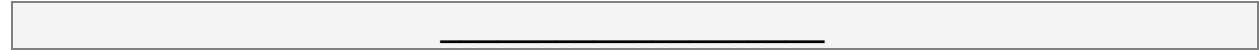
Его жена, Ванда Джун, приезжала сюда после осады на грузовом пикапчике своего сводного брата. Она отдала целое состояние за бензин, чтобы хватило доехать от Лакаванны. Я ее спросил, чем она зарабатывает на жизнь, а она мне сказала, что они с Дэмоном спрятали кругленькую сумму в Иенах у себя в холодильнике, в коробке с надписью «Брюссельская капуста».

Дэмон разбудил ее среди ночи и велел садиться с детьми в «Фольксваген» и ехать в Рочестер, не включая фары. Он слышал взрыв на том берегу озера и видел безмолвную армию, идущую на приступ. Последнее, что он сделал для Ванды Джун, – сунул ей в руки коробку с надписью «Брюссельская капуста».

А сам Дэмон, не слушая возражений жены, остался, чтобы поднять тревогу. Он сказал, что подъедет позднее, его кто-нибудь подбросит на своей машине, а если понадобится, он может пробраться в Рочестер пешком по дорогам и тропинкам – здешние места он знал хорошо. Что было потом, не совсем понятно. Возможно, он позвонил в местную полицию, но там все погибли, так что спросить не у кого. Зато он перебудил почти всех по соседству.

Ближе всего к истине, видимо, предположение, что он услышал пальбу в конюшне и бросился туда, не подумав о последствиях. Борец за Свободу расстреливал лошадей из автомата для собственного удовольствия. Он стрелял не в голову, а в живот.

Дэмон, должно быть, попросил его прекратить, тогда Борец за Свободу срезал очередь и его.

Жена не стала забирать его тело. Она сказала, что ок провел здесь самые счастливые годы жизни, пусть здесь и останется. Она отыскала все 4 одноколесных велосипеда их семьи. Без труда. Солдаты по очереди пытались на них кататься. А до того овладеть этим искусством старались несколько беглых преступников – насколько я знаю, безуспешно.

Я спустился по Клинтон-стрит и пошел в Ратушу, чтобы обдумать неожиданный поворот в своей карьере – назначение меня Начальником тюрьмы.

Перед подъездом стоял «Роллс Ройс Корниш», с откидным верхом. Владелец такой машины имел достаточно Йен или Марок или другой стабильной валюты и мог купить вдоволь бензина, чтобы колесить по всей стране.

Я подумал, что это колесница какого-нибудь Таркингтоновского студента или родителя, приехавшего за вещичками, забытыми в спальном корпусе перед началом каникул – каникул, которым теперь, вероятно, не будет конца.

Солдат, который должен был дежурить в моей приемной, вернулся обратно. Он возвратился на свой пост, когда Генерал Флорио посоветовал ему не стоять столбом как будто у него кол в заднице, а тянуть колючую проволоку или ставить палатки. Он поджидал меня у подъезда и сообщил, что у нас посетитель. Я его спросил:

– Кто такой? А он сказал:

– Ваш сын, сэр.

Меня эта новость чуть с ног не сшибла.

– Юджин? – сказал я. Юджин младший сказал мне, что не желает меня видеть до конца жизни. Неплохой пожизненный приговор, а? Неужели он теперь разъезжает на «Роллс Ройсе»? Юджин?

- Нет, сэр, – сказал солдат. – Это не Юджин.
- Юджин – мой единственный сын, – заметил я. – Как он назвался?
- Он сказал мне, сэр, – отвечал солдат, – что он ваш сын Роб Рой.

Мне не нужно было других доказательств – в офисе меня действительно ждал мой родной сын. Роб Рой. «Роб» и «Рой» – и я вновь оказался на Филиппинских островах, после того, как нас вышибли из Вьетнама. Я был снова в постели с роскошной женщиной – корреспонденткой «Демойнского архивариуса», с губами, как диванные валики, и снова говорил ей, что, будь я истребителем, я был бы сплошь в маленьких человечках.

Я прикинул, сколько ему лет. Ему было 23, он был самым младшим из моих детей. Младшенький в семье.

Он сидел в приемной перед моим офисом. Когда я вошел, он встал. Он был одного роста со мной. Волосы у него были точно такого же цвета и фактуры, как мои. Он был небрит, и на подбородке у него пробивалась борода, такая же черная и густая, как у меня. У нас было 4 одинаковых зеленовато-янтарных глаза. У обоих были большие носы, как у моего отца. Он нервничал, но был очень вежлив. Он был одет в дорогой дорожный костюм. Если бы он был неспособен к обучению или просто туповат, то мог бы провести 4 счастливых года в Таркингтоне, особенно с такой тачкой.

У меня голова шла кругом. Я еще на лестнице снял плащ, так что генеральские звезды были на виду. Это все же не пустяк. Много ли мальчишек, у которых папа – Генерал?

– Чем могу служить? – спросил я.

– Не знаю, как начать, – сказал он.

– По-моему, ты уже начал, когда сказал часовому, что ты мой сын, – сказал я. – Может, это шутка?

– А вам кажется, что это шутка? – спросил он.

– Я никогда не говорил, что я Святой, особенно когда был молод и годами не видел дома, – сказал я. – Но я никогда не спал с женщиной, выдавая себя за другого. Меня ничего не стоило отыскать, если кому-нибудь этого сильно хотелось. Так что если я сделал внебрачного ребенка, для меня это – полная неожиданность. Я полагал, что мать, как только она поняла, что беременна, даст мне об этом знать.

– Я знаю 1 мать, которая этого не сделала, – сказал он.

Не успел я ответить, как он выложил одним духом то, что, видимо, отрепетировал дорогой:

– Я здесь не задержусь, – сказал он. – Не успеешь оглянуться, как меня уже не будет. Я еду в Италию, и никогда в жизни не хочу больше видеть эту страну, а особенно Дюбек.

Как оказалось, он прошел через пытку, которая длилась гораздо, гораздо дольше, чем осада Сципиона, и, пожалуй, он пережил ее тяжелее, чем я – Вьетнам. Его судили за растление малолетних в Дюбеке, Айова, где он создал на свои средства и возглавил бесплатный Центр Заботы о Детях.

Он не был женат, что в глазах большинства членов суда было порочащим признаком, как и участие во Вьетнамской войне.

– Я вырос в Дюбеке, – как он мне немного позже расскажет, – и все деньги, которые я унаследовал, были сделаны в Дюбеке.

Состояние было сделано на расфасовке и упаковке мяса.

– Я хотел что-то сделать для Дюбека в свою очередь. У нас такое множество родителей-одиночек, которые растят детей на жалкие гроши, так много семей, где и муж, и жена работают, чтобы хоть как-то накормить и одеть детей, что я подумал – больше всего Дюбеку нужен хороший центр заботы о детях, который ничего им не будет стоить.

Через две недели после того, как он открыл свой центр, его арестовали за растление малолетних, потому что несколько детишек вернулись домой с воспалением гениталий.

Позднее он представил суду доказательства, полученные после взятия мазков из выделений детей, что все дело было в грибок. Этот грибок был родственник дрожжевого грибка и мог быть просто новой разновидностью этого грибка, который выработал устойчивость ко всем известным лекарствам от грибковых заболеваний.

Но к тому времени он просидел в тюрьме, без права быть выпущенным под залог, 3 месяца, и от толпы, которая рвалась его линчевать, его охраняла Национальная Гвардия. На его счастье, в Дюбеке, как и во многих городах, полиция была усилена бронетранспортерами и пехотой.

После того, как он был оправдан, его пришлось вывозить из города и везти в глубь штата Иллинойс в наглухо закрытом танке, чтобы его кто-нибудь не прикончил.

Судью, который его оправдал, убили. Он был Итальянцем по происхождению. Кто-то послал ему начиненную взрывчаткой трубку, спрятанную в толстенной колбасе-салями.

Но ничего этого мой сын мне не рассказал, пока не настало, как он сказал, «время прощаться». А рассказ о своих мученьях он начал с таких

слов:

– Надеюсь, вы понимаете, что я меньше всего жду от вас каких-либо эмоций.

– Надейся, надейся! – сказал я.

Теперь, когда я вспоминаю нашу встречу, я чувствую что-то похожее на умиление. Он достаточно хорошо ко мне относился, считал меня достаточно сердечным человеком и обращался со мной, пусть недолго, как с настоящим, родным отцом.

Вначале, когда мы с ним очень осторожно присматривались друг к другу и я еще не признал его своим сыном, я его спросил, стоит ли имя «Роб Рой» в его свидетельстве о рождении или это прозвище, которое ему придумала мать.

Он сказал, что имя стоит в свидетельстве о рождении.

– А имя отца в свидетельстве о рождении? – спросил я.

– Там стоит имя солдата, погибшего во Вьетнаме, – сказал он.

– Ты помнишь его? – сказал я.

Вот тут я услышал нечто неожиданное. Это было имя моего шурина, Джека Паттона, с которым его мать в жизни не встречалась, я уверен. Должно быть, я ей рассказал в Маниле о Джеке, и она вспомнила его имя и что он был не женат и погиб за родину.

Я промолчал, но подумал: «Старина Джек, где бы ты ни был, настало время посмеяться от всей души».

– А почему жы думаешь, что твой отец – я, а не он? – сказал я. – Мать тебе все-таки рассказала?

– Она написала мне письмо, – сказал он.

– А сказать это тебе лично она не хотела? – сказал я.

– Не могла, – сказал он. – Она умерла от рака поджелудочной железы,

когда мне было 4 года.

Это был удар. Да, недолго она прожила после того, как мы занимались любовью. Мне всегда нравилось думать, что женщины, с которыми я занимался любовью, живут себе и живут. И я воображал, что его мать, хороший товарищ, умница, спортсменка, с губами, как диванные валики, такая веселая и забавная, живет и живет еще долгие годы.

– Она написала мне письмо на смертном одре, – продолжал он – и оно было оставлено адвокатской фирме в Дюбеке с указанием не вскрывать, пока жив добрый человек, который женился на ней и усыновил меня. А он умер только в прошлом году.

– А в письме говорилось, почему тебя называли Роб Роем? – спросил я.

– Нет, – сказал он. – Я считал, что она назвала меня в честь героя романа сэра Вальтера Скотта. Это был ее любимый роман.

– Наверно, так и было, – сказал я. Зачем ему или кому бы то ни было знать, что его называли в честь 2 частей скотч виски, 1 части сладкого вермута с дробленым льдом и закрученной спиралькой лимонной шкурки?

– Как ты меня отыскал? – сказал я.

– Я сначала не собирался тебя искать, – сказал он. – Но недели 2 назад я решил, что нам следует увидеться хоть 1 раз. И я позвонил в Уэст-Пойнт.

– Я не поддерживал связи с ними много лет, – сказал я.

– Так они мне и сказали, – ответил он. – Но прямо перед тем, как я им позвонил, звонил Губернатор штата Нью-Йорк, который сообщил, что тебя только что назначили Бригадным Генералом. Он хотел убедиться, что его не дурачат. Он хотел убедиться, что ты тот, за кого себя выдаешь.

– Что ж, – сказал я, все еще стоя рядом с ним в приемной, – думаю, нам не придется дожидаться результатов анализа крови, чтобы узнать, мой ты сын или нет. Ты похож на меня в твоём возрасте как 2 капли воды.

– Ты должен знать, что я по-настоящему любил твою мать, – продолжал я.

– Она писала в письме, как вы были влюблены друг в друга, – сказал он.

– Придется тебе поверить мне на слово, – сказал я, – что, если бы я знал, что она беременна, я поступил бы честно. Я не знаю точно, что бы мы сделали, но мы бы нашли выход.

Я прошел в свой офис, приглашая его идти за мной.

– Входи. Там есть два кресла. Дверь можно закрыть.

– Нет, нет, нет, – сказал он. – Я должен ехать. Я просто подумал, что надо бы нам повидаться 1 раз. Вот и повидались. Ничего особенного.

– Я люблю, чтобы в жизни все было просто, – сказал я, – но если ты сейчас вот так уйдешь, не поговорив, это будет чересчур просто для меня, да и для тебя, хочу надеяться.

Он вошел со мной в офис и закрыл дверь, и мы сели в кресла лицом друг к другу. Мы не касались друг друга. Мы никогда в жизни не коснемся друг друга.

– Я бы угостил тебя кофе, – сказал я, – но ни у кого в нашей долине нет кофе.

– У меня в машине найдется, – сказал он.

– Не сомневаюсь, – сказал я. – Но ходить за ним не надо. Не беспокойся, не беспокойся. – Я откашлялся. – Прости за то, что я так говорю, но ты, похоже, из тех, у кого денег, как говорится, куры не клюют.

Он сказал что да, в смысле финансов ему повезло. Упаковщик мяса из Дюбека, который женился на его матери и усыновил его, незадолго до смерти продал свое дело Шаху Братпура и полученные в уплату брикеты золота поместил в швейцарский банк.

Упаковщика мяса звали Лоуэлл Фенстермейкер, так что полное имя моего сына было Роб Рой Фенстермейкер. Роб Рой сказал, что вовсе не собирается менять фамилию на Хартке, что он чувствует себя Фенстермейкером, а не Хартке.

Отчим очень хорошо к нему относился. Роб Рой сказал, что ему не нравилось только одно: способ выращивания телят на мясо.

Маленьких телят, почти сразу после рождения, сажали в такие тесные клетки, что они едва могли повернуться, а все для того, чтобы их мышцы стали нежными и вкусными. Когда они достигали нужного веса, им перерезали глотки, и им никогда не доводилось побегать, попрыгать, подружиться с кем-нибудь или узнать что-то такое, ради чего стоит жить.

Какое преступление они совершили?

Роб Рой сказал, что поначалу богатое наследство было ему в тягость. Он сказал, что до самого недавнего времени и помыслить не мог о покупке такого автомобиля, как тот, что припаркован у ратуши, или пиджака из кашмирской шерсти, или туфель крокодиловой кожи. Именно так он и был одет.

– Когда в Дюбеке никто не мог себе позволить покупать кофе или бензин по ценам черного рынка, я тоже без этого обходился. Ходил всюду пешком.

– А что случилось недавно? – сказал я.

– Меня арестовали за растление малолетних, – сказал он.

У меня сразу все тело зачесалось на нервной почве. И он мне все рассказал. Я ему сказал:

– Спасибо тебе за то, что ты поделился этим со мной.

Зуд пропал так же быстро, как и начался. Я чувствовал себя чудесно, я был рад, что он смотрит на меня и думает, что ему думается. Я очень редко бывал рад, когда мои законные дети смотрели на меня и думали то, что они думали.

В чем же разница? Стыдно признаться, потому что в этом столько суетности. Но вот ответ: я всегда мечтал стать Генералом, и вот теперь у меня на плечах генеральские погоны.

Неловко проявлять человеческие слабости.

И вот еще что: на мне больше не висели мертвым грузом моя жена и теща. Зачем я держал их так долго дома, хотя было ясно, что из-за них жизнь моих детей стала невыносимой?

Может быть, в подсознании у меня засела мысль: где-то есть великая книга, в которой записаны все дела и события, и мне просто хотелось обеспечить себе солидное доказательство того, что я могу сочувствовать людям.

Я спросил Роб Роя, в каком колледже он учился.
– Йейль, – сказал он.

Я ему сказал, что Элен Доул говорила про Йейльский университет – что его надо бы назвать «Техникум для плантаторов».

– Не понял, – сказал он.

– Мне самому пришлось попросить ее объяснить, – сказал я. – Она сказала, что в Йейле плантаторы учились, как заставлять туземцев убивать друг друга, а не их.

– Чересчур сильно сказано, – сказал он. Потом он спросил, жива ли еще моя первая жена.

– У меня только 1 и была, – сказал я. – Она еще жива.

– Мама много писала о ней в своем письме, – сказал он.

– Правда? – сказал я. – Что, например?

– Как она попала под машину накануне твоего выпускного бала. Как она была парализована ниже пояса, но ты все же на ней женился, хотя ей предстояло провести всю оставшуюся жизнь в инвалидном кресле.

Раз это было написано в письме, значит, так я и рассказывал его маме.

– А твой отец жив? – спросил он.

– Нет, – сказал я. – На него упал потолок лавки сувениров у Ниагарского водопада.

– К нему так и не вернулось зрение? – сказал он.

– Что не вернулось? – переспросил я. Но тут же догадался, что вопрос родился из еще одной байки, которую я рассказал его матери.

– Зрение, – сказал он.

– Нет, – сказал я. – Так и не вернулось.

– Мне кажется, это так замечательно, – сказал он. – Когда он вернулся с войны слепым и ты ему часто читал Шекспира.

– Он был большой любитель Шекспира, – сказал я.

– Значит, – сказал он, – я потомок не 1, а 2 героев войны.

– Героев войны?

– Знаю, ты никогда сам себя так не назовешь, – сказал он. – Но Мама так тебя называла. И ты сам, конечно, звал так своего отца. Много ли найдется Американцев, которые сбили во время 2 мировой войны 28 вражеских самолетов?

– Можно пойти в библиотеку и посмотреть, – сказал я. – Тут у них отличная библиотека. Если покопаться, найдешь все, что захочешь.

– А где похоронили моего дядю Боба? – спросил он.

– Кого-кого? – спросил я.

– Твоего брата Боба, а моего дядю Боба, – сказал он.

У меня вообще никакого брата не было. Никогда. Я рискнул, наудачу:

– Мы рассеяли его пепел с аэроплана, – сказал я.

– Да, уж не повезло вам, так не повезло, – сказал он. – Отец приходит с войны слепым. Девушка, которую ты любил с детства, сбита машиной прямо накануне выпускного бала. А твой брат умирает от менингита спинного мозга, как раз после того, как его пригласили играть за «Нью-Йорк Янки».

– Так-то оно так – но ведь приходится играть картами, которые тебе сдали, – сказал я.

– А его перчатка у тебя целая? – спросил он.

– Нет, – сказал я. Про какую еще перчатку я рассказывал его матери, когда мы оба напились сладких Роб Роев в Маниле 24 года назад?

– Ты хранил ее всю войну, а теперь ее нет? – сказал он.

Должно быть, он говорил о несуществующей бейсбольной перчатке моего несуществующего брата.

– Кто-то ее стащил, когда я вернулся домой, – сказал я. – Думали, что это простая бейсбольная перчатка, и все. Тот, кто ее стянул, понятия не

имел, как много она для меня значит.

Он встал.

– Ну, мне теперь и вправду пора.

Я тоже встал.

Я грустно покачал головой.

– Не так-то легко, как тебе кажется, расстаться со страной, где ты родился.

– Ну, это значит не больше, чем знак Зодиака, под которым я родился, – сказал он.

– Что? – сказал я.

– Да, страна, где я родился, – сказал он.

– Тебя ждет сюрприз, – сказал я.

– Что ж, Па, – сказал он, – к сюрпризам мне не привыкать.

– Ты не подскажешь, у кого здесь можно достать бензин? Я заплачу любую цену.

– Доехать до Рочестера у тебя хватит? – сказал я.

– Да, – сказал он.

– Тогда, – сказал я, – возвращайся обратно по той же дороге. Другой дороги нет, так что не заблудишься. Сразу же на въезде в Рочестер увидишь Медоудейлский Кинокомплекс. Позади него – крематорий. Дыма не ищи. Он бездымный.

– Крематорий? – сказал он.

– Да, крематорий, – сказал я. – Подъедешь к крематорию, спросишь Гвидо. Судя по тому, что я слышал, если у тебя есть деньги, то у него найдется бензин.

– А шоколадки, как ты думаешь?.. – сказал он.

– Не знаю, – сказал я. – Но ведь за спрос денег не берут.

Не подумайте, что на нашей веселой планетке не хватает растлителей малолетних, душителers малолетних, тех, кто стреляет в детей, бросает на них бомбы, топит, жжет или бьет смертным боем. Включите ТВ. Однако, по счастливому случаю, мой сын, Роб Рой Фенстермейкер, к их числу не относится.

О'кей. Моя история подходит к концу.

А вот то известие, которое чуть из меня дух не вышибло. Когда я услышал слова своего адвоката, я и на самом деле сказал «Уф-ф!»

Хироси Мацумото наложил на себя руки в своем родном городе, Хиросиме! А почему это так поразило меня?

Он покончил с собой перед рассветом – по японскому времени, разумеется, – сидя в своей моторизованной инвалидной коляске у подножия монумента, воздвигнутого в эпицентре взрыва атомной бомбы, которую сбросили на Хиросиму, когда мы с ним были маленькими мальчишками.

Он не прибегал ни к яду, ни к огнестрельному оружию. Он сделал харакири кинжалом, выпустив себе кишки соответственно древнему ритуалу самоуничтожения, некогда предписанному потерявшим честь членам старинной касты профессиональных воинов – самураев.

А между тем, насколько я могу судить, он никогда не уклонялся от выполнения своего долга, никогда ничего не украл, и он в жизни никого не убил и даже не ранил.

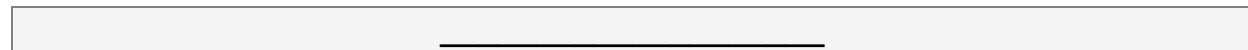
В тихой воде омуты глубоки. Мир его праху.

И если где-то действительно есть великая книга, в которой все записано и которую будут читать, строка за строкой, без пропусков, в День Страшного суда, пусть там запишут, что я, исполняя должность Начальника на этом берегу, перевел осужденных злодеев из палаток на Лужайке в окружающие дома. Им больше не приходилось испражняться в ведра или дрожать всю ночь на ветру, когда палатку снесло. Строения, кроме 1 – библиотеки, – были разделены на камеры из цементных блоков, рассчитанные на 2-их, но обычно там содержались 5 человек.

Война с Наркобизнесом в самом разгаре.

Я построил еще 2 забора, 1 внутри другого, позади стоящих вокруг Лужайки зданий, а пространство между ними было нашпиговано противопехотными минами. Пулеметные гнезда я расположил в окнах и дверных пролетах следующего кольца построек: Норман Рокуэлл Холла, Павильона Пахлави, и так далее.

Во время моего пребывания в должности войска по моему совету были переданы в ведение Федерации. Это означало, что солдаты стали не просто штатскими в военной форме – теперь они стали кадровыми военными, на службе и в распоряжении Президента. Никто не мог точно предугадать, насколько затянется Война с Наркобизнесом. Никто не мог сказать, скоро ли они вернутся домой.

Генерал Флорио, сопровождаемый шестеркой полисменов из Военной Полиции с дубинками и при табельном оружии, лично поздравил меня и одобрил мои действия. Затем он отобрал у меня две звезды, которые сам же мне некогда вручил, и сказал, что я арестован за подстрекательство к бунту. Он мне нравился, да и я ему тоже нравился. Он просто выполнял приказ.

Я его спросил, как может 1 товарищ спросить другого:

– Вы понимаете, что к чему? Зачем и кому это нужно?

Этот вопрос я потом задавал самому себе не 1 раз, может, по 5 раз в день, между приступами кашля.

Его ответ, первый из всех, какие я получил, будет, возможно, и лучшим из всех, какие я когда-либо услышу.

– Какой-нибудь честлюбивый молодой Прокурор, – сказал он, – считает, что вы годитесь для ТВ-шоу.

Самоубийство Хироси Мацумото поразило меня, как громом, – должно быть, потому, что за ним не водилось даже пустяковых грешков. Он никогда не парковался во втором ряду, он никогда на красный свет не ехал, даже если кругом никого не было. И все же он казнил себя такой казнью, которой не заслуживал и самый гнусный преступник всех времен и народов!

Он остался без ног – конечно, это нелегко. Но если у человека нет ног, это еще не значит, что он должен вспарывать себе живот.

Я думаю, все дело в атомной бомбе, которую сбросили на него, когда его личность еще формировалась, – это, а вовсе не потеря ног, заставило его почувствовать, что жизнь – просто выгребная яма.

Как я уже говорил, он рассказал мне о том, что попал под атомную бомбежку, только после 2-летнего знакомства. Он бы так и не рассказал мне про это, я полагаю, если бы накануне по тюремному ТВ не показали, как Японцы устроили «Избиение в Нанкине».

Эту кассету выбрали в тюремной видеотеке, как всегда, наугад. Охранник, которому она попала под руку, слишком плохо читал по-английски, чтобы разобрать название программы, которую покажут заключенным. Так что о цензуре и речи не было.

У Начальника на письменном столе был маленький телевизор, и я знал, что он иногда смотрит, что там крутят, потому что он часто говорил мне о пустоте и бессодержательности того или иного шоу, особенно «Я люблю Люси».

Избиение в Нанкине – просто еще один пример того, как солдаты уничтожают заключенных и мирных жителей, но прославилось оно потому, что было одним из первых, хорошо снятых на пленку. Там явно были повсюду понатыканы кинокамеры, которые крутили неизвестные люди, а рабочий материал не был конфискован.

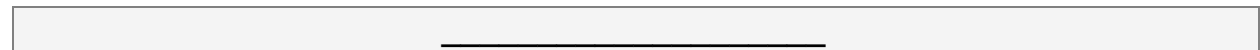
Я видел этот материал, когда учился в Академии, но не в виде умело смонтированного документального фильма с музыкальным сопровождением и солидным дикторским баритоном.

Кровопролитная оргия разразилась сразу же после того, как Японская Армия, фактически не встретив сопротивления, ворвалась в город Нанкин в 1937 году, задолго до того, как страна стала участницей «Последней Петарды». Хироси Мацумото тогда только что появился на свет.

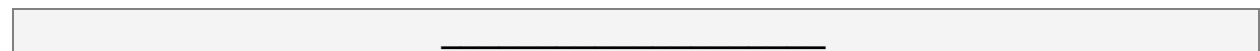
Пленников привязали к столбам и использовали вместо манекенов для обучения штыковым ударам. Несколько загнали в ров и похоронили заживо. В кадре было видно выражение их глаз, когда комья земли полетели им в лицо.

Потом лица скрылись, но земля все еще шевелилась, как будто там роется какое-то подземное животное, может, сурок – устраивает себе норку.

Незабываемо!

И вы еще говорите о расизме!

Этот документальный фильм стал в тюрьме настоящим «хитом». Вспоминаю, что сказал мне Элтон Дарвин:

– Если кто-нибудь готов это делать, я готов на это смотреть.

До массового побега оставалось 7 лет.

Я не знаю, видел ли Хироси этот фильм по своему телемонитору или не видел. Спрашивать я не собирался. Мы с ним не были в приятельских отношениях.

Я готов был сойтись с ним поближе, если нужно для дела. Я думаю, он и поселил меня в соседнем доме, потому что считал, что пора ему обзавестись приятелем. Я уверен, что у него ни друзей, ни приятелей никогда не было. Но не успел я стать его соседом, как он решил, что никаких приятелей ему не нужно. Это не имело никакого отношения к моей личности или к моему поведению. В его представлении, я думаю, друг был чем-то вроде товара, который норовят сбыть с рук к Рождеству или к другому празднику. Зачем осложнять себе жизнь обременительными излишествами, только потому, что этот товар – дружбу – рекламируют почем зря, как на дешевой распродаже?

Так что он продолжал бродить в одиночестве, в одиночестве кататься на лодке, в одиночестве садиться за стол. Я ничего не имел против. У меня была бурная общественная жизнь на том берегу озера.

Но на следующий день после показа документального фильма, к вечеру, когда пора было ужинать, я как раз подгонял свой пластиковый умиак к пологому берегу, где стояли наши 2 дома, в заброшенном городке. Я рыбачил. В Сципион я не заглядывал. Мои 2 самых больших друга – Мюриэль Пэк и Дэмон Стерн – уехали на каникулы. Они не собирались возвращаться до Недели Знакомства с Новичками, перед началом осеннего семестра.

Начальник поджидал меня на берегу, высматривал меня на моей идиотской посудине, как мать, которая смертельно беспокоится о маленьком сыночке. Может, я опоздал на встречу с ним? Нет. Мы никаких встреч никогда не назначали. Единственное, что мне пришло в голову, – что Милдред или Маргарет попытались спалить 1 из наших домов.

Но когда я причалил, он мне сказал:

– Вы должны узнать обо мне одну вещь. Я не видел никакой особой надобности знать о нем что бы то ни было. Мы не работали в тюрьме бок о бок. Он не интересовался, чему и как я учу заключенных.

– Я был в Хиросиме, когда на нее сбросили бомбу, – сказал он.

Мне кажется, он хотел, чтобы я сам додумался до простенького уравнения, которое отсюда вытекало: бомбежка Хиросимы была точно так же непростительна и была типично человеческим поступком, как Избиение в Нанкине.

Так я узнал, как он спрыгнул в канаву за мячом, когда был еще школьником, и как он выпрямился и понял, что, кроме него, в живых никого не осталось.

Ну и так далее.

Закончив свой рассказ, он мне сказал:

– Я решил, что вам надо об этом знать.

Я рассказывал уже, как на меня напал психосоматический зуд, когда Роб Рой Фенстермейкер поведал мне, как его облыжно обвинили в растлении малолетних. Это был не первый приступ. Первый раз это случилось, когда Хироси рассказал мне про ту бомбежку. У меня сразу зачесалось все тело, но не стоило чесать – не поможет.

И я сказал Хироси те же слова, что потом сказал Роб Рою:

– Спасибо за то, что поделился этим со мной.

Если не ошибаюсь, эта фраза родилась в Калифорнии.

Я пережил искушение – а не показать ли Хироси «Протоколы Тральфамадорских Мудрецов»? И очень рад, что не поддался. Я мог бы почувствовать себя соучастником его самоубийства. Он мог бы оставить записку с такими словами: «Тральфамадорские Мудрецы опять победили!»

Только я и автор «Протоколов», если он еще жив, поняли бы, что он

хотел сказать.

Самое тяжкое в его рассказе о том, как все, что он любил и знал, превратилось в пар, относилось к местности на границе эпицентра взрыва. Там было множество людей, умиравших в страшных мучениях. А он был всего лишь маленьким мальчишкой, если вы помните.

Наверно, он пережил примерно то же, что пережил бы, идя в далеком 71 году до Рождества Христова по Аппиевой дороге, где 6 000 людей, которых не считали людьми, были распяты по правую и левую сторону. Какой-нибудь малыш – а может, и стайка ребят – могли бы пройти по той дороге в те дни. А что может маленький ребенок сказать в такой обстановке? «Папочка, я хочу в туалет»?

По прихоти судьбы мой адвокат оказался и хорошим знакомым нашего посла в Японии, в прошлом сенатора, Рэндольфа Накаямы из Калифорнии. Они принадлежат к разным поколениям, но мой адвокат жил в одной комнате с сыном сенатора в колледже Рида, что в Портленде, штат Орегон, – в том самом городке, где Текс купил свою верную винтовку.

Мой адвокат рассказал мне, что деды и бабки сенатора с обеих сторон – чистокровные Японцы, хотя одна пара была иммигрантами, а другая – уроженцами Калифорнии – угодили в концентрационный лагерь, когда наша страна приняла участие в «Последней Петарде». Лагерь, кстати, находился всего в нескольких километрах от Тропы Доннера, названной так в честь Белых людоедов. Тогда всем чудилось, что любой обитатель нашей страны, в ком есть Японские гены, мог оказаться менее лояльным по отношению к Конституции Соединенных Штатов, чем по отношению к Хирохито, Императору Японии.

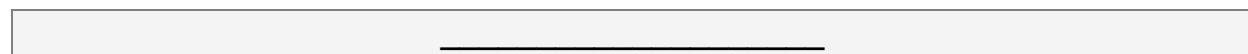
Однако отец Сенатора служил в пехотном батальоне, в который набрали исключительно молодых Американцев, у которых предки были

Японцами, и этот батальон получил самое большое число наград из всех частей, принимавших участие в Итальянской кампании во время все той же «Последней Петарды».

Я попросил своего адвоката разузнать у Посла, не оставил ли Хироси записку и нет ли данных посмертного вскрытия, которые показали бы, что он принял какое-то химическое вещество, облегчающее ритуал харакири. Не знаю уж, как это назвать – дружбой или болезненным любопытством.

Я получил ответ, что записки не было, и посмертного вскрытия тоже, потому что причина смерти была до жути очевидной. Но вот одна подробность: маленькая девочка, не зная, кто он такой, была первым лицом из всех лиц обоего пола и любого возраста, которое увидело, что он решил с собой сделать.

И она побежала и сказала своей маме.

Еще тогда, когда мы жили по соседству, я спросил Начальника, почему он никогда не выезжает из нашей долины, почему не хочет побыть вдалеке от тюрьмы, от меня, от невежественных молодых охранников, от колоколов на том берегу озера и от всего прочего. У него ведь скопились многие годы неиспользованных отпусков.

Он сказал:

– Я бы встретил еще больше людей, только и всего.

– А вы вообще не любите людей, да? – сказал я. Мы с ним говорили всегда как бы иронически, так что я мог задать ему такой вопрос.

– Я бы предпочел родиться птицей, – сказал он. – Лучше бы всем нам было родиться птицами.

Он за всю жизнь никого не убил, а его личная жизнь была точно такой же, как у теленка, которого держали в живых только ради того, чтобы превратить в телятину.

Моя жизнь была богаче впечатлениями, и я обещал в конце этой книги назвать число, которое я хотел бы поместить на своем надгробии – цифру, обозначающую одновременно число моих на все 100 процентов законных военных убийств и число моих прелюбодеяний.

Если читатели узнают про число, указанное в конце, и про его двоякий смысл, то кое-кто может сразу полезть в конец, чтобы узнать число и решить, не читая книги, много это или мало, или в самый раз. Но я приготовил для них замочек, с которым придется повозиться. Я спрятал этот странный ключик в задачке, которую без труда решат только те, кто прочтет книгу от корки до корки.

Итак:

Возьмите год смерти Юджина Дебса.

Вычитите название научно-фантастического фильма, снятого по роману Артура Кларка, который я два раза видел во Вьетнаме. Не впадайте в панику. У вас получится отрицательное число, но ведь Арабы еще в древности научили нас оперировать ими.

Прибавьте год рождения Гитлера. Так! Вот все и стало опять милым и положительным. Если вы справились с задачей, то у вас получится год, когда Наполеона сослали на Эльбу и был изобретен метроном – впрочем, ни о том, ни о другом событии в этой книге не упомянуто.

Прибавьте число дней беременности самки опоссума. Этого тоже нет в книге, так что я вам дарю это число. Это число – 12. Это даст вам год, когда скончался Томас Джсфферсон, бывший рабовладелец, а Джеймс Фенимор Купер опубликовал «Последнего из Могикан», и хотя действие происходило не в нашей долине, но вполне могло бы происходить и здесь.

Разделите на корень квадратный из 4.

Вычитите 100 раз по 9.

Прибавьте количество детей, рекордное для 1 женщины, и пожалуйста: вы получили, шут побери, конечный результат!

Если кое-кто из нас умеет читать и писать и производить простые подсчеты – это еще не значит, что мы заслуживаем звания Покорителей Вселенной.

КОНЕЦ

notes

Цитата из пьесы Сартра «При закрытых дверях» (1944). (Здесь и далее примечания переводчика.).

Тех – сокр. от Texas (Техас) (*англ.*).

Стипендия, учрежденная по завещанию английского финансиста Сесила Дж. Родса, дающая право на 3-летний курс обучения в Оксфордском университете для студентов из доминионов и США.

Знак общества, основанного в 1776 г. для выдающихся студентов; названо по начальным буквам греческих слов *philosophia bion kybernetes* – «Философия – учитель жизни».

Бенедикт Арнольд (1741–1801), американский генерал, предатель.

«Отелло». Акт 3, сцена 3. Перевод Б. Пастернака.

Рука на небесах расписывает судьбы,
Изящен почерк, безупречен слог;
Поститесь, умничайте,
Лейте слезы –
Перечеркнуть не сможете тех строк.

Омар Хайям. Пер. с англ.

Перевод Б. Пастернака.

«Гамлет», акт 3, сцена I. Перевод Б. Пастернака.

Канун Всех Святых – вечер накануне 1 ноября. Дня Всех Святых. В этот вечер по домам ходят ряженые.

«Железнобокие» – полк, который Оливер Кромвель возглавлял во время Гражданской войны в Америке; Поль Ревир в 1775 году проскакал на коне в Лексингтон и дал сигнал о наступлении англичан.

Счастливого пути! (*франц.*).

«Макбет», акт 5, сцена I. Перевод М. Лозинского.

«Гамлет», акт I, сцена 5. Перевод Б. Пастернака.

Бытие, 1:28.

«Гамлет», акт 1, сцена 5. Пер. Б. Пастернака.

Марк Ротко (1923–1970), американский художник-абстракционист.

Churchill, Hitler, Roosevelt, il Duce, Slalin, Tojo – Christ (Христос).

Гимн Соединенных Штатов Америки.

Дворец Короля Артура, где, по легенде, за Круглым Столом восседали Артур и его рыцари.